

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 18 АПРЕЛЬ 1988

КРАСОТА
СТАРИННЫХ ДВОРЦОВ

БОРЬБА
ИДЕЙ

ПОЧЕРК СКАЗОЧНИКА

ВЕСНА
НАДЕЖДЫ
НАШЕЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 18 (3171)

30 АПРЕЛЯ — 7 МАЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1988.

Главный редактор
В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,
В. В. ГЛОТОВ
(ответственный секретарь),
Л. Н. ГУЩИН
(первый заместитель главного редактора),
К. А. ЕЛЮТИН,
Н. А. ЗЛОБИН,
В. Д. НИКОЛАЕВ
(заместитель главного редактора),
Ю. В. НИКУЛИН,
А. Г. ПАНЧЕНКО,
А. Б. СТУКОВ,
С. Н. ФЕДОРОВ,
Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,
В. Б. ЧЕРНОВ,
В. Б. ЮМАШЕВ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Фотоэтиюд Геннадия КОПОСОВА

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА

**Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.**

**Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27;
Отделы: Публицистики — 212-21-88; Между-
народный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69;
Искусства — 212-15-39; Морали и писем —
212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных
приложений — 212-22-13, 212-23-07.**

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 11.04.88. Подписано к печати 26.04.88. А 00332. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 780 000 экз. Заказ № 2225.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

**Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.**

КОНТРАКТ НА КУБАНСКОМ ПОЛЕ

**ЕГО ПОДПИСАЛИ ДВЕ СТОРОНЫ —
СОВЕТСКАЯ И ЮГОСЛАВСКАЯ,
КОНТРАКТ ДЕЛОВОЙ,
МНОГООБЕЩАЮЩИЙ.
НА СОЛНЕЧНОЙ ПЕЧАТИ,
ПРИЛОЖЕННОЙ
К СТЕПНОЙ НИВЕ,
ЧЕТКО ПРОЧИТЫВАЕТСЯ
СЛОВО ДРУЖБА.**

**Николай БЫКОВ,
Фото Марка ШТЕЙНБОКА**

Огонек» уже рассказывал, что в Краснодарском крае был создан и успешно разворачивает свою проектную мощность агропромышленный комбинат «Кубань». Коллектив его встречает свой четвертый Первомай. Четыре года назад такое хозяйство было новинкой для нашей страны. АПК «Кубань» взял на себя дело обслуживания черноморской курортной зоны в крае. Главное — производство продуктов питания и доставка их отдыхающим, организация конвейера, действующего с весны до бархатной осени. Прилавок протяженностью почти в полтора километра! В течение сезона на нем появляются продукты двухсот десяти наименований. 210 — что угодно для души, все, чем богато многоотраслевое хозяйство «Кубань».

Осуществить задуманное помогла и помогает югославская фирма «Белград». У нее купили модель АПК, а также необходимые технологии. Югославы строят основные производственные объекты за околицей кубанского города Тимашевска. У фирмы «Белград» сорокалетний опыт, авторитет у нее международный. Сейчас у нас работает тысяча человек из СФРЮ. Двадцать три специалиста помогают нашим агрономам и механизаторам освоить индустриальные технологии по выращиванию сахарной свеклы и кукурузы. Дело спорится! Каждый вложенный рубль обязывает кубанцев перенимать опыт без промедления и с наименьшими отступлениями от технологий.

Это в поле.

А на строительной площадке югославы управляют сами. Работают так, что любо посмотреть. Любо-дорого! — так точнее. Частенько местные строители приходят посмотреть, как и что, откуда что берется. Строителей вроде

бы и нет, никакой суеты, движутся механизмы, день ото дня растут стены будущих цехов.

Основные производственные объекты спроектированы предельно компактно и целесообразно. Площадка — пятьдесят два гектара. Здесь расположатся и фабрика упаковочной тары, и фабрики по переработке продукции полей, кондитерская фабрика и молокозавод. Кстати, всю начинку упаковочной фабрики купили в Италии.

В Тимашевске бок о бок действуют две дирекции: фирмы «Кубань» и фирмы «Белград». За одним столом нередко сидят, ведут бурные многоязычные дискуссии представители Агропрома РСФСР, социалистической Югославии и капиталистической Италии.

Такое деловое сотрудничество — знамение времени. Ум — хорошо, а три лучше. Но, конечно, дружба дружбой, а денежки врозь. Наука покупать для нас все еще за семью печатями. Купить мало, надо освоить. И прибыль извлечь, то есть на рубль получить как можно больше.

В 1987 году «Кубань» сработала неплохо, положив в «карман» почти 114 миллионов рублей. Это на девять процентов больше, чем в 1986 году. Основную часть выручки дали поля, то есть сельскохозяйственное производство, — более восьмидесяти миллионов рублей. Вот вам и село!

Товаров АПК «Кубань» продал почти на семьдесят миллионов рублей. Цены устанавливают сами (например, на сливочное масло, на мясные и колбасные изделия). Неплохо сработали все двадцать четыре магазина, десять кафе и два фирменных ресторана. Кроме того, были открыты семьдесят торговых точек...

Принцип работы — самокупаемость. Выбранная модель ее обеспечивает. Схема: поле — прилавок. Как можно больше произвести и как можно быстрее продать! Свежее, красивое, лакомое. Дорого яичко к светлему дню, а покупатель всегда прав! Просто? Не скажите...

Я помню Тимашевск станицей достаточно хлебной. Теперь — город. И — центр агропромышленного комбината, первенца новой экономической политики.

Югославы живут по соседству с тимашевцами, а такая жизнь сближает быстрее лозунгов и даже прекраснотных мечтаний. Тут все на виду: умение построить коттедж и вести хозяйство, способы отдыха и поведение в быту. Жизнь интересна и поучительна всеми этими взаимопроникновениями, упрочением личных связей.

Дружба деловых коллективов не на сезон. Дружба — это то, что вне политики. И в рекламе она, как и весна, не нуждается.

●
Настилка полов

●
**Впервые встречает майский
праздник
на советской земле
бригада югославских плотников
Хуснии Кадрича (крайний слева)**

●
**Грузы
прибывают
из СФРЮ без задержки**

●
Новосел

Возможно, прав Григорий Бакланов в том, что не следует устраивать «суды чести» над идейными доносчиками или доносчиками по расчету, авторами «возмущенных» писем на Пастернака, Твардовского и многих других. Но, может, стоит опубликовать беседу с ними и их подручными. Ведь до сих пор, насколько мне известно, жив Каганович, многие другие члены всяческих комитетов, генералы и полковники от литературы и идеологии. Сейчас как никогда важно знать «технологии» запугивания, нагнетания страха и «размазывания по стенке».

Пока мы больше знаем переживания жертв — появились интервью с вдовой Н. И. Бухарина, сыном В. Блюхера и другими. Хорошо бы послушать тех, кто был на стороне устроителей этой вакханалии. Какими способами нас довели до генетического страха, когда из-за боязни получить плохую характеристику нынешние (не вчерашние!) школьники «проявляют» общественную активность или, наоборот, стараются «не высовываться». Это была бы хорошая информация к размышлению тем, кто находится в начале своего пути. Да и «запуганным старшим» это поможет расправить плечи. Только полностью освободив людей от страха, мы сможем узнать много бесценных подробностей, документов и фотографий, возрождающих по крупицам нашу недавнюю историю.

А. КУЗНЕЦОВ
Москва

В 9-м номере «Огонька» за этот год была опубликована хорошая карикатура — бюрократ, грозный пальцем, и надпись «гласНОсть!». Карикатура вполне злободневная. Как в старые добрые времена, о событиях за рубежом мы знаем куда больше, чем о проблемах своей собственной страны. К примеру, о том, что творится в Палестине, можно узнать в любое время, стоит только включить телевизор или радио. А по поводу событий в Азербайджане и Армении слышим самые общие фразы о «необходимости больше уделять внимания вопросам национальных отношений» и о том, что «обстановка там нормализуется» (последнее?).

В программе «Время» 9 марта вся информация о событиях в Сумгаите заключалась в словах «случилось то, что случилось» и «негативные явления». Прекрасный урок для дипломатов — говорить 10 минут и не сообщить буквально ничего! Впрочем, таких «дипломатов» у нас на телевидении больше, чем нужно. Особенно изощренно умеют обходить

острые углы наши участники телемостов. Прямо бери любого и посылай хоть в Штаты, хоть в Китай. Не подкачают! В последнем телемосте «Москва — Лондон» наши дорогие соотечественники, по-видимому, слегка увлеклись и забыли, что телевизор смотрят не только англичане. Интересно, где живут у нас эти люди, у которых все есть, которые отлично одеты, не любят ходить по магазинам и никогда не стоят в очередях, которые всегда и во всем согласны, вдумчиво обсуждая свое будущее? Странно. Не знаю, как подбирают этих участников телемостов, но впечатление они подчас производят убогое.

Я считаю, что, демонстрируя образцы такой гласности, наше телевидение проявляет элементарное неуважение к своему народу. Игнорируется право каждого человека получить своевременную и полную информацию о том, что происходит не только в Новой Зеландии, но и в своей собственной стране.

С. Г. ГОРЯЧЕВ,
геофизик
Мурманск

Среди многочисленных запретов и ограничений, доставшихся нам в наследство от периода, который можно обозначить «социализм минус демократия», есть запрет на приобретение и использование множительной техники. Понятно, что одним разрешением проблему не решить — в стране просто не выпускаются портативные множительные аппараты индивидуального пользования. Значит, надо освоить выпуск этих аппаратов! Ну, а если у кого-то появилась возможность приобрести такой аппарат за рубежом, это не должно запрещаться.

Чего нам бояться? Что кто-то будет распространять нечто «не то», нечто «подрывное»? Так надо не откладывая в долгий ящик принять Закон о печати, в котором будет четко перечислено то, что запрещено печатать и распространять, причем список этот не должен быть слишком длинным.

Ю. М. НЕСТЕРОВ,
инженер
Ленинград

Как совместить два понятия — прибыль и, скажем, патриотическое и интернациональное воспитание? Взять, к примеру, туристские экскурсионные организации страны, подведомственные Центральному совету по туризму и экскурсиям. Их около тысячи в нашей стране. Бюро путешествий есть практически в каждом городе, и до недавнего времени они вели большую работу по

воспитанию у подрастающего поколения чувства любви к Родине, своему народу, КПСС — за счет экскурсий на революционные, исторические и военно-патриотические темы. Почему до недавнего времени? Да потому, что с 1 января этого года система туризма перешла на полный хозрасчет и самофинансирование. И основным критерием работы бюро стала получаемая прибыль. От экскурсий прибыли намного меньше, чем от транспортных путешествий. А раз так, да еще нет показателя по экскурсионной работе в отчете бюро (а до 1988 года он был), то на местах повели активную кампанию по ликвидации экскурсий.

Например, в нашем Павлоградском бюро путешествий и экскурсий, где я работаю экскурсоводом, с начала года объем экскурсионного обслуживания уменьшился более чем вдвое. Практически исчезли городские и загородные экскурсии для школьников и учащихся учебных заведений. Наше бюро обслуживает 63 школы, 5 профтехучилищ, техникум, медучилище — около 50 тысяч детей! А это значит, что многие ребята не знают о героях нашего павлоградского подполья в годы Великой Отечественной войны, не узнают о знаменитом антифашистском восстании в феврале 1943 года, о 16 Героях Советского Союза — наших земляках, о подвиге болгарина Н. И. Сташкова на павлоградской земле, о М. И. Кутузове, основавшем наш город более 200 лет назад, о Павлоградском гусарском полке, описанном Л. Н. Толстым в романе «Война и мир», и многом другом.

Я побывал во многих городах нашей страны, так вот, тревожная тенденция по сокращению и ликвидации экскурсий в работе туристско-экскурсионных учреждений набирает темп и там. Ну а как же интересы общества и государства? Не получится ли, что, получив рубль прибыли от одних более выгодных услуг, мы потеряем куда больше в формировании мировоззрения, морали, нравственного облика советского человека?

А. В. МАЛАКОВ,
экскурсовод Павлоградского бюро
путешествий и экскурсий

Я моряк, мне 50 лет. Из них 30 лет я связан с морем и по профессии радиооператор на судах рыбной промышленности в г. Калининграде. С 1972 года, придя с очередного рейса на китобазе «Юрий Долгорукий», нахожусь в «подвешенном состоянии», а точнее, являюсь человеком, которому отказано в доверии плавать в заграничье.

Причиной послужило мое увлечение английским языком, в котором я попытался совершенствоваться, общаясь с двумя японскими пред-

ставителями, находившимися на борту китобазы в качестве наблюдателей за ведением китобойного промысла. Увы! Никто из них не знал английского. Я оставил свои намерения, но «контакт» был замечен, хотя общаться с ними не возбранялось. Мне категорически запретили встречи с ними. Дальнейшие случайные встречи (корабль не земля, далеко не убежище), естественно, имели место. Я не шарахался в укрытие при виде иностранцев на своем корабле, с ними мне не раз приходилось иметь дела во время предыдущих заходов в иностранные порты.

Кому-то пришло в голову, что раз я радист, значит, могу раскрыть тайны переписки в радиообмене. И пошло, и поехало. Подобное подозрение обернулось для моей характеристики за рейс фразами «аполитичен», «халатное отношение к работе», «не посещает курсы марксизм-ленинизма»... Это я узнал после длительных и безуспешных попыток, стоивших неопишущей нервозности, выяснить истину в обкоме КПСС. Прочитали выдержки из справки, хранящейся в архиве Калининградского производственного объединения рыбной промышленности. Я потрясенный слушал, а потом спросил: «А что, за это визы закрывают?» В ответ мне пожали плечами и попросили прийти в другой раз.

Глухую, таинственную стену отчуждения и безразличия мне так и не удалось пробить. Друзья сочувствовали, недоумевали, советовали все бросить и перейти на берег. На мое счастье, нашлись настоящие коммунисты, вникшие в подробности моего дела. Они смогли сделать так, что я продолжал плавать, но уже без захода в иностранные порты. Да мне и не надо было этой заграницы, я был в море, на корабле, занимался любимой работой, гордился этим.

Но все-таки никогда не оставляла меня надежда, что справедливость восторжествует и когда-нибудь я снова стану полноценным моряком, гражданином, и все случившееся со мной буду вспоминать как страшный сон. А пока продолжаю увлекаться английским, плаваю в Балтийском море, не дальше. И остаюсь с надеждой на свою непосмертную реабилитацию.

В. С. ДМИТРАЧЕНКОВ,
радист
Калининград

Недавно на страницах «Огонька» был напечатан материал о порубках деревьев в столице. Но происходит это не в одной Москве, а и у нас в Ленинграде. Ленинградцы это видят на каждом шагу; уничтожаются деревья — и старые, и молодые. Конечно, чиновники все на свете сумеют объяснить, любое зло и неле-

пость, и непременно интересами трудящихся.

За примерами такого варварства и ходить далеко не надо. Я живу на Васильевском острове, и вот в воскресенье 20 марта гуляю с сыном по 18-й линии и вижу: от угла Большого проспекта к Среднему высится свежее пни. Именно высится, потому что спилены деревья на полметра, на метр и торчат кое-как разновысокими, а рядом валяются обрубки. Молодые, здоровые деревья, а на другой стороне линии деревья еще растут. Не знаю, может быть, и их ожидает участь соседей. А вот 14-я линия — вдоль улицы длинная каменная стена детской больницы. В одном месте в стене сделано углубление — когда-то, возводя эту стену, строители специально обогнули росшее рядом дерево, не срубили его. Еще недавно, прошлым летом, оно стояло, а теперь его нет.

Я считаю, что никакой эстетикой нельзя оправдать вырубку городских деревьев. Может быть, скажут, что теперь открывается вид на архитектуру. Но это же нелепо. Архитектура города и складывается из этого срастания домов и деревьев. Также нельзя оправдать утилитарными соображениями. Тем, например, что с тополей летит пух. Или, что корни разрушают почву. Если дерево простояло не один десяток лет и почву не разрушало, то почему сейчас стало разрушаться? А пух — это такая же принадлежность Ленинграда, как и его белые ночи. Да и бывает-то он неделю как-то в июне.

И еще вопрос. Кому все-таки принадлежат деревья города? Не в чьем ведении находятся, а кому принадлежат? Городу, то есть всем его жителям, или лично чиновникам, которые заправляют вырубками? Я считаю, что горожанам. Ведь воздух общий, а деревья — это и есть воздух, которого становится все меньше. Не объяснять все это надо, а что-то делать. Спасать.

А. В. ЕТОЕВ,
рабочий Эрмитажа
Ленинград

В райкомах, обкомах, крайкомах партии есть секретари, инструкторы и множество других должностей. Направляется вопрос: а не раздут ли этот штат? Необходимо обосновывать то или иное количество чиновников везде. Сейчас во многих отраслях идет сокращение, где-то необоснованное, где-то нужное. Не пора ли рассмотреть вопрос о сокращении и в партийных органах? А аппараты превратить в более гибкие и работоспособные штабы по руководству перестройкой.

Е. М. ЧЕРНОВ
с. Белый Яр,
Хакасская автономная
область

За последние полтора года в центральных журналах опубликовано много художественных произведений, разоблачающих и осуждающих необоснованные репрессии в период культа личности Сталина и другие негативные явления этого периода. Публикация таких произведений дает нам уверенность, что подобные трагедии станут невозможными в будущем.

Но все же еще немало людей, которые, читая подобные произведения, принимают описываемые события как авторский вымысел, натяжку, а то и как клевету на Сталина и социалистический строй. В то же вре-

мя в редакции журналов поступают сотни писем, в которых бывшие репрессированные или их родственники описывают эти же трагические события, но уже как жертвы, свидетели или очевидцы.

В связи с этим у меня есть предложение вынести на обсуждение общественности вопрос об издании подобных писем отдельной книгой (это могло бы быть многотомное издание). Несомненно ценность такого издания для историков и писателей — наших современников и будущих поколений. Книга эта явилась бы своеобразным памятником жертвам произвола.

В. Г. ГЛЕБОВ,
механик, 1928 года рождения
Воронеж

Наши газеты освещают их предвыборные программы и результаты предварительных их выборов. А у нас — робкие эксперименты. Никаких конкретных планов перехода от разговоров о демократии к подлинным общим выборам в Верховный Совет СССР не оглашается. Или верховный орган власти страны ждет чьих-то указаний, или тема демократизации не для наших Советов?

Я. Р. ГАЙДА,
32 года, учитель биологии и химии
Львов

Научный работник А. Соловьев в № 12 предлагает судить матерей-одиночек, которые оставляют своих детей в доме ребенка на постоянное воспитание государства. Но вот другой вопрос: как растить и воспитывать ребенка одинокой молодой женщине на ежемесячную государственную льготу — 20 рублей. Да еще побегать вместе с малышом, пока эти деньги получишь. Чиновники, которые выделяют средства на содержание брошенных детей, стонут, мол, дорого это государству обходится — целых 300 рублей в месяц! А вот матери-одиночке почему-то выделяют двадцать рублей и считают, что этого достаточно.

А знают ли соловьевы, как трудно молодой одинокой женщине решиться родить ребенка? И, решившись на этот поступок, остаться с ребенком в невыносимых материальных условиях. Двадцатка — это не выход из положения. И в это же время государство тратит на детдомовского ребенка 300 рублей в месяц. Где же логика? Хотите, чтобы меньше детей бросали, так выделите 100 рублей матери-одиночке, и пусть себе на здоровье растит сына или дочь. И нормального, здорового гражданина страна будет иметь, и 200 рублей экономии. Сейчас хотел бы я посмотреть на тов. Соловьева с малышом на руках и двадцатирублевой дотацией от государства.

А что касается того, что, мол, сажать таких матерей, которые детей бросают, то тогда уж сразу надо, чтобы в школе с «письмом Татьяны Лариной» девочки на уроках труда проходили трудовую повинность лагерного режима. Вот тогда наверняка и рожать не будут. И соловьевы могут спать спокойно.

В. Д. ЖУЛЕВ
с. Юрьево, Сумская область

Вот такое объявление имели удовольствие прочитать подписчики местной газеты «Адыгейская правда»:

«Информацию об источниках и фактах самогонварения можно направлять, не называя своей фамилии, по адресу: Майкоп, ул. Краснооктябрьская, 30, кабинет профилактики по борьбе с пьянством и алкоголизмом.

Г. Сотникова, начальник кабинета профилактики Майкопского ГОВД, капитан милиции».

Что же это получается, как прикажете понимать? Смелее, граждане, донесите?.. Поди потом докажи, что ты не верблюд. Да и кому, ведь фамилию автор доноса может не указывать?

Я. Г. ФАРБЕР
Майкоп

Обращаюсь к вам с просьбой разъяснить и объяснить мне следующее: кто и на каком основании повышает цену журнала Демократической Республики Германии «Melodie und rhythmus» в советских денежных единицах. Я покупаю этот журнал уже с 1980 года, так как по профессии я звукооператор и интересуюсь новостями в эстрадной музыке мира. В 1980 году его цена была 24 копейки за журнал, цена в марках ГДР — 1,25. С 1983 года его цена в наших киосках «Союзпечать» выросла до 40 копеек, цена в марках осталась прежней. Далее, начиная с первого номера 1985 года, стоимость возросла до 60 копеек за экземпляр, изменения же в ГДР не произошли — тот же формат, та же цена. А в этом году купил первый январский номер журнала, на котором та же цена в марках, тот же индекс, но в нашем советском киоске «Союзпечать» — 80 копеек. Что случилось? Неужели курс советского рубля по сравнению с маркой ГДР с 1983 по 1988 год (за пять лет) упал больше чем в три раза?

А. ЗНОТИНЬШ
Рига

Очень странно отреагировала «Комсомольская правда» на письмо В. Мнищенко из Киева с вопросом о том, знает ли наш читатель поэзию Иосифа Бродского. Газета напечатала статью П. Горелова и подборку... но не стихов самого Бродского, а дополнений к статье от собственных корреспондентов из-за границы, не побрезговав присоединиться к мнению откровенно шовинистского эмигрантского журнала «Вече». По своей тенденциозности публикация вышла просто отменной, живо напомнила о лучших традициях дурных времен и погромных статей.

Из выступления П. Горелова следует, что наш читатель, не знающий или плохо знающий Бродского, не только ничего не потерял, но даже приобрел моральный капитал, поскольку уберек себя от «откровенного потока зарифмованных банальностей, пошлости и цинизма», защитил свою душу от чудовищных посягательств ничтожного поэта, которому попросту «нечего сказать».

Такова точка зрения нашего специалиста по Бродскому, который далек от намерения вместе с зарубежными «специалистами» (ну, разумеется, там могут быть лишь закавыченные специалисты!) «отыскивать в его стихотворениях то, чего в них нет, или видеть в них больше того, что есть». Каждый имеет право высказывать свою точку зрения (под этой рубрикой помещена статья) на что угодно, в том числе и на поэзию Бродского. Но когда частная

точка зрения публикуется в большой газете, ее желательно обосновывать, чтобы она не выглядела произволом, откровенным навязыванием читателю частного взгляда.

Как же обосновывает свою позицию автор статьи? Он не утруждает себя поисками оригинальных решений. Все приемы его критики заимствованы из тех постановлений и статей, где глумились над Ахматовой и Зощенко, поносили Пастернака...

В Москве недавно состоялся большой вечер поэзии Бродского, мы оба выступали на нем и должны сказать: интерес к Бродскому очевиден. Бояться этого нечего. Бродский — сложный и яркий поэт, о чем наш читатель уже может получить представление по публикациям в «Новом мире», «Неве». Будут и другие подборки. Поэтическими учителями Бродского были Цветаева и Пастернак, Мандельштам и Ахматова, которая в 60-е годы высоко оценила поэзию молодого Бродского. Бродский родился (1940 г.) и вырос в Ленинграде, который до сих пор называет самым красивым городом в мире. В 1964 году после травли и глумливой статьи в ленинградской газете поэт был осужден за «тунеядство», несмотря на протесты видных деятелей культуры. Отбыв 18-месячную ссылку, Бродский вернулся в Ленинград, по-прежнему почти совсем не печатался и в 1972 году был вынужден покинуть родину. Теперь он живет в Нью-Йорке. Отъезд Бродского — с годами это видно все отчетливее — большая потеря для нашей литературы.

Со многими политическими высказываниями поэта можно спорить. Но ясно одно: его стихи не рассчитаны на политические намеки. В них утверждение извечного жизненного порядка, пронизательное изображение как добрых, так и злых человеческих чувств. По решению Шведской академии Нобелевская премия по литературе за 1987 год присуждена поэту за «многогранность творчества, проникнутого остротой мысли и глубокой поэтичностью». Проглядывая подборку мировой печати, откликнувшейся на премию, видно, что политический аспект мало взволновал газеты, и если «Юманите» действительно отметила его (о чем пишет «Комсомольская правда»), то она не забыла добавить, что Бродский — «несомненно, поэт значительный». Сам Бродский заявил в интервью, что «это премия литературе, а не политике», и на вопрос о реакции Москвы сказал: «Не знаю, какие там будут отклики, но мне интересно, что же все-таки скажут».

Точки зрения П. Горелова он уже дождался, но она далеко не единственная «реакция Москвы». Такова наша точка зрения, для которой не нашлось места на страницах «Комсомольской правды».

Виктор ЕРОФЕЕВ,
Татьяна ТОЛСТАЯ,
литераторы

Наш адрес: 101456,
Москва, ГСП,
Бумажный проезд, 14.

О РАССТАНОВКЕ СИЛ
В ПРОЦЕССЕ
ПЕРЕСТРОЙКИ,
ИХ ОТНОШЕНИИ
К ПЕРЕМЕНАМ
БЕСЕДУЮТ
ПРОФЕССОР МГУ,
ДОКТОР
ЭКОНОМИЧЕСКИХ
НАУК
Г. Х. ПОПОВ
И ПУБЛИЦИСТ
ВАЛЕРИЙ
ВЫЖУТОВИЧ

КТО ПРОТИВ?

В. Выжutowич. Вы, Гавриил Харитонович, встречали хоть одного человека, который назвался бы противником перестройки?.. И я — нет. Поразительное единодушие: все — за! И те, кто требует правды в освещении трагических страниц нашей истории, и те, кому эта правда представляется «оскорблением идеалов» и «очернительством». И те, кто ратует за развитие товарно-денежных отношений, и те, чья вера — команды и предписания. На словах мы едины. Вопрос: кто против? — почти бестактность. И тем не менее декларируемая приверженность духу времени на деле нередко перечеркивает этот дух то строчками статьи, от которой за версту несет демагогией времен «обострения классовой борьбы», то кликушеством «патриотов всея Руси», коим всюду мерещатся происки агентов международного сионизма...

Г. Попов. Короче, что бы там ни говорилось, существует нечто объективное, проявляющее, кто есть кто, — я вас правильно понял?

В. Выжutowич. Именно! Есть люди, которые уже по своему положению в обществе не могут относиться к перестройке иначе как, мягко скажем, настороженно.

Г. Попов. Вы правы: сегодня — по крайней мере на словах — все за. Это главная особенность нынешнего момента. И, на мой взгляд, весьма опасная. Как определить, кто действительно

но за, а кто против? По речам и заявлениям? Но где гарантия, что речи не продиктованы желанием угодить начальству, а заявления не вызваны стремлением занять повыше пост? Поэтому превращение словесных сторонников перестройки в подавляющее большинство, конечно, отражает движение вперед, но сей факт нельзя переоценивать. Среди голосующих за перемены немало тех, кто использовал представленный партией всем кадрам шанс обдумать прошлое, настоящее и будущее. Эта позиция — дать всем шанс — отражает и демократизм перестройки, и желание обеспечить ей максимум поддержки, и понимание, что сами условия жизни и деятельности под прессом механизма торможения неизбежно лишали многих возможности думать и принимать решения, что сам процесс выдвижения кадров сплетался с разного рода нарушениями, и оказалось чересчур много «без вины виноватых». Те партийные и советские руководители, хозяйственники, теоретики-ученые, кто использовал этот шанс, заслуживают добрых слов, и было бы вредным для дела копаться в их прошлом, ворошить старые обиды, сводить счеты. Но нельзя не видеть и опасность, исходящую от тех, кто перестроился только на словах. К тому же противники перестройки не разгромлены организационно, от них не очищен аппарат.

В. Выжutowич. Ну почему же. В иных городах, областях, республиках произошла полная, почти стопроцентная смена руководящих кадров. Изменился ли «сумма» от этой перемены мест? Не рискну предсказывать. Мы, кажется, все еще живем под лозунгом «Кадры решают все!». А ведь в этой сталинской формуле демагогии не меньше, чем коварного расчета. Во-первых, все решали отнюдь не кадры — они были «винтиками» Административной Системы, — а тот великий и мудрый, кто имел монополию на решения. Во-вторых, если кадры якобы решают все, то с них — и ни с кого более! — главный спрос за всяческое «головокружение от успехов». Что бы ни происходило, Система всегда оставалась на высоте своей непогрешимости, а провалы, просчеты, ошибки приписывала проискам и вредительству отдельных лиц, именуемых врагами народа. После XX съезда партии вошли в силу и по сей день имеют хождение более мягкие этикетки: «безответственность», «несознательность», «непонимание задач»... Поиском персональных виновников Административная Система по-прежнему обороняется от посягательств на самое свое существование.

Г. Попов. Да, кадры обновляются, это факт. Но факт и то, что вновь пришедшие зачастую замечательны не тем, что они прорабы перестройки,

а только тем, что, во-первых, не запятали себя в годы застоя и, во-вторых, потенциально как будто бы могут стать активными прогрессивными деятелями.

В. Выжutowич. Как я понимаю, борьба разворачивается не вокруг вопроса, быть или не быть перестройке. Перестройка неизбежна, жить так, как мы жили все эти годы, стыдно и далее невозможно. Другое дело — как, каким путем осуществить задуманное обновление? Тут я вижу главный перекресток сегодняшних споров, тут воздвигаются баррикады, сталкиваются позиции, идет борьба...

ДВА ПУТИ

Г. Попов. Если сгруппировать возможные варианты общественного обновления в полярные, крайние, то выделяются два основных пути. Первый — решительный, быстрый, глубокий, осуществляемый при активном участии самых широких масс. Это путь революционно-демократический. При нем издержки перестройки лягут прежде всего на плечи бюрократического аппарата, сформированного Административной Системой и прямо ответственного за годы застоя. Второй вариант: постепенные преобразования на основе новых инструкций. Это позволит аппарату постепенно перестраивать

себя, сохраняя свою ведущую роль и допуская обновление в тех пределах, при которых основная часть нынешних чиновников будет сохранять свои посты. Издержки перестройки или будут переложены на плечи трудящихся, или, что скорее, аппарат не решится это сделать, поэтому затынет перемены, и тем самым вместо решительного скачка будет медленное прогрессирование. Этот вариант можно назвать аппаратным. Он станет — уже становится! — базой консолидации всех антиперестроечных сил. А появление у аппаратного варианта «соратников» справа будет еще больше усиливать в нем черты медлительности и консерватизма.

Есть у аппаратного варианта и левый фланг — авангардизм. Он тоже пытается бороться за решительную перестройку силами аппарата (который надо обновить). Однако суть перестройки такова, что сверху, аппаратно, ее в решительном варианте провести нельзя.

В. Выжutowич. Но история знает немало примеров, когда назревшие преобразования в обществе можно было реализовать и в революционных, и в консервативных формах. Вокруг двух вариантов перестройки и кипят сейчас споры. Кто же какой путь предпочитает, по-вашему, и почему?

Г. Попов. Основные силы перестройки — это мы с вами, все мы — и высшее руководство страны; аппарат партийных, государственных, хозяйственных, общественных организаций; руководители хозяйственных предприятий; интеллигенция; рядовые трудящиеся.

Так вот, практика трех лет перестройки и ее анализ показывают, что демократический вариант перестройки делает ненужными не просто те или иные подразделения хозаппарата. Он делает ненужным аппарат в его нынешнем виде. Аппарат нужен любому механизму хозяйствования, в том числе и экономическому. Но этот аппарат для него непригоден. Если, конечно, перестройка революционная.

Охотников рубить сук, на котором сидишь, пока найти трудно. Аппаратчики умело демонстрируют свою необходимость, незаменимость, нередко сознательно создают ситуации, когда без чиновников выход найти трудно. Более того, они искренне хотят перестройки и хотят ее провести. Но какую? Только ту, при которой им удастся усидеть в кресле.

Надо отдать справедливость аппарату — он сейчас работает на полную мощность, не щадя сил. Но как работает, над чем работает, какова реальная отдача?!

Именно хозяйственный аппарат министерств и ведомств стал ударной силой, забойщиком административного варианта перестройки.

В. Выжutowич. Хозяйственный аппарат ведет себя так просто потому, что не умеет работать иначе. Остается одно — пугать нас анархией и, чтобы оправдать свое существование, все туже и туже закручивать гайки.

Г. Попов. Государственным органам трудно перестраиваться, а для большинства звеньев штатных аппаратов общественных организаций демократический вариант перестройки вообще означает похоронный звон. По логике, сейчас, как никогда, нужна активизация всех общественных сил, но очень уж велика привычка жить в рамках строгой заорганизованности. Это проявляется даже в партийном аппарате, который, по сути, начал перестройку и является одной из основных движущих ее сил. Уже после пяти первых лет Советской власти Ленин написал, что бюрократизм есть и в партийном аппарате. Но дело не только в бюрократе. Тема эта сложная. Она связана и со сложившимися отношениями, когда, как отмечал М. С. Горбачев, порой «дело доходит до того, что работники аппарата начинают помыкать членами райкомов, горкомов и обкомов партии».

Слушая прекрасную речь какого-нибудь бюрократа, невольно думаешь: ну хорошо, он явно хочет решительной и быстрой перестройки. Но почему? Что объективно заставляет его желать этого? Чем накажет его жизнь, если он вскоре отойдет в сторону?

Среди работников аппарата есть приверженцы демократического варианта. Но главное объяснение приверженности того или иного руководителя демократическим преобразованиям можно найти только в их личной позиции. А объективно большинство работников аппарата не может не склоняться к административному пути. И дело тут не в личных пристрастиях. Ведь в большинстве своем эти работники отбирались и выдвигались именно за умение администрировать. И за способность быть послушными исполнителями. Подчиненных своих они отбирали по этим же критериям. Даже если работники осознали преимущества демократического варианта, им не надо большого ума, чтобы понять: на этом пути карьеры не сделаешь. Многим придется уступить свои посты работникам иного типа. Именно поэтому со стороны бюрократии идет наиболее ожесточенное сопротивление демократическому варианту перестройки.

Представьте ход рассуждений аппаратчика. Он говорит себе: я понимаю необходимость решительной и быстрой перестройки, но я умею только распорядительствовать, контролировать, наказывать. А все это в таком виде уже не будет нужно. Я умею подбирать и растить кадры руководителей, но как при выборах заставить считаться с моим мнением? Я сегодня руковожу работой разных комиссий в силу того, что они подчинены мне. Но завтра они, видя, что основное зависит не от меня, а от воли коллективов, перестанут четко следовать моим указаниям. Аргументировать я давно отвык. Знаний современного типа недостаточно. Если же я буду настаивать, меня вообще могут завалить на следующих выборах. Нет, для меня остается аппаратный вариант. Впрочем, редко кто так честно рассуждает даже наедине с собой. Многие автоматически выбирают аппаратный вариант, считая его чуть ли не единственно мыслимым.

А с другой стороны, чем виноваты люди, которые когда-то были пригодны для аппарата и честно работали в нем? Надо видеть в поведении бюрократов не столько их вину, сколько беду. Но факт есть факт: аппарат всех видов и отражающие его взгляды руководители стали наиболее острой проблемой перестройки.

В. Выжutowич. Идет либо явный саботаж, либо имитация обновления. Последнее еще опаснее, ибо рождает иллюзии.

ИМИТАТОРЫ

Г. Попов. Да, имитация бурной деятельности. До сих пор в среде руководителей немало людей, считающих: не надо принимать решения, надо продолжить работу над тем или иным законом... Но я знаю: это любимая форма саботажа — готовить постановления, уточнять их, улучшать, шлифовать, снова улучшать... Кроме того, исторический опыт показывает, что точность формулировок, качество бумажных документов в больших делах особого значения не имеют. Я подозреваю, что Декрет о земле был сформулирован крайне поспешно. Но он отвечал глубочайшим интересам миллионов крестьян России. И они схватили этот, наверное, не идеально составленный документ и превратили в реальное событие русской жизни.

Вообще способов имитации перестройки очень много. Это и бесконечная подготовка всяческих нормативных актов, документов, постановлений. Это и частные преобразования, не затрагивающие сути. Классическая имитация — сокращение штатов.

В. Выжutowич. Лучший способ похоронить процесс общественного обновления — объявить о его полном и победоносном завершении. На наших глазах рождается опасный род приписок. Под железным прикрытием цифр, докладывающих о якобы совершенном расцвете самоуправления, еще легче, чем бывало, решать все окриком, волевым нажимом или же тайно, корыстно, обманом.

«Конечно, хочется верить, что коллективы будут выдвигать и выбирать людей порядочных, — пишет мне москвич Дроздов. — Путем выборов, может быть, удастся уменьшить число ловкачей, подхалимов, любителей делать щедрые подношения начальству. Но, конечно, противники демократизации будут стараться проводить на ответственные посты своих людей, которые в нужной ситуации станут вести себя послушно: и приписочку сделают, и любую услугу окажут... Хорошо бы вам выступить за введение таких железных процедурных правил, чтобы организаторы выборов не имели возможности жульничать — организовывать «самоотводы», открытые голосования «по желанию трудящихся масс» и прочие маневры».

Нет, за введение таких правил общественного самоуправления я выступать не буду. Тьма-тьмущая подобных процедур вводилась в прошедшие годы, и все — железные. Может, оттого, что железные, они и взяли в тиски и погубили столько социальной фантазии, творческого азарта.

МЕЖДУ СЛОВОМ И ДЕЛОМ

Г. Попов. Следующий важный слой участников перестройки — директора заводов, шахт, начальники строек...

Именно хозяйственные руководители были тем звеном, в котором смыкались централизованное и хозрасчетное начала управления. Они соединяли в себе черты представителя государства и черты лидера своего коллектива. Лучшие из них слышали, по выражению одного из героев Валентина Овечкина, «на оба уха»: и то, что сверху внушают, и то, что народ говорит. Им была видна несуразность многих директив; ведь именно на их глазах и в их руках руководящая бумага сталкивалась с реальностью. Им наглядно и ежедневно был виден разрыв между словом и делом. У них были наиболее сильные аргументы против администрирования. В прошлом хозяйственные руководители активно выступали против командной экономики. Им близки интересы своих коллективов и яснее всего были видны возможности действительно активного, свободного труда. Отсюда их готовность к демократической перестройке. Но, к сожалению, на их борьбу и на их позицию влияет груз прошлого. Они часто против всяких регламентов, но вовсе не за ужесточение своих обязательств. Они требуют решения проблемы материально-технического снабжения для руководимых ими предприятий, чтобы поступило все вовремя и качественное, и отнюдь не склонны понять, что это одновременно означает и **свое** обязательство отгружать вовремя и абсолютно качественное.

Перестройка предъявила им жесткие требования, и уже госприемка — еще не рынок, еще не сам потребитель! — выбила многих из колеи. Перспектива прямой встречи с теми, кто покупает их изделия, многих директоров пугает.

Далее. При всех своих жалобах многие хозяйственники лично живут неплохо. Переход к полному хозрасчету, нормативному или остаточному, им кое-что, конечно, добавит, но до сих пор никто не определил, каков будет выигрыш в оплате у директоров. Более того, руководители разных рангов пытаются сохранить в своих руках премирование директоров. Итак, рост доходов — вещь спорная. А вот угроза все

потерять станет вполне реальной у многих директоров.

Примем в расчет и такое соображение. Нормативы и регламенты — это не только путы на руках и ногах. Это одновременно костыли и палочки. Они страхуют. Они позволяют сослаться на авторитет верха, не думать, упрощать свою задачу. Они резко уменьшают риск. И если учесть, что рынок лично директору дает пока что мало, то «про себя» руководитель не очень обижен на нормативы: дали их сверху, сверху и помогут, если будет нелегко.

Самоуправление и выборность тоже далеко не всем по душе, даже способным директорам. И если аппаратный вариант ослабляет самоуправление, то иные руководители видят в этом для себя надежную гарантию: с министром им легче договориться, чем с коллективом.

Учтем и то, что за годы застоя многие директора обросли связями, знакомствами, взаимными обязательствами, и они не могут не понимать, что демократический вариант перестройки все это разрушит. Отсюда — склонность к аппаратному пути перестройки. Если поначалу все командиры индустрии бились за самостоятельность, то на втором этапе перестройки произойдет, очевидно, расслоение в их среде. Многие потянутся к аппаратному варианту перестройки, наиболее знающие, активные, предприимчивые пойдут путем демократизации.

В ОЖИДАНИИ БЛАГ...

В. Выжutowич. Не кажется ли вам, Гавриил Харитонович, что в сознании большинства утвердилось наивное, я бы даже сказал, обывательское представление о соотношении сил: народ за перестройку, а чиновники аппарата — против.

Г. Попов. Если бы все рабочие, или хотя бы их явное большинство, выступили в поддержку!.. При четко выраженной воле высших руководителей страны, при активной борьбе за перестройку творческой интеллигенции, трудящихся мы сломали бы сопротивление аппарата и его идеологических защитников. Кое-какой опыт такой ломки есть. В 1957 году, например, был решительно нейтрализован упраздняемый аппарат хозяйственных министерств.

В. Выжutowич. Да, но дело в том, что даже в рабочей среде отношение к перестройке весьма неоднозначно.

Г. Попов. Естественно. Перестройка ведет к экономическому росту страны, что в условиях общественной собственности означает рост благосостояния народа. В этом смысле все рабочие, желающие лучше жить, не могут не выступать за перестройку. Но от прошлого остались законные опасения. У людей нет уверенности в том, что укрепление экономики в ходе перестройки даст им достаточную компенсацию за дополнительные усилия. Нет уверенности, что этот экономический рост не станет ростом лишь некоторых отраслей или не выльется в пирамиды, которые, как считалось всегда, нужны народу (целый каскад ГЭС на Волге или атомные станции). Есть опасения, что основной эффект достанется растущему и по численности, и по аппетитам аппарату. Так ведь тоже не раз бывало в прошлом.

Что еще тревожит и настораживает рабочих? Перспектива полностью отвечать за итоги хозяйственной деятельности своего предприятия. Это хорошо показала госприемка. Десятки «благополучных» заводов оказались благополучными в кавычках. А если будет оценивать не госприемка, а рынок? И, что еще страшнее, рынок внешний? Люди понимают, что в таких условиях не только они сами, но и их заводы могут оказаться несостоятельными. Оценка продукции по мировым стандартам потребует закрытия заводов, которые могут существовать только под административным зонтиком и за счет других

предприятий. Есть и целые отрасли, существующие пока только за счет других отраслей. Но ведь рабочие к принятым решениям о строительстве этих заводов отношения не имели. А реальный хозрасчет несет опасность отвечать своей зарплатой не только за свои грехи, а за всю систему, за плохих руководителей, за их медлительность и неумение быстро перестраиваться.

В то же время среди рабочих немало тех, кто умеет хорошо работать и хочет зарабатывать больше. Эта часть рабочих двумя руками за перестройку, поскольку видит в ней возможность реализовать себя. Эта группа наиболее страдает от уравниловки, ведь именно за ее счет аппарат платит дотации относительно хуже работающим.

Есть и слой рабочих, давно живущих за счет своих товарищей, получая «нормативную» заработную плату, не соответствующую ни усилиям, ни умениям. Этот слой получает и премии «за план». Реальный хозрасчет — полная катастрофа для таких «тружеников». «Вкалывать» они не хотят, да и порой просто не умеют. Это не личная их вина, они — продукты системы. Они — социальная опора аппаратного варианта, как бы они порой ни клеймили «чиновников».

Как видим, среди рабочих за решительную перестройку отнюдь не все. Есть доля «за», есть доля «против» и есть обширная «середина», настроенная пока положительно в ожидании, что перестройка, как некий волшебник, сразу же что-то даст.

Этот иждивенческий настрой, порожденный опытом прошлого, когда верх чем-то «радовал» низы, скоро развеется. Ибо выяснится, что блага не падают с неба, их надо заработать. Возникнет задача, к которой надо быть готовыми сейчас: как сделать сторонниками решительной перестройки большинство трудящихся? Теоретически задача разрешима, так как именно быстрая перестройка сулит реальные перспективы именно большинству, а аппаратный вариант обрекает его на десятилетия прозябания. Таковы факты.

В. Выжutowич. Фактам надо смотреть в глаза. Чем реалистичнее оценка, тем честнее ответ на главный вопрос, имеет ли решительный, быстрый вариант перестройки шансы на успех или исход предрешен и начатое движение по аппаратному умеренно-постепенному пути сохранится как магистральное.

ВЕРИТЬ И ДЕЙСТВОВАТЬ!

Г. Попов. Судьба перестройки еще не решена. Она зависит от того, чьим резервом станет та часть трудящихся, которая ныне занимает нейтральную позицию.

В. Выжutowич. Пока что, судя по всему, немало шансов привлечь их на свою сторону имеет аппаратный вариант. Он ведь исходит из медленных темпов перестройки и потому может позволить себе сохранение уравнилительных тенденций в оплате труда, а это дает определенные гарантии тем, кто привык работать ни шатко ни валко. Десятилетия застойного развития просто отучили напряженно трудиться. Сформировался целый слой полуспеццов, дилетантов и откровенных халтурщиков.

Г. Попов. Вот в этом-то главное противоречие революционно-демократического варианта перестройки. Он, с одной стороны, требует заметной разницы в оплате, стимулировании лучших. А с другой — для успеха должен привлечь на свою сторону большинство, то есть тех, кому он не только не сулит незаработанных денег, но, напротив, обещает перспективу более напряженной работы за ту же зарплату. В чем выход из этого противоречия? А в том, что чувство хозяина формируется не только экономически. И если мы пока не можем обещать основной массе средних трудящихся сказочного роста зарплат, то в наших силах создать обстановку, при которой они будут чувствовать себя хозяевами. Такую обста-

новку формирует политическая демократия. Короче, если осязаемый рост доходов революционно-демократический вариант сулит лучшим, то демократизация будет реальным благом для всех.

В. Выжutowич. Гласностью возмещать тощие заработки? Это почти классическое: «Что слава? — Яркая зарплата на ветхом рубище певца». Ну уж нет! Демократия не может быть взамен благосостояния.

Г. Попов. Все дело в том, что у нас нет предлагаемой вами второй части альтернативы: богатый — но без демократии. Это нам сулили в годы культа личности: вы живете хорошо, будете жить еще лучше, и антидемократические формы можно терпеть. Сегодня так жить нельзя. Только демократия, жесткая чистка в ее условиях от всех блоков механизма торможения — в партии, в государстве, в экономике, в идеологии! С неизбежными экономическими издержками, даже с каким-то периодом трудностей, но с выходом на путь нормального экономического и социального развития.

Мы десятилетиями терпели Административную Систему, исправно аплодировали, добросовестно носили портреты на праздничных демонстрациях, послушно голосовали, единодушно одобряли. Плата за это неизбежна. Но при демократическом варианте она в целом меньше, срок короче, распределение по слоям общества справедливее. Нарыв можно вскрыть сразу. Это больнее, но правильнее и в конечном счете легче.

В. Выжutowич. Хорошо. Но почему вы уверены, что демократия привлечет на сторону революционного варианта перестройки экономики большинства?

Г. Попов. Давайте обратимся к примерам. Вот в аппаратном варианте Аэрофлот перешел на хозрасчет. Что он сделал, чтобы покрывать свои издержки? Ликвидировал льготы для студентов и школьников. Смог бы он это допустить в условиях демократии? Когда студенты и молодежь «взяли бы за жабры» депутатов? Когда сами депутаты, думая о следующих выборах и о голосах на них, и о конкуренте — кандидате на этих выборах, потребовали бы «к барьеру» министра гражданской авиации? И тот, положим, смог бы публично перед всей страной доказать, что без отмены льготного тарифа Аэрофлот жить не сможет. Но тогда ему могли бы посоветовать повысить цены на билеты, например тем, кто ездит в командировки за счет государства (чтобы поприжать любителей кататься «по делам» и заставить их так вести дела, чтобы меньше ездить), а льготный тариф не трогать. Или, скорее всего, ему доказали бы, что экономить можно за счет сокращения раздутых штатов Аэрофлота, за счет увеличения платных услуг, за счет строительства в аэропортах гостиниц и т. д. Вместо наиболее «легкого» при аппаратном варианте решения проблем хозрасчета (за счет молодежи) политическая демократия заставит мобилизовать все экономические резервы.

Еще пример. Под шум речей о пользе кооперации принята «мелкая» инструкция — о прогрессивном налоге. Суть инструкции не в прогрессивном налоге, а в изъятии всего, что свыше 700—800 рублей дохода на человека в месяц. Это не налог, это — продавец верстка. Вот тебе квота — остальное мы забираем. И человек, создавший продукции на две тысячи рублей, и тот, кто создал ее на тысячу, получит почти одно и то же. Какое тут ускорение? Это торможение тех, кто может работать лучше.

Принятым решением удушается кооперация. Что после такого «подарка» делать тем, кто уже ушел в нее, понадеявшись на искренность призывов развивать кооперативы? А каким доверием будет пользоваться власть, способная в любой момент на такие сурпризы? И зачем ради семисот рублей и неясного будущего бросать надежное

место с зарплатой в двести — триста рублей, с «левыми» доходами, приработками в свободное время, перспективой бесплатной квартиры и с гарантированной пенсией?

При демократии Минфин не смог бы келейно подготовить и принять такого рода решение. А если бы и принял, то кооперативы или довели бы министра финансов за такой шаг до отставки, или, что типичнее, вся страна одобрила бы такой хозрасчет на госпредприятиях, при котором на них можно будет зарабатывать такие же деньги, как и в кооперации, и платить такой же налог. Демократия привлекает к перестройке, а аппаратный путь отталкивает от нее.

Но наиболее яркий пример — цены на мясо и молоко. Рассуждения о покрытии дотации несостоятельны, так как неясно главное — какая часть дотации покрывает затраты на производство мяса, а какая пойдет на содержание аппарата Агропрома. А сколько в действительности нынешних издержек на мясо «задано» этим аппаратом, его инструкциями и его неспособностью вести дело? И здесь демократия привлечет массы к перестройке, а аппаратный путь может скорее всего оттолкнуть потенциальных союзников. Нельзя забывать, что именно аппаратно-бюрократическое повышение цен на мясо оттолкнуло от реформы Хрущева многих его сторонников.

Только демократическая система способна обеспечить эффективный вариант экономической перестройки, свести тяготы населения к необходимому минимуму. Я в этом убежден.

В. Выжutowич. Все спорят о том, какой должна быть демократия. И о том, выросли ли мы до нее.

Г. Попов. До свободы выросли все люди. А что касается форм демократии, то тут тоже секретов нет. Демократия, читал я как-то, — это как жираф. Тот, кто его видел, уже ни с чем не спутает.

Демократия в партии — это выборы в бюро из списка тех, кто набрал больше голосов. Это выборы секретаря организации тоже из нескольких кандидатов. Это выборность всего партийного аппарата (хотя бы в тех организациях, откуда идет в аппарат работник). Это жесткий, предельный срок для работы в партаппарате и для любого выборного руководителя.

Демократия в государстве — это выборы всех депутатов на конкурентной основе. Это выборы всех кандидатов в руководители всеми избирателями, а не в одном округе. Это выборность аппарата всех местных органов — от начальников ГАИ до начальников жилищного отдела. Это выведение местных Советов из фактического подчинения местным исполнительным комитетам.

Демократия в хозяйстве — это превращение Советов трудовых коллективов в главный орган полностью хозрасчетного предприятия, а директора — в подчиненного Совету главу исполнительной власти.

Словом, надо выдвинуть, обсудить на XIX партконференции разные варианты и одобрить на всенародном референдуме те или иные меры по развитию государственной демократии. А меры по внутрипартийной демократии может утвердить сама XIX партконференция.

В. Выжutowич. Все надеются на это. Но насколько обоснованы эти надежды?

Г. Попов. Вы задали очень важный вопрос. Умилительные ожидания чего-то с неба — наша хроническая болезнь. «Вот приедет барин — барин нас рассудит». Чтобы XIX конференция стала рубежом, требуется прежде всего иной порядок выборов делегатов на эту конференцию. Во всяком случае, обсужденный, аргументированный, объясненный.

Традиционный порядок избрания делегатов на пленумах, мне кажется, малопригоден для периода революционной перестройки. Нужен такой порядок, чтобы делегаты конференции отражали сложившуюся в стране си-

туацию, представляли реальные точки зрения, действующие силы, противоречия и разногласия.

Об одном из вариантов нового механизма выборов делегатов я написал в статье «Ведущее звено», которую газета ЦК КПСС «Социалистическая индустрия» опубликовала 12 апреля.

Нам надо учиться перестройке — в том числе и тому, как сделать партийные форумы не отражением точки зрения аппарата, как бывало в прошлом, а зеркалом мнения всей партии.

В. Выжutowич. Как же все-таки завоевать сторонников революционного варианта, когда даже среди них нет полного единогласия?

Г. Попов. В прошлом было много споров. Накопилось немало счетов. И по-человечески понятно желание иных теоретиков и практиков «уколоть» вновь примкнувших: а где ты был раньше? А что ты со мной тогда делал? Но впереди еще столько боев, что примкнувший сегодня будет иметь сотни возможностей полностью искупить свое позднее прозрение.

Мы только-только начали дело. И главный бой впереди. И тот, кто решил идти в бой на стороне нашего варианта, — уже наш. И даже тот, кто примкнул из конъюнктурных соображений, честолюбивых планов, — тоже. Надо не грехи поминать, а поддерживать нового сторонника. Ленин, понимая всю грандиозность революции, принял летом 1917 года в партию и Троцкого и готов был принять всех, кто принимал программу революции. Враг еще так силен, у нас так мало сил, что невольничья роскошь — предъявлять мелкие счета друг другу. И когда я по телевизору вижу защищающего перестройку старого знакомого, травившего меня в прошлом, я должен найти силы думать не о своих обидах, а радоваться тому, что нашего полку прибыло.

Единой массы сейчас нет. Поэтому хорошо бы найти к каждой группе общества свой, понятный ей подход, решающий ее проблемы. У каждой категории трудящихся — врач или учитель, продавец или шофер, — мне кажется, надо сломать тот стереотип жизни, который у них сложился в прошлом. И на место прежнего стандарта поставить новый, более привлекательный.

Сила аппаратного варианта в том, что он былых стереотипов сразу не ломает. И у многих сохраняется иллюзия, что можно прожить по-старому. Вот почему важно добиться ясного понимания: что, как и насколько у тебя изменится, если осуществится демократический вариант перестройки.

В обществе должны возникнуть своего рода «группы давления» в пользу скорого революционного обновления. Одной «группой давления» станут, к примеру, организации молодежи, другой — кооперативы, третьей — союзы творческой интеллигенции. В этом — путь к успеху. Чем быстрее эти группы организуют себя, выставят свои требования, начнут их защищать, тем шире, теснее станут ряды сторонников демократии и глубоких экономических преобразований.

Перестройка идет. У нее есть и успехи, есть и перспективы. Но, к сожалению, велико и наследство застоя. Аппарату труднее всего перестроиться, но пока что мы равняемся на него. Учителя знают, как трудно учить класс, если надо равняться на самого худшего, самого тупого из учеников. Все знают, как идет группа, которую инструктор равняет на самого медленного из туристов...

Есть у демократического варианта еще один, быть может, последний резерв. Если механизм торможения десятилетиями отбивал попытки реформ, то одновременно накопился и потенциал перемен. И коль скоро люди уже поднялись, они не удовлетворяются полумерами. Если «средний» гражданин решился меняться, его не удержать. Народ все более воодушевляется ленинскими идеями перестройки. Если уж пошел — не остановится.

ЗАПРЕТИТЬ НЕЛЬЗЯ РАЗРЕШИТЬ

Александр РОШАЛЬ

Древняя и мудрая игра... Эти блестящие от частого употребления эпитеты даже не требуют пояснения — и так ясно: речь идет о шахматах. Историки вкупе с археологами утверждают, что шахматы как таковые существуют по меньшей мере уже полторы тысячи лет. Но сильнейших игроков стали определять гораздо позже, а официальную мировую «корону» придумали всего-то сто лет назад. Примерно тогда, когда появились шахматные часы. Соединенные «коромыслом» два циферблата, будто сообщающиеся сосуды времени — нажал кнопку, и твоя стрелка остановилась, затикали часы соперника, думающего над своим ходом. Удивительное ощущение: оказывается, можно остановить время, можно им командовать. Время! Именно время чаще других понятий способно исполнить роль этакого всеобщего эквивалента, мерилла всех мерил — оно измеряет и скорость мысли, рождения идеи. И если в шахматах не совладаешь со временем и «флажок» на твоих часах упадет, зачитают тебе проигрыш партии в любой, даже абсолютно выигрышной позиции. Цейтнот — недостаток времени на обдумывание ходов — многократно губил и губит самые лучшие замыслы. Сначала, правда, правила были либеральными и за просрочку времени взымали денежный штраф. Но задумка эта обанкротилась вместе с наиболее задумчивыми игроками. К несправимым цейтнотчикам издавна относились с сочувствием и, добродушно улыбаясь, передавали из поколения в поколение рассказы об их удивительных рекордах. Так, изобретатель остроумных дебютных идей, немецкий гроссмейстер Ф. Земиш на одном из турниров, уже в преклонном возрасте, просрочил время во всех партиях. Этого могло не случиться — ему предлагали разделить очко, но принципиальный гроссмейстер ответил: «Я принимаю ничью, только если уверен, что на доске равная позиция, а сейчас у меня, к сожалению, осталось слишком мало времени, чтобы объективно ее оценить». Ну, и проиграл, так и не успев сделать положенные 40 ходов за два с половиной часа. Названный контроль десятилетиями оставался единственным для профессиональных шахмат, и после пяти часов игры, если партия не заканчивалась, она откладывалась, анализировалась дома и потом доигрывалась. Собственно, так зачастую играют в турнирах и сейчас, и только так — в матчах за мировое первенство.

Но вот появился и другой контроль: каждому по 2 часа на те же 40 ходов, затем — без перерыва! — партия продолжается (по часу на двадцать) до 60-го хода. Возникла вероятность угодить сразу в два цейтнота в одном «сеансе» игры.

Нововведения встречают по-всякому... В западногерманском журнале тогда появилась любопытная статья с интригующим заголовком «Цейтнот — русское слово». Без всяких церемоний взяли быка за рога: при новом контроле, в течение шести часов, партии значительно чаще могут быть закончены без вмешательства помощников, что «нанесет ущерб мастерам из стран Восточного блока и в особенности из Советского Союза, которые могут позво-

*Давным-давно известно выражение
«казнить нельзя помиловать».
Однако даже опрос самых видных знатоков-филологов
не выявил первоисточник.
Сошлись на том, что уже знали:
отказ от паузы, от запятой внутри этой фразы
символизирует двусмысленность,
уход от тяжелой ответственности.
Заголовок предлагаемых заметок и навеян ситуацией,
когда пришел
и уже проходит момент ответственных решений.*

лить себе иметь гораздо больше секунд, чем игроки с Запада». На сегодня положение заметно изменилось: ныне ведущие западные гроссмейстеры создают целые международные синдикаты, и Я. Тимману, например, на претендентском матче в Сент-Джоне помогали и швед У. Андерссон, и переехавший в ФРГ В. Горт, и еще кое-кто; Й. Хьяртарсон прибыл в сопровождении чуть не всей национальной сборной Исландии... Но изначально авторы той статьи в чем-то правы, и не только их задевают «горделивые» интервью сильнейших в мире советских шахматистов — мол, моя команда работала лучше, чем «штаб» соперника. Как тут не вспомнить, что еще А. Алехин предлагал внести в «матчевый договор» пункт о присутствии всего одного секунданта, не имеющего к тому же мастерского звания. Но так и не решили проблему контроля над ограничением постоянно растущего шахматного «вооружения» (или «окружения»).

...Вводя новый регламент, ФИДЕ гнула свою линию и сумела сагитировать многих организаторов, или, как ныне выражаются, спонсоров международных соревнований. В самом деле, улучшается реклама фирмы, ибо средства массовой информации охотнее сообщают о результатах туров без каких-то там отложенных партий, да и зрителям интереснее наблюдать весь шахматный спектакль — и начало драмы, и ее развязку. (Впрочем, замечено, что заполняемость зрительских залов щекоchet лишь самолётные спонсоры — по-настоящему доход растёт только от рекламы, а налоги уменьшаются от организации благотворительных мероприятий, каковыми считаются и шахматные турниры. Тут, кстати, следует сказать, что для шахмат и вообще-то важнее не сотни зрителей, а миллионы любителей, которые потом, быть может, еще долгие годы станут интересоваться опубликованными партиями.) Ну, а для любителей, желающих видеть, как флажок на часах падает и разрушает гордые узлы шахматных противоречий, можно провести и молниеносный турнир. Захватывающее зрелище!

Именно блиц — по пять минут каждому из соперников — после окончания претендентских матчей собрал на шахматном фестивале в канадском городе Сент-Джоне наконец-то полный зал зрителей. Турнир, который организаторы по собственной инициативе нарекли мировым первенством и провели по олимпийской системе с выбыванием, выиграл Михаил Таль. Потом от неудачников мы слышали, будто лауреат имел множество сомнительных позиций, зато куда стремительнее остальных передвигал фигуры и нажимал на кнопку часов. Но после блица руками уже не машут и победителей не судят. Для меня победа одного из лучших «блицеров» всех времен и поколений М. Таля сенсацией не была, хотя сенсационными стали осечки сначала А. Карпова,

а на следующем этапе и Г. Каспарова. Обычно оба они прямо фантастически играют молниеносные партии, к тому же нынешний чемпион мира вдвое моложе Таля (а ведь Д. Бронштейн как-то предлагал добавлять по минуте за каждые десять лет возраста). Быть может, не акклиматизировались, поздно вато прилетев за океан, и лишь в круговом турнире успели бы наверстать упущенное на старте? Нет, никаких выводов делать нельзя, даже перечисляя прошлые и нынешние победы Карпова и Каспарова в крупнейших блицтурнирах (с участием, кстати, и Таля). Но одно соревнование все же вспомню...

В 1983 году шахматный мир бурлил, недовольный решением ФИДЕ засчитать Г. Каспарову поражение в ненамечавшемся матче против В. Корчного, а В. Смыслову — против З. Рибли. Будущий чемпион мира тем временем отправился в Югославию на очень сильный международный турнир, имея в виду не терять спортивную форму и в глубине души рассчитывая на то, что в конечном счете и случилось... Мне тогда же довелось выступать в роли не только газетного корреспондента, но и передавать телевизионные интервью с крупнейшими гроссмейстерами и репортаж с заседания действующего в рамках ФИДЕ Совета игроков. Все они выступали за восстановление полуфинальных матчей претендентов.

В один из дней почему-то именно ко мне подошел давний югославский приятель Корчного и заявил, что при определенных условиях тот готов отказаться от присужденной ему победы и согласиться играть матч с Каспаровым. Условия эти, естественно, должны оговорить между собой оба соперника при личной встрече. К тому моменту Каспаров уже блестяще выиграл турнир в Никшиче и принял приглашение выступить на блицтурнире в другом, курортном городе — Герцог-Нови (там же, к слову, где в 1970 году триумфально победил на уникальном по составу молниеносном турнире Р. Фишер). «Смекнув», в чем дело, организаторы тут же пригласили и Корчного... Так вот, по дороге на берег моря, в ходе самого соревнования и после него и состоялись знаменательные переговоры, итогом которых и стал последующий матч Каспарова с Корчным. Однако до сих пор не могу отделаться от мысли, что не только дипломатические усилия, а и сыгранные в Герцог-Нови молниеносные партии привели Каспарова к цели. Он на три очка опередил занявшего второе место Корчного и выиграл у него обе личные встречи. Общественный резонанс получился столь громким, что с ним нельзя было не посчитаться. Каспаров отчетливо сознавал значение того «блица», когда, обеспечив себе первое место, под шквал аплодисментов победно вскинул вверх руки — точно как пару лет спустя в зале Чайковского, — лицо его освети-

СОМНЕНИЯ ШАХМАТНОГО ОБОЗРЕВАТЕЛЯ

лось счастьем, а глаза искали кого-то. Я подошел, поздравил его и тут же услышал слова, которые ему не терпелось высказать: «А, знаете, я и в блиц готов сразиться с Карповым!» Иногда блиц называют «другой игрой», но все равно это шахматная игра и игроки остаются теми же...

...«Пятиминутки» при всей их популярности никогда серьезно не угрожали классическим шахматам, не конкурировали с ними. По-настоящему официальных чемпионов мира по блицу еще не было, спортивные разряды никому не присваиваются. Опасность, так считают очень многие, исходит не от молниеносных, а от так называемых «активных» шахмат, где на всю партию отводится по 30 минут без учета количества ходов, вплоть до падения флажка на часах. Уже само название вызывает раздражение серьезных гроссмейстеров — получается, что до сих пор они играли в шахматы «пассивные»? А придумать синоним сразу на нескольких языках никак не удастся. К примеру, англичане в 1987 году написали в титрах телевизионного матча Г. Каспаров — Н. Шорт „speed chess“, но если во всем мире «чесс» — это шахматы, то первое слово у нас трактуется отнюдь не как темп или скорость хода — СПИД в русском языке — медленная, но верная смерть (в данном случае для шахмат?) Вопрос о названии бурно обсуждался на последнем конгрессе ФИДЕ в севильском отеле «Лос Лебрерос» (с испанского — «Гонимые»), и лишь положение гостя удержало меня от реплики: «Так назовите же по-международному — «лебрерос чесс».

Этакий сарказм вполне соответствовал и настроению сидевших рядом гроссмейстеров, каждый из которых, будучи совсем не рядовым членом официальных комиссий ФИДЕ, неустанно предостерегал окружающих от чрезмерного увлечения спортивной стороной шахмат. Заместитель председателя квалификационного комитета Л. Полугаевский буквально умолял «сотрудников» по крайней мере повременить с решением о введении мастерских и гроссмейстерских норм в турнирах по все тем же «активным» шахматам. А Э. Гуфельд в присутствии всех делегатов произнес зажигательную речь со словами: «Остановитесь! Вы же бьете осиноый кол в наши классические шахматы». Ему даже аплодировали, но когда дело дошло до решения вопроса о проведении мирового первенства по 30-минуткам, не потребовалось и голосования — абсолютное большинство явно поддерживало эту идею. Ну, а выражать, как у нас принято записывать в протоколах, свое особое мнение означало противопоставлять себя великому множеству малых национальных федераций — таких полномочий, такой рекомендации советским представителям никто дать не мог. Позже, уже в Москве, на заседании президиума Шахматной федерации СССР Г. Каспаров сделал заявление:

— Выступаю сейчас от имени Международной ассоциации гроссмейстеров (согласно ее уставу, как ее президент). С 1989 года мы сами будем проводить такие соревнования, и остановить это нельзя — здесь я согласен. Это великолепное коммерческое шоу, и мы должны смотреть правде в глаза... Дело это добровольное, не сопряжен-

ное в случае отказа ни с какими потерями. В отличие от любой официальной системы неучастие в розыгрыше нашего «Гран при» не влечет за собой никаких, даже моральных потерь — вы выбываете не из какого-то чемпионата, где разыгрываются титулы, повышаются индивидуальные коэффициенты и вообще устанавливается новая шахматная иерархия. Словом, ничем не рискуете, и вас никто не принуждает — ни прямо, ни косвенно. Но пока-то речь идет совсем о другом — о колоссальном преднамеренном заговоре против шахмат, о намерении развалить всю стройную систему шахмат. Дело даже не в том, что появятся чемпионы по «активным» шахматам. Бог с ними, пусть их будет несколько. Я таким «чемпионам» дам сеанс и легко выиграю. Я не про это... Международная гроссмейстерская ассоциация прекрасно видит, против кого направлен подобный проект...

Что же все-таки происходит на самом деле? Некоторое время назад Международная гроссмейстерская ассоциация во главе с чемпионом мира подняла форменное восстание на шахматном корабле против Международной шахматной федерации. А ФИДЕ приняла свои контрмеры, взяв на вооружение «активные» шахматы: эти гроссмейстеры нас не слушаются — мы введем такое же звание для других, эти организуют свой Кубок мира независимо от нас — мы проведем другое первенство мира, будем каждый год рождать новых чемпионов, дабы не воображал этот строптивый Каспаров, будто он единственный... Хитроумнейшая затея, особенно если учесть, что сами-то гроссмейстеры из ассоциации и намеревались организовать «Гран при» по быстрым шахматам, да вот не успели — оружие вырвано из их рук и направлено острием в обратную сторону. Впрочем, «сторона» — понятие тут все же довольно условное, и, хотя лидеры противостояния очевидны, надо прежде всего принимать во внимание интересы шахматного движения в целом, подчиняющиеся неким объективным законам или хотя бы тенденциям. О том и речь.

Быстрые шахматы весьма зрелищны, телегеничны, а сегодня без телевидения нет настоящей рекламы. Западные спонсоры сразу уловили свой шанс и год назад блестяще провели в Лондоне между Каспаровым и Шортом матч из шести партий с показом его по 4-му телевизионному каналу, с незамедлительным выходом красиво оформленной книги, ставшей тут же библиографической редкостью. Читатель, вероятно, чувствует некую зависть в моих словах? Да, мы тоже попытались не отстать: провели в Останкине, а потом и в Центральном шахматном клубе СССР пару соревнований с превосходным гроссмейстерским составом, учредили призы журнала «64-Шахматное обозрение». Понятно, что у зарубежных спонсоров не те призы — не хрустальные вазочки и не стеклянные кони (по сообщению брюссельской газеты «Суар», есть уже предложение разыграть за четыре октябрьских дня шикарный автомобиль в матче между чемпионом мира и одним из западных гроссмейстеров). Не те и условия для игры. Чтобы как следует показывать такие шахматы, нужно совсем не такое оборудование. У них все столы связаны с электронной установкой, и ходы автоматически передаются на телеэкраны, а у нас на изображении демонстрационных досок мало что видно, да и самому способному мальчику из любого числа демонстраторов не угнаться за играющими в непрерывном цейтноте. Тут и сравнивать нечего.

Любопытен подпункт Правил для новых шахмат: поединок заканчивается вничью «по соглашению соперников во время партии, но не до ее начала или после». Сквозь намек, впервые проникший на официальную бумагу, просматривается желание повысить результативность, а значит, и зрелищность со-

ревнований. Впрочем, и сейчас у организаторов ряда наиболее престижных турниров в сейфах вместе с чеками призового фонда лежат «черные списки» — там фамилии весьма известных шахматистов, охотно делающих короткие и бескровные ничьи, этих гроссмейстеров приглашают все реже и реже.

За рубеж из наших зовут прежде всего Г. Каспарова, А. Карпова, А. Белявского, А. Юсупова — их высокие индивидуальные коэффициенты поднимают общий рейтинг турниров, и именно они «расписных» ничьих практически не делают. Но даже для них междоусобные поединки видятся в перспективе разве что в начинающих сейчас турнирах из серии Кубка мира. Чаще всего они состояются с Я. Тимманом, Н. Шортом, Л. Любоевичем — словом, с зарубежными звездами (в последний раз Юсупов играл с Каспаровым лет восемь назад). Отсюда обольщающая многих надежда на ускоренные шахматы — скорее удастся сразиться со знаменитостями. Резко выдвинувшийся в последнее время В. Салов, правда, заметил на это: «Настоящие шахматисты и иными способами рано или поздно доберутся до верха и там проявят себя. А вот для командных соревнований укороченный контроль очень подходит». Интересная, кстати, мысль... Ибо командные турниры в еще большей степени носят спортивный характер, нежели личные.

...На все том же заседании президиума Шахматной федерации СССР самым категоричным был обычно невозмутимый В. Смыслов, который на моей памяти никогда так не гневался:

— Мы сейчас переживаем наиболее трагический момент за всю историю существования шахмат. Вот уже 50 лет я играю на мастерском и гроссмейстерском уровнях и подобного безобразия до сих пор не видел... Шахматы как искусство перестают существовать, рушится вековая традиция. Нельзя же придавать шахматам развлекательный характер, нельзя поощрять такое. В чем-то виновата и гроссмейстерская ассоциация, которая идет по пути организации каких-то скоростных «Гран при».

Итоги бурного обсуждения дипломатично и вполне конструктивно подвел А. Чикваидзе. Поддержав принципиальность Смыслова, председатель Всесоюзной федерации добавил:

— Все же придется признать, что появление так называемых быстрых шахмат объясняется самим темпом XX века, самой скоростью нашей жизни. Они, на мой взгляд, все равно пробьют себе дорогу, и от этого нам никуда не уйти. Так какую же избрать линию?.. Формы пропаганды могут быть весьма разнообразны. Думаю, правильно проводить соревнования не для выдачи званий и чемпионских регалий, а с целью популяризации игры, активизации шахматной жизни. Можно учредить в быстрых шахматах различные призы, кубки даже в масштабах городов, республик. Союза... Но мы, как шахматная федерация, не можем допустить девальвации классических шахмат. Президиум, как видим, высказывается против в вопросе о проведении официальных чемпионатов по «активным» шахматам, в вопросе о квалификации и присвоении званий.

Нельзя бесечно плыть по течению, не ведая, куда оно вынесет. К тому же в отличие от рек природных, чье течение не годится менять, шахматным движением надобно управлять — ведь это вовсе не река, а канал, гребной канал, который люди роют для себя сами. Не вырыть бы чего ненужного, а то и опасного, вроде ямы... Шахматы — один из культурных пластов общества. Триада «искусство, спорт, наука», где каждый по своему усмотрению и желанию выдвигает вперед любую из составляющих мудрой игры, может, чего недоброго, переродиться в «спорт, спорт, спорт».

Где мощнейшие истоки нашего шах-

матного движения? В детских кружках, в пионерских дворцах. Соблазненные близкой удачей, ребята примутся осваивать методы не всегда даже спортивной борьбы, стучать по кнопкам часов в ущерб кропотливому и трудоемкому изучению классического наследия. Тренеры-педагоги предостерегают своих учеников от легковесности, на практических занятиях журят стремящихся «играть на время», чуть не силой отбирают часы у тех, кто «заболевает блицем». Но детская психика неустойчива, и потери по-прежнему велики. Ах, какие нераскрывшиеся таланты, насупех выскочив из юношеских кружков, заглядывали в турнирные залы и сразу отправлялись на поиски легкой наживы — обыгрывать простаков в клубах и парках «на интерес», короче говоря, на деньги! Вот и все, что еще слишком часто остается от маленького шахматного спорта, если вынуть из него настоящее творчество. А ведь есть песня: «на маленьком шахматном поле большое искусство живет...» И большой спорт. В том большом шахматном спорте, кстати, и деньги очень немалые. Только их надо заслужить.

С другой стороны, есть огромный отряд шахматистов, которые зарабатывают деньги не за клетчатой доской. Они уже не «шахматообязанные» — даже не по возрасту, а по своей основной работе. А вот в турнирах с укороченным контролем — в выходные, праздничные, каникулярные дни, а то и просто свободными вечерами — они бы с удовольствием играли. И не подумали бы об этом вновь созданной мощной федерации профсоюзов (она-то занимается вполне сознательными людьми от 16, а то и 18 лет)?

...Где-то здесь автор и намеревался оборвать свои и без того затянущиеся рассуждения. Остановился, перечитал и — задумался, заколебался... Увидел по тексту, что в заголовке «Запретить нельзя разрешить» среднее слово как бы взял в запятые. И вот первая запятая, похоже, начинает смысваться под звуки современной легкой музыки. Но очень хочется верить, что никакие знаки препинания никогда не осилят серьезную, думающую классику. Да, быстрые шахматы — реальность, которая нравится многим. Особенно за рубежом. В целом ряде стран проводятся уже чемпионаты, и международная квалификационная система уже печатается. Есть там и оговорки — дескать, не с нуля будем начинать, а с «наличных» индивидуальных коэффициентов, выполнить новые нормы труднее, они завышены, и сами звания-то появятся только через полтора-два года... Ну, кому это все мешает? — наоборот, по-моему, это все мешает? — наоборот, по-моему, имеются же гроссмейстеры (и чемпионы мира) по переписке или среди женщин, гроссмейстеры по композиции. Не останемся ли мы на обочине этого неостановимого движения и позже, отстав, придется догонять? Или быстрые шахматы все равно не имеют будущего, поскольку из них практически исчезнет эндшпиль, замененный бездумными перемещениями фигур под угрозой падения флажка на часах? Очень многие дают общий ответ на все эти вопросы: можно играть в турнирах, но нельзя их квалифицировать, нельзя давать звания. Но как долго удастся одной ногой удерживать полуоткрытую сильнейшим давлением дверь?

Мучительные сомнения, смущающие шахматное общество, прервала (или дополнила?) публикация в центральной газете с 19-миллионным тиражом...

2 апреля в «Труде» опубликовано письмо группы советских гроссмейстеров, привлекающее внимание общественности к этой проблеме, которая «имеет принципиальное значение для будущего шахмат». Основополагающие пункты этого документа никто не может оспорить (мы тоже так или иначе затронули выше и подержали). Вряд ли абсолютно принципиально — скажем, в вопросе о классификации — расходятся с теми, кто подписал пись-

мо в газету, остальные две трети наших гроссмейстеров. Но фамилии их отсутствуют, пожалуй, не только по техническим причинам...

Действительно, с 3 по 7 мая в Таллине планируется проведение Кубка страны с получасовым контролем, победители которого, как сказано в письме, «должны принять участие в первом чемпионате Европы по «активным» шахматам». Очень смущает официально-принудительное «должны», но, обратившись в Госкомспорт СССР, легко узнать, что такого слова в Положении о соревновании нет. Дело добровольное: «При желании могут участвовать». Как в розыгрыше этого Кубка, так и в случае успеха — в первенстве Европы. Двадцать участников всесоюзного турнира будут представлять республики, еще двадцать названы «по рейтингу». Без каких бы то ни было порицаний любой отказавшийся заменяется следующим по действующей системе индивидуальных коэффициентов.

Я беседовал со многими шахматистами. Практически все против квалификации по системе «активных» шахмат: эти быстрые шахматы могут быть полезны, но по-настоящему большие мастера должны рождаться в обыкновенных великих шахматах. Однако играть в «активные» шахматы не желает совсем уж явное меньшинство гроссмейстеров. Даже среди 20 авторов письма в «Труд» примерно половина изъявила желание выступить в Таллине, некоторые выразили сожаление, что будут в это время заняты (наши ведущие шахматисты имеют сегодня возможность играть во множестве международных турниров); есть такие, кто просит, чтобы их командировали «за свой счет» сразу на первенство Европы. Что же тогда говорить об остальных, буквально рвущихся в крупные, широко рекламируемые и завидно стимулируемые соревнования?! В среде этих «остальных», между прочим, ратовали за исключение из розыгрыша Кубка СССР по «активным» шахматам всех, подписавших под письмом в газету. Мол, желающих играть в турнире не хватает тех мест, которые отбирают у них и противники этого турнира. Родилась даже такая вот забавная миниатюра: «Шахматист заявляет, что активные шахматы ему активно не нравятся, но играть в них он будет с удовольствием. Означает ли это, что у него есть твердое мнение, с которым он не согласен?»

21 апреля состоялся пленум Шахматной федерации профсоюзов. И сюда был вынесен вопрос о «быстрых» шахматах. Непривычную активность продемонстрировали собравшиеся — из зала к трибуне то и дело направлялись сразу по два оратора, неохотно уступая дорогу друг другу. Чередовались все те же аргументы «за» и «против». Защитники быстрых шахмат «зевнули» остроумный укол С. Смагина, только что ставшего гроссмейстером: «Если студентам предложить обучаться вместо пяти лет всего один год и вручать после этого тот же диплом о высшем образовании, они наверняка согласятся. Но обществу придется встать на защиту своих интересов». После многочасового обсуждения один из пунктов постановления профсоюзного пленума сформулирован пока так: «Не рекомендовать квалифицированным шахматистам (гроссмейстерам и мастерам) участвовать в международных соревнованиях — чемпионатах Европы и мира по быстрым шахматам».

«Хотим быть правильно понятыми», — написали гроссмейстеры в «Труд», признавая пропагандистскую роль быстрых шахмат и отвергая замену ими шахмат классических. Их поймут правильно, если на передовом рубеже они удержат позиции наших шахмат вообще, если сумеют делами выразить общие чаяния шахматистов, если в конечном счете их усилия будут отвечать не одним лишь групповым интересам...

...Так где же нам поставить запятую в заголовке этих заметок?

ПАЛИТРА

В МИРЕ СКАЗОЧНИКА

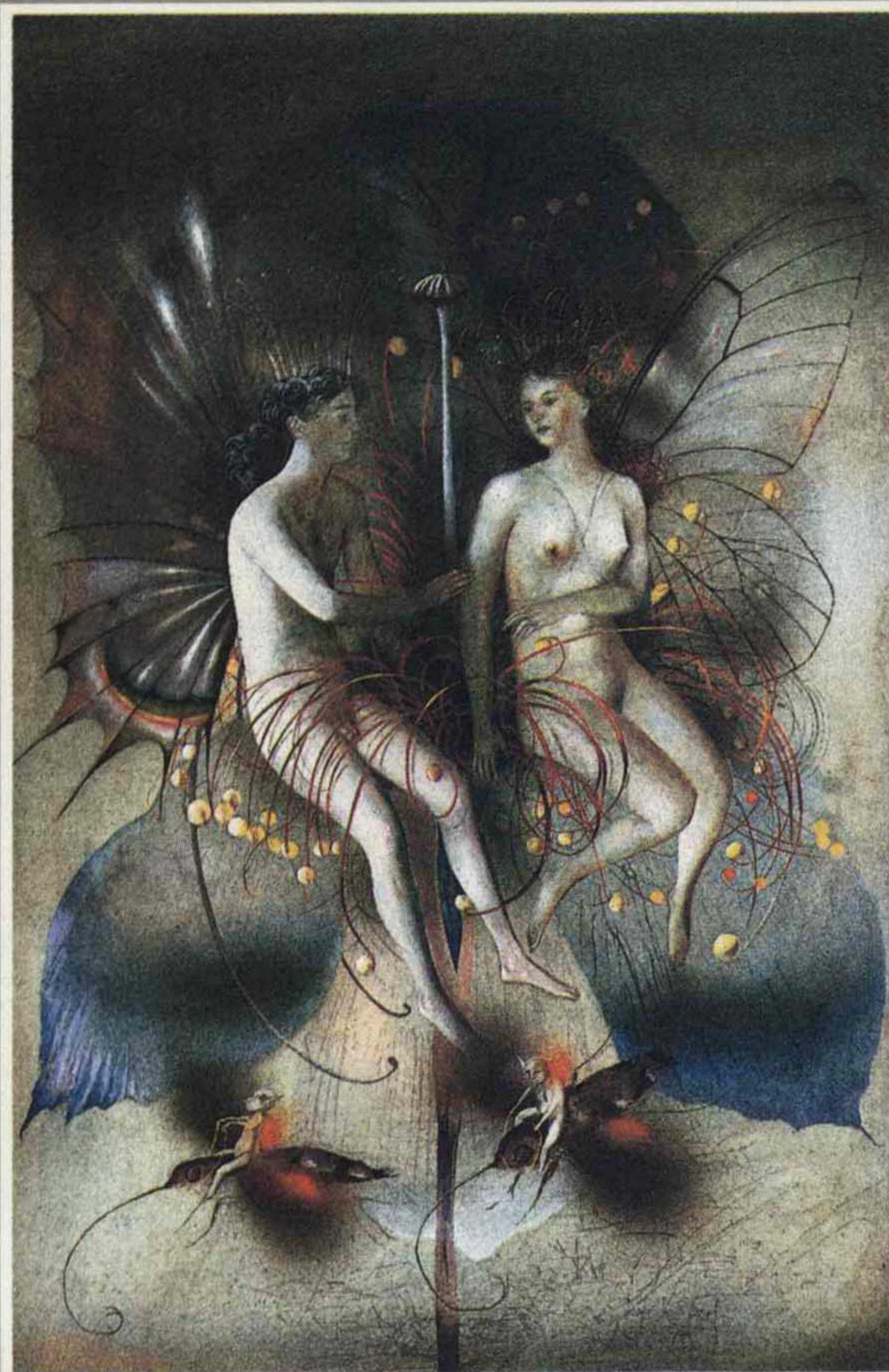
Искусство оформления книги привлекло молодого московского художника Александра Кошкина еще в годы учения в художественном институте имени Сурикова. «Литературный текст,— говорит Александр,— дает возможность художнику создать целостный мир, развивающийся во времени. Быть может, это прозвучит парадоксально, но я смотрю на книжную иллюстрацию как на некий совершенный организм. Почему организм? Настоящая книжная иллюстрация призвана к полнокровной и долгой жизни. Ведь в сознании читателей запечатлевается в первую очередь книжная графика. Согласитесь, что сначала мы просматриваем книгу, а уже потом читаем ее».

Иллюстрации Александра Кошкина всегда имеют точный адрес. В книгах для детей рисунки блещут всеми цветами радуги. Преображается мир животных и растений, представляя необычайно богатым и полным

А. А. КОШКИН. Род. 1952.
«АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС».

«ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ».

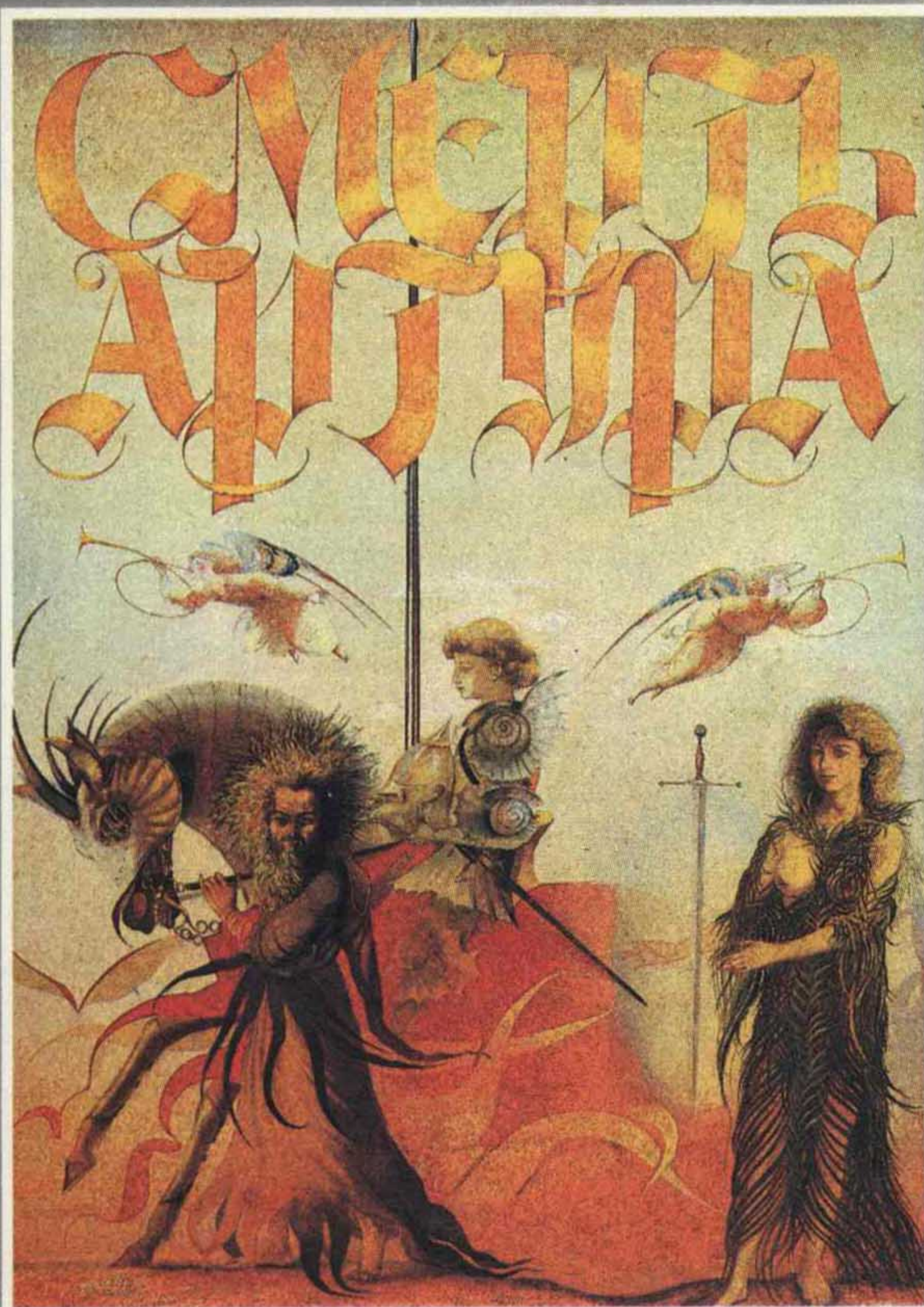

«СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ».

«ФАУСТ».

«СМЕРТЬ АРТУРА».

таинственного смысла. Работая над «Приключениями Буратино», художник просмотрел огромное количество иллюстраций, сделанных предшественниками. «Ключик» был обретен в тот момент, когда взор обратился к первоисточнику — сказке К. Коллоди «Приключения Пиноккио».

...Зеркальный карп, в который смотрится Мальвина как в зеркало, выписан художником с реалистической точностью. Важный удод-парикмахер, колдующий над прической Мальвины, и реален, и фантастичен. Грань, которая отделяет сказку от реальности, неопределима. Этот прием помогает ребенку познавать окружающий мир и одновременно будит его фантазию.

Художник работает не только с детскими книгами. Сделаны иллюстрации к «Фаусту»

Гете, близится к завершению серия иллюстраций к книге Т. Мэлори «Смерть Артура». Художник считает, что устное народное творчество, а вслед за ним героический эпос — подлинный клад искусства.

В работе Кошкин предпочитает акварельную технику, реже — темперную. Любит полосную иллюстрацию, большое внимание уделяет макету книги, выстраивая цельную архитектуру.

В ранних работах многообразие мира завораживает художника, отчего его композиции кажутся перегруженными. В последних произведениях больше пространства, свободного дыхания. В мире, создаваемом Александром Кошкиным, все больше равновесия и гармонии...

Сергей БЫЧКОВ

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Владимир ДЕРЖАВИН

1908—1975

Сильное, к сожалению, неполно раскрывшееся дарование с задатками мощного эпического поэта. Лучшее произведение Державина — его поэма «Первоначальное накопление» в тридцатые годы произвела ошеломляющее впечатление своим самостоятельным видением истории, тугой, перенасыщенной плотью классицистического стиха. Литературное переводческое донорство, которому Державин посвятил почти всю свою творческую жизнь, отняло у него слишком много сил, и ранние стихи так и остались лучшими.

СТАРИК

Я спал и видел сон. Тому два года
Иль три или четыре. Сплелся с явью
Он в памяти. Волокна различить
Почти что невозможно. Жил тогда я
В чужой, печальной местности. На берег
Пустующего, северного моря
Гулять порой ходил. И...
Мертвой бухтой
Я прозвал это место. Даже рыбы
Не могут жить в ее гнилой воде,
Отравленной каким-то серным ядом.
Лишь тиной багровой шевеля,
По склизким камням нижнее движение
Ее воды всползает на песок
Зеленым, дряхлым студнем. Быстрый воздух
Нес облака, но волн не подымал.
На темя башни голой, допотопной,
Воздвигнутой природой, я взбирался,
Чтоб чистое его ловить дыханье.
Там волоком ползли по щебню тучи,
Да на заре в расселины бойниц
Орлы — корсары неба опускались,
И за полночь, внизу на перевале,
Мигал светец в жилище финской ведьмы.
Она шинкарила, волшбой, гаданьем
В округе промышляла. Я у ней
Бывал. Она мне ставила на стол
Свинцовый жбан с густой, навозной жижей,
Которая зовется здесь вином.
От сердца, или извести оседала
На дно сосудов, иль возврат забытой
В мозгу костей болотной лихорадки,
Или проклятья пращур хомут —
Однажды ночью сжал мне шею так, что
Ни крикнуть, ни подняться. Близость смерти
Не такова! Слепая харя злобы!
Слепая мести! Чьей? За что?..

Когда ж
Прошло, я встал, шатаюсь вышел за дверь
И постучал хозяину. Старик
Мне отпер. Он не спал. Боялся моря.
Молился морю. Жил как мышь. А память
Была уже во власти ночи.

«Знаешь? —

Он шамкал. — Тут я люлечку привешу!
Утопленничек пухленький в ней будет
Качаться, отдыхать. И одеяльце
Припрятала старуха в кладовушке,
Горячих щец соседка принесет.
Есть у меня игрушки, пузыречки
Стеклянные! В одном мы будем жить,
В другом все время фейерверк пускают!
Я с каждым днем все меньше становлюсь.
Малютка тоже был сперва высокий,
Потом все меньше, меньше становился.
И вот теперь совсем его не вижу,
А слышу: плачет, тонко, как комарик.
А мама наша Лесгафта читает —
Ни прутиком, ни пальчиком, ни-ни!..»

Так плел он вздор. Но я прервал: «Голодный
Крысиный порск, удушье мертвой бухты
Мне вытомили душу! Завтра я
Уеду, но сегодня — я прошу вас —
Сегодня одиночество страшит!
Ну будьте же сегодня человеком!
Поставим чай, завяжем разговоры.
Коль есть у вас табак — давайте! Он
Нас оживит».

Как будто ответ смысла
Блеснул в глазах, досель пустых и мутных.
«А-а, табачок! — прошамкал он. — Есть! Есть!»

И, роясь в рухляди, в рванье, в обломках
Корзин и мебели, шептал: «Есть! Как же!
В той самой комнате, где вы теперь, —
Он жил. Могучий, толстый, задышался
При разговоре... только у него
Обоих ножек не было! На тачке...
Хе-хе... А вот...»

(Хитрейшею улыбкой
Его лицо безумно исказилось)
...И табачок! Он все курил, бывало,
Без ножек-то! —

(И странное веселье
Овладевало стариком) —

Уехал!

А табачок-то, вот он где! Хе! Хе!
«Давайте!» — крикнул я, схватив коробку,
И пальцами трясущимися жадно
Стал свертывать. Я не курил два дня.
В той местности табак не продавался.

...Сухой, трескучий, сыплющийся вспыхнул...

...Кружило... Как сквозь сон бубнил, хихикал
Юрод. Сползались звезды. В темноте
По перевалам, над лесами, тучи,
О щебень брюхом шарбая, ползли...
А темя блещет алым снегом утра,
Цветущим снегом юных лиц! Биваки
Дымятся! Это Альпы. И Суворов
Кричит со сна в соломе петухом.
Вот и вокзал... Какие липы! Жарко.
Сентябрь — а все цветет. Второй звонок.
Играют девочки в каштанах парка.
Перрон летит со звоном из-под ног.
Отдать за душу сладкого полета!
За душу страха! Душу слаще смерти!
Летя на замирающей подножке,
На узеньком, безумном облукке!
За сон любви в полете бездыханном!
А сердце пеня огненною лентой
Мелькает сквозь тамбуры! А тамбуры
Ревут как стадо скачущих букцин!
А липы низвергаются! И зданья
Свергаются и исчезают где-то!
Вам, мостики, вам, тонкие, как сладко
Над ревом в море скачущих потоков!
Вас будит залпом каменная пушка!
Вас топит ужас пения и звона!
Вы тяжести не чувствуете! нет!..

...О, быстрый мир! На тонких спицах счастья
Ты кружишься!.. И сфер твоих круженье...
Ты нежным влажным яблоком любимой
Вращаешься в прозрачных веках ночи.

Я целовал тебя... живет во мне...
О, голый мир любви моей внезапной!
Я в счастье невозможного достиг.

А домики все меньше, меньше, меньше.
И вечер-старичок в смешной скуфейке
О быстротечной юности не плачет.
Я тоже мог бы чувствовать печаль!
Я в дом вошел. А в лампочке-коптилке
Сгорел весь керосин. И эти люди,

Такие добрые, уже уснули.
Но стекла по убогости своей
Слезятся. И, невидимый во мраке,
Комарик тонкий плачет одиноко...

На лобном месте каменной горы.

1930

Алексей КРУЧЕНЫХ

1886—1968

«Теперь начать о Крученых главу бы...» —
так писал Н. Асеев в поэме
«Маяковский начинается»,
связывая имя и судьбу великого поэта,
ставшего памятником и кораблями, с именем
почти забытого его сподвижника по футуризму,
ставшего на старости лет всего-навсего
лишь собирателем и торговцем редкими
книгами и автографами. Между тем Крученых
сам был редким автографом истории —
и не только раритетом-загогулиной,
раритетом-кляксой.
Его знаменитое «Дыр... Бул... Щыл...»
прочно приклеилось к его фамилии.
Как будто провидчески настраиваясь на свою
будущую профессию неофициального букиниста,
Крученых на выпуске огромное количество
малотиражных книжечек —
иногда с собственными рисунками
и аппликациями, ныне превратившихся
в чернорыночные драгоценности.
Крученых создавал и серьезные, а подчас
и трагически завораживающие произведения,
несмотря на зубоскальски-пренебрежительное
отношение к себе со стороны литературных
«пуристов». Таково это, в чем-то кафкианское
стихотворение «В полночь я заметил...».
Пастернак писал во вступлении к одной
из книжек Крученых: «Несколько слов
о последнем (об искусстве. — Е. Е.). Ты —
на его краю. Шаг в сторону, и ты вне его,
т. е. в сырой обывательщине, в которой
больше причуд, чем принято думать.
Ты — живой кусочек его мыслимой границы...»
Точнее не скажешь.

В полночь я заметил на своей простыне
Черного и твердого, величиной с клопа,
В красной бахrome ножек.
Прижег его спичкой.
А он потолстел от ожога,
Как повернутая дном железная бутылка...
Я подумал:
Мало было огня!..
Но ведь для такого — спичка, как бревно!..
Пришедшие мои друзья
Набросали на него щепок,
Бумаги с керосином, — и подожгли...
Когда дым рассеялся, мы заметили зверька,
Сидящего в углу кровати в позе Будды,
Ростом ¼ аршина, и, как би-ба-бо,
ехидно улыбающегося,

Поняв, что это особое существо,
Я отправился за спиртом в аптеку,
А тем временем
Приятели ввертели ему окурками в живот
пепельницу,
Стоптали каблуками, били по щекам,
Поджаривали уши,
А кто-то окаливал спинку кровати
на свечке.

Вернувшись, я спросил:
— Ну, как? —
В темноте тихо ответили:
— Все уже кончено.
— Сожгли? —
— Нет, сам застрелился...
Потому что, сказал он,
В огне я узнал нечто лучшее!..

1922

ПРЕОДОЛЕТЬ ПР

**Юрий СУРХАЙХАНОВ,
Игорь ГАВРИЛОВ (фото),
специальные корреспонденты
«Огонька»**

Если бы победил ставший неуправляемым Куряж, вряд ли мы сейчас знали бы Макаренко как великого педагога: съели бы противники. Сейчас их у него вроде бы и нет, но сказать, что у нас в стране дети воспитываются по системе Макаренко, нельзя.

Куряж изменил свой статус в сороковых годах. Монастырские стены были разобраны, кирпич из них пошел на хозяйственные нужды, территорию обнесли бетонным забором и устроили

здесь колонию для несовершеннолетних преступников, теперь она носит имя А. С. Макаренко.

Кто же они, нынешние обитатели Куряжа? Пленники закона, осознанно отбывающие наказание, или запертые в ограниченном пространстве дети, продолжающие оставаться в плену собственных ошибок? И каковы их шансы на исправление, другими словами: кто их воспитатели? Войдем в железные ворота, через которые осужденному положено пройти только дважды, с промежутком в несколько лет.

В Куряже мы застали большой ремонт и стройку: завершается возведение трехэтажного кирпичного общежития. Начальник колонии полковник И. Л. Подгорный сам пробивает дефицитные отделочные материалы, например, смальту — ею выкладывают в клубе огромное, на две стены, панно на тему «Космос», оно уже почти заверше-

но. Я спросил Игоря Львовича о цели всех этих улучшений, не характерных для мест заключения.

— Пацаны эти приговорены к лишению свободы, и не более. Мы считаем, что они имеют полное право иметь условия и для работы, и бытовые, и для учебы — нормальные, человеческие.

Стадион построили, вы его видели, — футболисты они отменные, играем с шефами, курсантами военного училища. Зимой — хоккей, мы полное снаряжение купили. Для чего? Они же — растущие организмы. И витамины им нужны — так, построили теплицу, круглый год подкармливаем зеленью.

Если к тому, что говорил Игорь Львович, приложить перечень мероприятий, что проводятся в колонии, могло бы сложиться впечатление, что ее администрация, управление внутренних дел области, облисполком, обкомы партии, комсомола озабочены исключительно

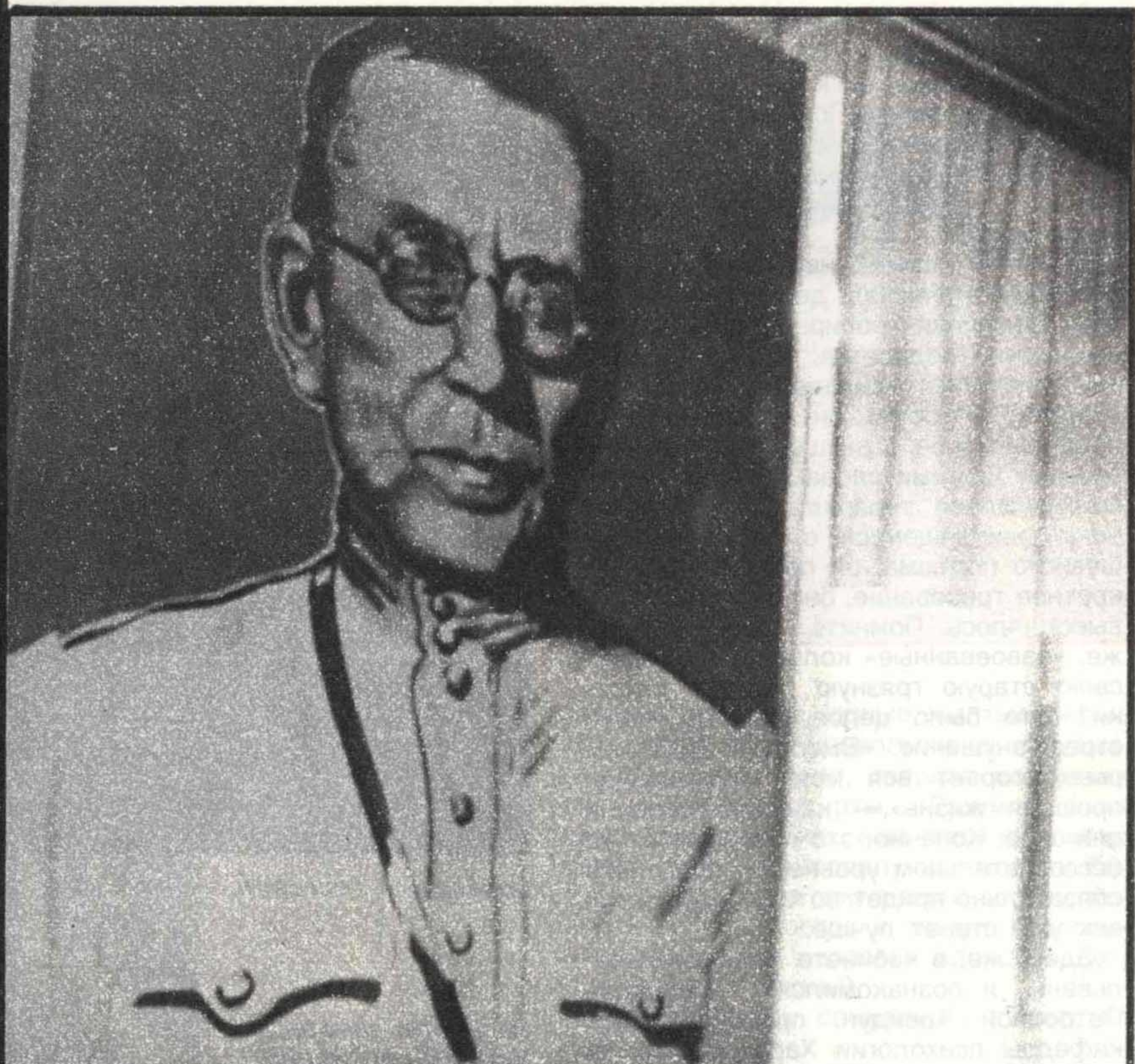
тем, чтобы скрасить вынужденное пребывание в колонии несовершеннолетних преступников. Над колонией шефствуют двенадцать организаций.

За время нашего пребывания в Куряже мы познакомились с двумя Героями Социалистического Труда: Куликовым, он шеф первого отряда, и шефом-наставником колонии Владиславом Алексеевичем Петровым, с народным артистом СССР, депутатом Верховного Совета Украины Николаем Федоровичем Манойло, он возглавляет совет общественности колонии, и многими другими достойными людьми. Мы узнали, что гостями колонистов были народный артист СССР Евгений Леонов, космонавт Зудов. Ребята смогли и поговорить с ними, и спросить совета, и сфотографироваться на память — не всякому их вольному сверстнику выпадает такое.

Конечно, Куряжская ВТК, несмотря

ОПАССТЬ

В «ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ»
НЕТ ГЛАВЫ
ПОД НАЗВАНИЕМ
«ЗАВОЕВАНИЕ КУРЯЖА»,
ХОТЯ САМ ПО СЕБЕ
ЭТОТ ФАКТ
НЕ ТОЛЬКО
КУЛЬМИНАЦИОННЫЙ
МОМЕНТ КНИГИ,
НО И РЕШАЮЩАЯ
ПРОВЕРКА
ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ
КРУПНЕЙШЕГО ЯВЛЕНИЯ
В ПЕДАГОГИКЕ,
КОТОРОЕ
ПОЗЖЕ НАЗОВУТ
«СИСТЕМОЙ МАКАРЕНКО».
АНТОН СЕМЕНОВИЧ
ПОШЕЛ
НА БОЛЬШОЙ РИСК,
КОГДА
СЛИЛ СВОЙ КОЛЛЕКТИВ
ПОЛНОЦЕННЫХ ЛИЧНОСТЕЙ,
СОЗДАННЫЙ
В РЕЗУЛЬТАТЕ
МНОГОЛЕТНЕГО ТРУДА,
С БЕСФОРМЕННОЙ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МАССОЙ
БЕСПРОСВЕТНО
ЗАПУЩЕННЫХ ОБИТАТЕЛЕЙ
КУРЯЖСКОЙ КОЛОНИИ.

на все атрибуты интересной жизни, не пионерский лагерь, а место заключения. Основное содержание внутренней жизни воспитанников — учеба и работа. Территория колонии разделена на две зоны — жилую и промышленную. Школа находится в первой. Во второй — завод и ПТУ, которое в обязательном порядке оканчивает каждый, получая машиностроительную специальность по собственному выбору. Рабочий день длится шесть часов, и столько же времени ребята проводят за партами. Завод — вполне полноценное рентабельное предприятие. Его продукция — центробежные насосы — включена в государственный план (объем производства — около восьми миллионов рублей). Часть ее идет на экспорт. Не все могут работать у токарного станка или в литейке по возрасту, состоянию здоровья — такие трудятся в цехе, выпускающем предметы

Идет политзанятие.

*Если бы жить
по этому правилу...*

ширпотреба. Основным средством перевоспитания остается труд.

Сама по себе тюрьма не пачкает человека (в тюрьму можно угодить и безвинным), пачкает преступление. Тюрьма очищает внутренне человека, во всяком случае, предоставляет эту возможность каждому своему постояльцу. Вот только цена дорогая.

Поэтому не нужно их жалеть, они и сами этого не любят. Нужно им помочь очиститься и перенести неволю. Второе, мне кажется, во много раз труднее. Но как это сделать, чтоб само наказание не потеряло смысла?

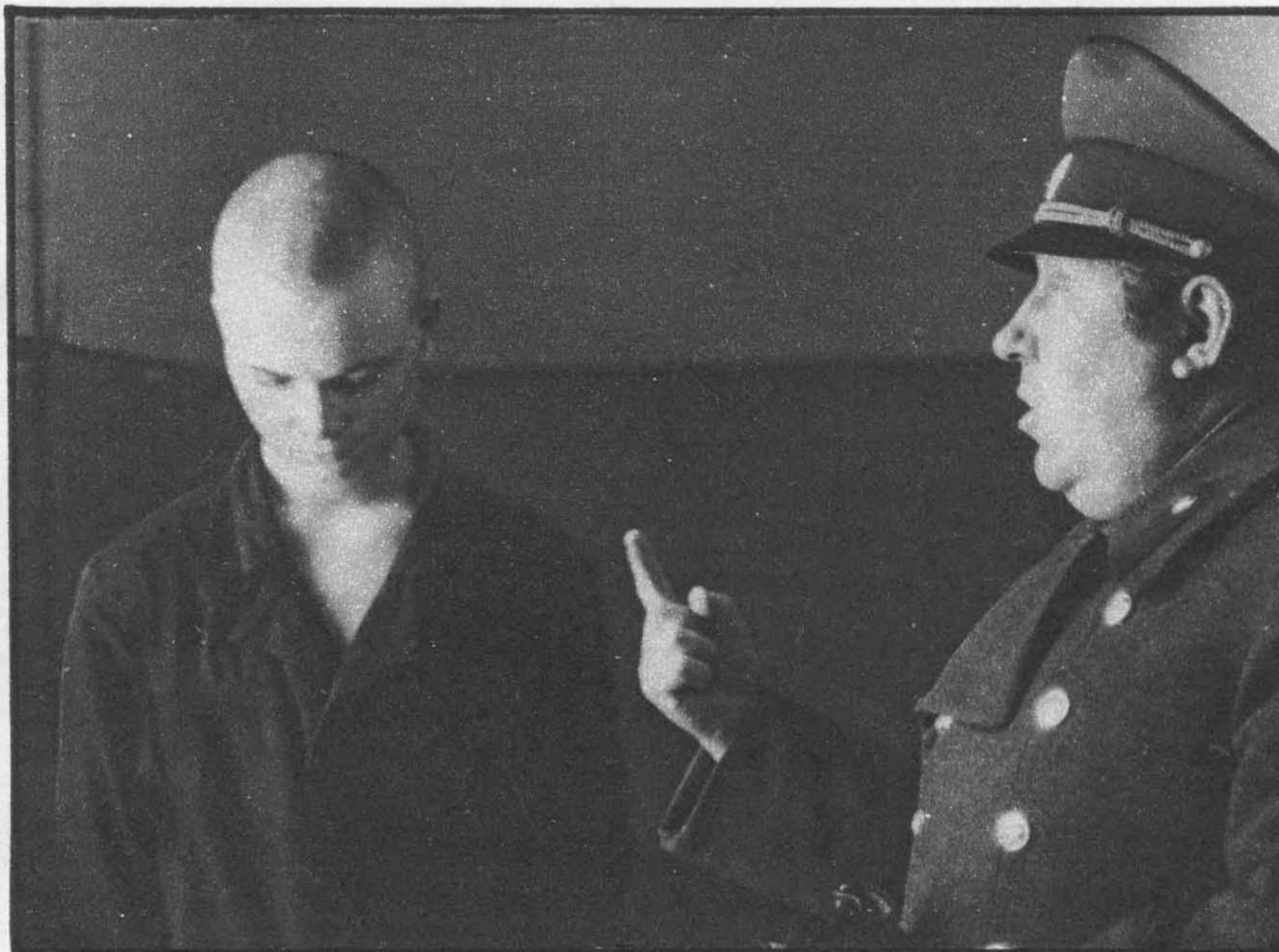

В колонии есть психолог. Я познакомился с Клавдией Васильевной Ким в организованном ею кабинете психологической разгрузки. Почти каждый день я выбирал время и заходил сюда.

— Ваша работа имеет какое-то отношение к системе Макаренко или это нечто иное?

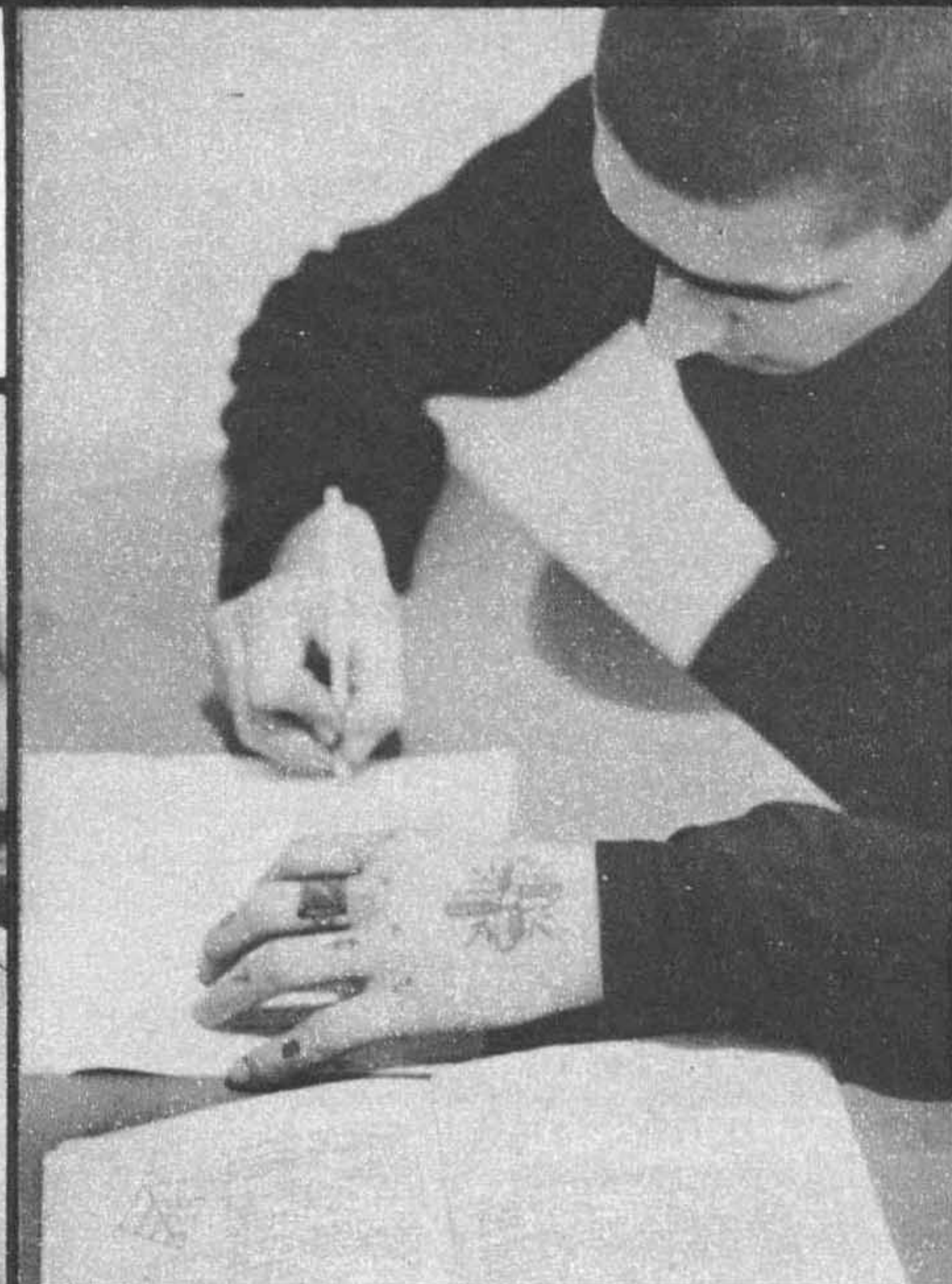
— Имеет самое непосредственное. Вся педагогическая деятельность Антона Семеновича опиралась на знание психологии подростка. Макаренко сам был великим психологом. Одно из средств, которым он пользовался, — педагогическое внушение методом взрыва. Другими словами, эмоционально-стрессовая терапия — когда человеку, находящемуся в состоянии душевного подъема, он предъявлял конкретное требование, оно безоговорочно выполнялось. Помните, здесь, в Куряже, «завоеванные» колонисты сжигают свою старую грязную одежду, тюфяки? Это было целое действо, тоже стресс-внушение. «Вместе с этим старьем сгорает вся моя неправильная прошлая жизнь», — как бы говорили они себе. Конечно, это совершается на бессознательном уровне, но осознание обязательно придет потом, когда человек уже станет лучше.

Здесь же, в кабинете Клавдии Васильевны, я познакомился с Надеждой Петровной Крейдун, преподавателем кафедры психологии Харьковского го-

Серьезный разговор.

*На своем заводе.
Укрощение станка.*

*Премудрости
тригонометрии.*

*Встреча
с бывшим колонистом.*

сударственного университета. Эта кафедра впервые в стране начинает готовить психологов для исправительно-трудовых учреждений.

— Самое трудное, — говорит Надежда Петровна, — переломить в них отношение к любому другому человеку как к средству удовлетворения их личных потребностей. Это главное содержание моей работы. Основной инструмент — слово.

И взрослые, и несовершеннолетние лица, взятые под стражу, содержатся в следственном изоляторе — СИЗО, попросту говоря, в тюрьме, туда же они возвращаются и после вынесения обвинительного приговора судом. Отправка в колонию происходит не сразу. По разным причинам, о которых сейчас мы не будем говорить, они неизбежно проводят там от нескольких недель до нескольких месяцев. Хотя несовершеннолетние отделены от взрослых, тем не менее контакт, пусть самый короткий, со взрослым представителем преступного мира, как правило, неизбежен: во время непродолжительного помещения во взрослую камеру, в бане, во время следования по этапу.

Обо всем этом мне рассказал заместитель начальника УВД Харьковской области полковник Г. И. Дубрава. Сейчас он и его коллеги добиваются, чтобы в порядке эксперимента было разрешено следственный изолятор для подростков открыть при Куряжской ВТК.

— Мы сможем сразу использовать то преимущество, — говорит Георгий Иванович, — что ребята не только не соприкоснутся с матерыми преступниками, но и вообще не будут знать, что такое тюрьма. Воспитатель, к которому он придет в отряд после суда, будет его курировать уже на стадии следствия и сразу начнет перевоспитательный процесс. Организация СИЗО при колонии сделает и нашу работу более эффективной, и послужит непосредственной пользе ребят. Ведь в обычных условиях время, проведенное в СИЗО, потеряно для досрочного освобождения.

— Решение этого вопроса может совершиться только законодательным путем, — продолжает Дубрава, — как и два других, которые ставит Харьковское УВД перед вышестоящими инстанциями. Мы хотим добиться разрешения держать в колонии воспитанников до двадцати двух лет, а не передавать их во взрослое исправительное учреждение, где в короткий срок вся наша воспитательная работа с ними сведется к нулю. И еще мы хотим передавать наиболее достойных из колонии сразу в армию. Посудите сами: поступает к нам, скажем, пятнадцатилетний мальчишка, осужденный к шести годам лишения свободы. Если мы видим, что он после трех лет пребывания исправился, не подведет (ведь, если что, нам же и отвечать), передаем его прямо в армию. Таким образом, он, покинувший дом под стражей, возвращается не через шесть, а через пять лет солдатом. Он не только от преступления очистился, но и судимость с него армией снята.

То, что Куряжская ВТК освящена именем великого педагога, могло бы служить объяснением нестандартности форм и методов работы с воспитанниками. Но не всегда здесь было все настолько благополучно... Мы сейчас понимаем, что перестройка опирается на тех людей, кто и во времена застоя брал на себя смелость не только мыслить широко, но и под свою ответственность отменять то, что «запрещено», если считали такой запрет неразумным или негуманным. И с первым таким нарушением, которое стоило немалых трудов узаконить, вы столкнетесь, едва войдя на территорию колонии, когда услышите первые слова рапорта дежурного колониста: «Товарищ полковник!..» вместо «гражданин начальник», а в повседневном обиходе — обращение по имени и отчеству. И это не мелочь, а мостик через пропасть.

ФРОГНЕР-ПАРК, ИЛИ КОЛЬЦО

В те часы, когда я сидела на траве во двореке Университетского Центра в Осло, слушая разноязычное гудение, монолитно, понятно сливающееся в единое: «жить-жить-жить», то испытывала не удивление и восторг, что я — здесь, а лишь усталое любопытство и отчуждение. Я привезла с собой как бы часть вины тех, уедно жвавших, беспардонно-беспечно опустошивших на долгие десятилетия прекрасный кусок земли. Эта вина, этот одержимый ужас, никогда прежде не знакомый — даже в худшие мгновения моего военного детства, — изменили привычную череду рефлексов: солнце — счастье — цветы — радость — птицы — хлеб — зелень — я дитя твое, земля, — вот мои руки, поднятые к солнцу, мое лицо, жадно слышащее горячий ветер, мой глубочайший счастливый вздох-насыщение, мое единение с сущим. Сорок дней назад мы с мужем пошли у себя в деревне, как обычно, гулять и вернулись с полднорги: непонятное висело в воздухе, наполняя жаркий, солнечный, пыльный майский полдень, идти было горестно, тревожно, как бы чернота осеняла ослепительно яркое, безоблачное небо. Незадолго до моего отъезда в Осло на Международную ярмарку женской книги вдруг пожелтели и погбили, покрывшись какими-то точками, листья на древних липовых аллеях, ограждавших нашу деревню. Липы в то лето не зацвели, стояли черные. «Тля, грибок?» — гадали мы недоуменно. Дом наш отделили от реки Польшы сотни километров, нам и в голову не могло прийти, что смердящий выдох рукотворного дьявола достигнул в тот день и до нас. Муж ответил на него рецидивом давней болезни: в молодости, работая на «номерном» заводе, он был облучен при аварии, но выжил и с течением лет почти забыл об этом. Никто не понял, что с ним случилось, умные врачи морщили лбы: тошнота, рвота, высокая температура, слабость?.. На всякий случай направили в инфекционную больницу, дабы хоть что-то предпринять, проявить профессиональную активность. Возможно, с неясной надеждой, что там непонятный больной дополучит в конечном итоге нечто имеющее давно известную симптоматику и популярное название. В больницу мы не поехали, но и связать недомогание с общей бедой на ум не пришло.

В Осло я пробыла всего три дня, хотя гости ярмарки оставались до конца недели: должен был начаться восьмой съезд писателей, я была делегатом, намеревалась выступать. Тем более что почти все, как мне казалось, яркое, интересное здесь уже позади — открытие ярмарки, толпы женщин, молодых, постарше и совсем юных, точно пчелы во время роения плотными образованиями жужжащие деловито тут, там. Соль заключалась не в производимом, оно не было новым: «мир — мир — мир — жить — жить — жить — милосердие — радость — женщины Африки — хлеб — дети — свобода — свобода»... Новизна была в этом горячем роении откобренных, умноглазых, удобно одетых самок, обеспокоившихся тем, что наступало. Они пытались очистить и защитить свой улей.

Писательницы — талантливые, менее талантливые, средние, образованные, менее образованные, желтокожие, белокожие, чернокожие, лесбиянки, суффражистки, феминистки, — тревожно трепещущие разноязыким шелестом разговоров, слетелись в это цветущее, соразмерно красивое место со всех континентов, влекомые прежде неизвестным страхом и жадной выжить. Заполздалой жадной оказавшись, объединившись, сопротивление сотворенному алчностью другой половины человечества, его беспечной привычкой уедно жрать, не думая о средствах, лукаво выдающей эти средства за неизбежные издержки прогресса и цивилизации...

Спустя год с лишним, прочитав в газете о черном прахе пчелиных трупики, усыпавших дороги вокруг обрызганного ядохимикатами цветущего люцерново-

Майя Анатольевна Ганина — известная советская писательница, полюбившаяся читателям очерками, рассказами, повестями, романами, в которых неизменно ставятся большие нравственные проблемы, исследуются людские характеры, остроконфликтные жизненные ситуации. Мы предлагаем вниманию читателей записки Майи Ганиной, сделанные после поездки в Осло на Международную ярмарку женской книги.

го поля, я вспомнила то незаорганизованно-тревожное роение умных самок, их страх.

Слушала, ходила, ела, ощущая реальность как бы сквозь плотную пелену, отвечала на вопросы «рашен», получая сочувственно-взволнованный и сразу отчужденный взгляд, вероятно, подобным взглядом столетие назад награждали больных «болезнью века» — чахоткой. Перед выездом нас предупредили «информированные лица» о том, что за настроение на тот момент в Европе, принявшей из далекого реактора зараженный выдох. Фермеры уничтожали урожай ранних овощей, перепаживали хлебные всходы, правительства отдавали распоряжения выливать на землю молоко пасущихся на первой зеленой травке коров... Однако, приехав в Осло, враждебности я не ощутила, никто из нас ее не ощутил. Скорее сострадание здоровых к заболевшим...

На приеме, который в день открытия ярмарки устроила инициативная группа, на столах стояли блюда с салатом, ранней капустой, с морковкой, свежими вилочками цветной капусты, соусники с майонезом и сметаной. Ни мяса, ни колбас, ни хлеба — овощи, несущие человеку здоровье, легкость, не наливающие тело избыточным тяжелым жиром... Овощи, впитавшие в себя вместе с дождями и ветром смердящее дыхание реактора, находившегося где-то непредставяемо далеко отсюда, среди разоренной, растерянной, еще недавно цветущей, прекрасной, нежно-спокойной земли. Дыхание, мимоходом сжегшее мальчиков-пожарных и других, умерших уже, либо еще корчившихся от боли в белых боксах, либо обреченных долго, долго умирать... Дыхание, поразившее птиц, животных, деревья, — вскоре у них пожелтеет, скрючится листва, а птицы, собаки, кошки, не понимающие совершенного с ними, будут гнить заживо в безлюдных палисадниках брошенных домов. Этот выдох, меняющий прихотливо вместе с ветром свою смертоносную направленность, поразит наши липы, невидимо напитает, отравит это молоко, эту сметану — все, что еще шестьдесят дней назад считалось самым чистым, самым целебным, чем отпаивали, спасая, отравленных, ныне же благодатное заключало в себе распад, тайную угрозу. Тем не менее овощи и сметана быстро

исчезали со столов, их брали черные, желтые, белые руки, ласкали, предвкушая удовольствие, голубые, карие, синие глаза, поглощали, сверкая молодыми зубами, яркие улыбающиеся рты... Разум еще не усвоил страшную информацию, еще легкомысленно отвергал возможность неблагополучия: молоко белое, душистое, салат, сочно хрустящий во рту, кочанчики цветной капусты, остро и сладко сдобренные ореховым майонезом, — здоровье, здоровье, легкость, свобода, жизнь... Жизнь?

Мне вдруг припомнилась слышанная в детстве сказка о Белой статуе.

Неподалеку от некоего города находился заброшенный замок. Местные жители избегали там бывать: замок считался проклятым. Но однажды компания молодых приезжих, посмеявшись над пред-рассудками провинциалов, решила закончить веселую пирушку в замке. Компания в городок не вернулась ни на следующий день, ни позже. Местные власти, поколебавшись, все-таки отправили на розыски полицейских. Не вернулись и полицейские. В городке заволновались: среди этих стражей порядка были мужья, сыновья, друзья жителей. Организовали группу спасения, она ринулась в замок, горя решимостью сокрушить любую неведомую злую силу. Войдя в замок, спасатели увидели, что в гостиной за большим столом сидят в разных позах те самые молодые люди из компании приезжих. На первый взгляд ничто не вызвало настороженности: руки, сжимающие бокалы с вином, свободные позы, не потерявшие краски жизни лица... «Только никто из них не дышит, и сердце не бьется», — произносилось тут тем, кто рассказывал пониженным голосом и с вытаращенными испуганно глазами. При осмотре ни ран, ни повреждений ни у кого не оказалось, однако на одежде, в пище, напитках врач обнаружил странные крохотные зернышки. В соседнем зале прибывшие увидели полицейских, застывших в разных позах: «Никто не дышит, и сердце не бьется...» На одежде полицейских таинственные зернышки обнаружили тоже. Спасатели в ужасе кинулись бежать, врач, будучи человеком бесстрашным, остался. Походил по замку, не открыл ничего, что вызвало бы у него какие-то догадки. Попробовал вино и пищу, стоявшие на столе, — ничего не произошло. Тогда он поел и выпил, стал ждать дальнейшего. Ровно в полночь, как и положено в сказке, раздались тяжелые шаги: «топ-топ-топ», ближе: «топ-топ-топ»... Наконец в соседней зале: «топ-топ-топ»... Повествователь произносил эти «топ-топ» замогильным, медленным голосом, ужас сладко и тяжело ско-вывал нам дыхание. Далее вспышка рассекала каменную стену, в проломе возникала Белая статуя... Окончания сказки я не услышала никогда: на этом месте сердечки наши не выдерживали напряжения, мы с визгом и плачем разбегались. Как я теперь понимаю, этого окончания скорее всего и не существовало. После я прочитала множество сказок, но сказку о Белой статуе я так и не обнаружила. Много раз пересказывала ее сама, но «до сих пор»...

Белая смерть без запаха и вкуса, не оставляющая на умертвленных видимых изменений, лишь некие «зернышки», — не древняя ли память о катастрофе, докатившаяся таким путем, подобно запечатленному в индийских ведах, подобно многожды потом цитированному: «...И упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде «полынь»; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горькими... Четвертый ангел вострубил, и поражена была третья часть солнца, и третья часть луны, и третья часть звезд, так что затмилась третья часть их и третья часть дня не светла была, так, как и ночи...»

Тогда мне думалось, что жизнь всего человечества и каждого из нас разломилась на «до и после». Что «черное солнце Чернобыля», взойдя в час два-

дцать шесть минут ночи в субботу двадцать шестого апреля одна тысяча девятьсот восемьдесят шестого года, космогоническим своим предупреждением перевернуло нам души и умы,— дальше мы начнем жить иначе. Строже, чище, истовей, справедливей... Так мне казалось тогда, пятьдесят семь дней спустя, в Осло: потрясение не отпустило, наоборот, нарастало, была полна памятью об услышанном и рассказанном, потому, наверное, все яркое, вершившееся вокруг виделось словно бы сквозь пелену отчужденности...

Стояло знание о происшедшем, невозвратимом, с непредсказуемыми последствиями, стыдная память о дурацких репортажах ТВ с майских гуляний в Киеве, где молодая пара, приехавшая на праздник с ребенком, безмятежно улыбалась, говорила, что все замечательно, никакой радиации, а вокруг весело. До этого, правда, мелькнуло в газетах кратенькое сообщение тридцатого апреля об аварии на Чернобыльской АЭС, но вряд ли кто из «неинформированных» воспринял это сообщение так, как должно. Мало ли у нас аварий, мы привыкли с детства, что «аварии у нас самые лучшие в мире» и ничего серьезного и угрожающего с тем, кто сообщение читает, случиться не может. А еще 1 Мая транслировалась демонстрация на Красной площади, которую мы с мужем смотрели урывками, потому что делали праздничную генеральную уборку — раньше не успели, имелись более важные заботы: я заканчивала роман, муж — статью в юбилейный сборник о «Слове о полку Игореве», к тому же и весна вдруг свершилась дружно, мы торопились не упустить день, который кормит год... Сажали морковку, петрушку, лук-севок, помидоры в теплицу, раннюю и цветную капусту — дальше виделся нескончаемый зеленый конвейер желанных работ на земле... Но, несмотря на отвлекающие хлопоты, меня удивило и запомнилось, что стоящие на трибуне Мавзолея не очень-то веселы, хотя вроде бы солнце, праздник, разноцветные шары, немного портретов и много искренних выкриков из протекающей внизу возбужденно-веселой, еще полной легких надежд толпы. Прибежали пионеры с цветами, но все так же хмуроваты и озабоченны были лица у первых людей государства. Я поломала голову: почему бы? Предположила, поселив в душе тревогу, то и это, но связать ту озабоченность с сообщением, что при аварии погибло два человека и 197 госпитализировано, не догадалась.

Зато уж после закрутилось, напомним, объяснив выражение глаз и напряженность. Посыпалась, как из мешка, на наши беспечные головы информация официальная и «из уст в уста». Английское правительство отзывает своих туристов, проверяют дозиметром одежду, выдают казенные курточки... Наша поездка по делам в Москву спустя несколько дней — дозиметрические посты на шоссе, останавливающие машины... Первые беженцы из Киева у знакомых писателей... Казавшиеся сначала непонятно страшными рассказы об «одежде для улицы», ребятах, сидящих дома, закрытых форточках, ежедневной влажной уборке квартиры... О том, что Днепр радиацией уже отравлен, значит, ехать в Крым, выходит, нельзя... И, наконец, об уже погибших, попытавшихся загородить нас, и о других, умирающих медленной, мучительной смертью... А газеты тем не менее продолжали «Соловьи над Припятью», а телевидение показывало прогулки по Днепру и рыбу, из него выловленную... Все хорошо у прекрасной маркизы, как всегда...

Но оптимизм, и мне, несомненно, свойственный, несмотря на серьезность отношения к жизни, расползался, как старый чулск, пока я, наконец, не осознала: случилось то, чего мы, дети войны, боялись с самого дня ее окончания. Боялись, потом попривыкли, решили: этого быть не может, продолжали «профилактически» бояться, чтобы отмогить, «не сглазить», но все-таки знали в глубине души: да нет, не может быть. Не может!.. И вот совершилось. Ждали откуда, а пришло откуда. От себя. Нежданно, исподволь, тихой сапой белая смерть выползла в мир в один час двадцать шесть минут двадцать шестого апреля... Над четвертым блоком реактора Чернобыльской АЭС взмоло, предупреждая и грозя, черное солнце нового Апокалипсиса...

Это стало во мне — тем не менее жизнь продолжалась. В Осло на вторую международную ярмарку женской книги я собиралась с прошлой осени. Меня познакомила Любовь Г., переводчица с норвежского, с Элизабет Мидельтон, одной из устроительниц этой ярмарки в Осло: та пригласила меня принять участие, посчитав, что я этой чести заслуживаю. О первой ярмарке, проходившей два года назад в Лондоне, мы слыхом не слыхивали, хотя уж чего только наши международники по ТВ не сообщают, даже о том, где, каким способом, в какой стране крупно пограбили банк — для обмена опытом. Однако это событие — всемирный съезд женщин-писательниц, как первый, так и второй, — внимания у нас не было удостоено...

Когда мне на читательских встречах задают во-

прос, почему так измельчал образ женщины в современной литературе: у Толстого, мол, Анна Каренина, Катюша Маслова, Наташа Ростова; у Достоевского — Настасья Филипповна, Грушенька; у Тургенева — «тургеневские женщины», даже у Чехова — «дама с собачкой», у Шолохова — Аксинья, Наталья, Дарья... Но уж после, увы, как отрезало. У Леонова — не вспомнить, у Абрамова — Михаил вспомнится, не Лиза; у Шукшина, у Астафьева?.. У Трифонова, да и не только у него, — хитрые, ничтожные, безликие стервы... Почему? Как на подобный вопрос ответить?.. Талант, ум, но себе по росту, в размер своей бессмертной души вымечтывает мужчина образ единственной Женщины... «Мне отмщение — и аз воздам...» — я свято верю, что от женщины, которая рядом, зависит судьба, защищенность, жизнеспособность мужчины...

Всю зиму я грела себя мыслью, что придет июнь и я полечу в Осло на международную женскую книжную ярмарку. Увижу любимых писательниц, пойму, что мы есть. Зима была трудной, как всякая зима в русской заброшенной деревне. Замучили морозы и бесконечная, на посторонний сытый взгляд, «мелочевка»: отопление отказало, вода не качается, насос перегорел, шланг где-то замерз, метели то и дело закрывают дорогу, не проехать... Тут, что ты ни пиши, какая рукопись ни лежи на столе, дожидаясь, пока, прервав борьбу с бытом, до нее доврешься, все равно понимаешь себя уже не столько современным писателем, сколько существом в валенках и полушубке, замотанным пуховым платком, продирающимся по глуточенному снегу с ведром к роднику, как и сто, двести, пятьсот лет назад, щедро выбулькивавшему тебе из россыпи полуокатанных известковых голышей, из подчревя оврага сладкую живую сыть... Насытился?.. Добрел с этой темно играющей в ведрах сытью до своего крыльца?.. Вот и снизошло на твою «мятущуюся душу» ощущение выполненного на сей день предназначения... Так и живет основная Россия — с ведрами, дровами, печками, все еще не живет, а выживает, пока мы печалимся о тяжелой судьбе чернокожих в Центральной Африке...

Этой зимой грело: придет июнь, полечу в Осло. На бревенчатой стене нашего дома висел плакат с эмблемой, подаренный мне красавицей Элизабет: силуэт женской иронично-гордой головки с челкой, гусиным пером за ухом, а в ухе вместо серьги изображение женского символа: кольцо и крестик. Тешила свое подавленное бесконечной чередой мелких, незнакомых нынешнему горожанину дел самолечение надеждой: попаду в общность единомышленниц, профессионалов, будем вести конкретные проблемные, необходимые разговоры... Наконец, стали и у нас переводить «великих современниц»: Айрис Мердок — я полюблила больше остальных переведенных вещей ее «Море-море», Мюриел Спарк — изысканно-умным повестям ее можно было лишь завидовать, американка Джойс Керол Оутс, француженка Дороти Летесье — ее «Поездку в Пьемполь» не так давно опубликовала наша «Иностранка». Может, удастся увидиться, поговорить.

Читая предисловия к сборникам, я восхищалась необыкновенной работоспособностью: каждый год — по сложнейшему, интереснейшему роману, естественно, всемирная известность, подогреваемая и всемирным подскокившим в последние годы интересом к женской прозе, литературные всемирно известные премии, получаемые этими женщинами...

А у нас?... Глухое, молчаливое презрение к женщинам-прозаикам, установившееся исподволь лет так уже пятнадцать, явно имеющее подкладку страха: вдруг от небольшого, но всеми алкогого сдобного пирога с благами, не дай господи, начнут хватать куски и «пишущие бабы»... Еще в молодости попался мне афоризм замечательный, однако к нашей литературной действительности, увы, никакого отношения не имеющий: «В искусстве славу не делят, но умножают...» Брезговала суетиться, хлопотать, считая, что народная мудрость «живи проще — хитрей получится» как лозунг и жизненная позиция более всего подходит мне по характеру. Однако, достигнув лет немалых, обнаружила, что сил жить, как жила — в неоседлости, стремлении сорваться и лететь или ехать туда, где что-то необыкновенное происходит, уже не остается, а быт не устроен, от «пирога» не отведено вовсе, да и остались от того пирога лишь сладкие крошки, торопливо разбираемые теми, кто дорвался, наконец... Сетовала в горькие бессонные ночи или больные дни на свое непредвидение грядущих немощей — не надеялась до них дожить? — не дожила... Себя не переделаешь, сетования — одно, возможность поступков — совсем иное. Миновало и это. Как бы там ни было, оглядываясь назад, не за что, в общем, краснеть, не в чем «гласно» каяться ныне: никому не лыстала подобострастно и лживо, не предавала друзей, не писала доносов, не подавала руки подлецу, не здоровалась с негодяем... Ошибки были — кто без них живет, но «подлянки» не было. Это меня грело в мои бессонные ночи, хотя, возможно, многим сей источник теп-

ла покажется придуманным для собственного утешения...

Перед поездкой в Осло я зашла в «Литгазете» к заведующему соответствующим отделом, поинтересовалась, не желает ли печатный орган, чтобы я написала небольшую информацию об этом нерадовом событии. «Орган» не захотел, я не настаивала, нигде впоследствии о ярмарке так ничего и не было поведено.

Моя читательница незадолго до того прислала мне вырезку из «Юманите»: на фотографии изображался президиум Верховного Совета, где не было ни одной женщины. Ну, а вернувшись из Осло, я могла в течение нескольких дней созерцать президиум VIII съезда писателей СССР, где не нашлось почетного места ни для одной писательницы, даже старухи! Допустим, к русским, белорускам, украинкам, литовкам, латышкам и так далее питается ревнивая неприязнь, но «наши сестры, недавно снявшие паранджу»?.. И для них — не дрогнуло сердце — не догадались стул в проходе подставить, а мест в президиуме кремлевского зала заседаний не так уж, конечно, много, многим, мужчинам, считающим себя достойными там восседать, не всем хватило...

...Иногда я спохватываюсь: почему вдруг появилась у меня запальчивость, когда разговор ведется о Женщине? Себя я ущемленной не чувствую, прожила жизнь, как хотела, как придумала, к закату обрела достаточно врагов, меня ненавидящих, но и на отсутствие доброжелателей, помнящих о том, что «мы одной крови — ты и я!..», не могу пожаловаться. Изменилось у нас в обществе отношение к женщине? Ну что ж... Заслужила!.. Ушли исподволь, не заметили как, мягкость, женственность, ответственность за Род, пришли агрессивность, злобность, бессердечие...

Все правда... Но если остановиться и помыслить спокойно, отыскивая причину следствию?.. Ныне и не вчера началось, что женщина все берет с бою: утренний автобус, масло и мясо в магазине, сапоги, колготки, туфли, лифчики, зубную пасту, модные брюки, положение на службе, путевки, летний месяц отпуска, билет на поезд, самолет, мужа, любовника, детский сад, школу, вуз... Все теперь женщиной завоевывается, выдирается с ключьями у других, отстаивается, отбарывается с рычанием, с обнажением своих или искусственных зубов...словно в незапамятные, до первого костра, до первой шкуры, накинута на лохматые плечи самки первым заботливым питекантропом, времена... Земные катаклизмы перемешали и вновь воздвигли те скалы, в пещерах которых спала, доверчиво поглаживая рыжую шерсть на спине любимого, наша прама-терь, но вот дожили: среди каменных небоскребов, заполненных душистыми спальнями, среди прогрохатывающих по дорогам механических чудилищ возродились, закрепились ушедшие рефлексy — вырвать, напасть, загрызть... И женщина, отвечая необходимости выжить, сделалась шире в плечах, осадистей в коленках, с лица, из глаз ушли бесследно кротость, покорность, беспечность. Глядит из милых глаз ныне настороженно дремучесть, выдвинулась, отяжелел, челюсть, бдительно напряжен лоб, из широкой груди готов вырваться защитный рык. Чему удивиться? Уж какое десятилетие все сущее — на ней, на Женщине: невидимые витки биополей, свивающиеся, переплетающиеся на улицах городов, подобно змеям в серпентарии, захлестывают, огибают Ее... Мужчина вырвался из этой сутемы вверх, ибо дефицитен, желанен, ненавидим, лелеем, капризно-слаб... Глубокомысленно изобретает «самую экономную экономику» и тихий способ изыскать неотчетные наличные для комфортабельного снятия стрессов...

Хотите насолить пасечнику — убейте матку в пчельнике: начнется хаос, налетят чужие пчелы, разбойно ограбят ульи, родные пчелы, смешавшись с чужими, начнут так же грабить свое, веселым кропотливым трудом накопленное, улетать, умирать...

Если бы теперь вдруг понадобилась натурщица для плаката, подобного знаменитому «Родина-мать зовет!», кого из спящих по улицам городов, тяжко работающих и сладко пьющих в деревнях женщин избрал бы «взыскательный художник» для символического изображения Родины?.. Перебираю мысленно типы, лица... Увы!..

Я думаю, тут надо искать подоплеку причины, что все больше тревожных голосов пытается кричать, предупреждать: верните женщине уверенность в завтрашнем дне, спокойную, сытую жизнь, верните ей уважение и любовь, не особенно выясняя, каждая ли из них ее заслуживает... Имейте терпение: не за одно десятилетие беспечное общество вырастило кляксы и когти своей женщине — не за одно десятилетие они исчезнут за ненадобностью...

...Наивные мои надежды не оправдались. ни Оутс, ни Мюриел Спарк, ни Айрис Мердок в Осло не приехали. Тем не менее женщин, знакомство с которыми прибавило моему представлению о соразмерности мира кое-что существенное, я там повидала...

На аэродроме нас встретила и отвезла в гостиницу

Май Вешенбер, знакомая Любы Г. Было ей за шестьдесят, но подобно большинству европейских женщин выглядела она человеком активного, неопределенного возраста — с короткой стрижкой, без краски на освещенном энергией и разумом лице, с фигурой, которую у нас назвали бы спортивной, хотя никаким спортом Май не занималась: без лишнего жира на бедрах и животе, с крепкими загорелыми руками и ногами, в клетчатой рубашке и серой юбке, удобных туфлях на среднем каблуке. Муж у Май десять лет назад умер, но я не нашла в ней той печати ущербного одиночества, которым почти поголовно мечены наши одинокие женщины пенсионных лет. Май я ощущала человеком энергично-занятым, поглощенным делом, ритмом жизни — тесно заплетенным в ритм жизни, в дела окружающей ее сферы. Май свободно говорила по-русски: она и ее покойный муж много лет проработали в Москве, в норвежской редакции нашего радио, в Москве родились оба ее сына. Сейчас она работала в библиотеке иностранной литературы здесь, в Осло, в русском отделе. Была у нее масса знакомых мужчин и женщин, тоже деловито-одержимых, не страдающих нашей расслабленностью, — калейдоскоп их прошел вокруг нас за эти три дня. Большинство знакомых Май были известные норвежские писатели, Люба Г. их переводила либо собиралась переводить. Ей необходимо было с ними повидаться. Я при сем с интересом присутствовала.

С утра и до послеобеда мы находились на ярмарке, участвовали в дискуссиях, выступали сами, давали интервью, сидели в нашем киосчике, где были выставлены книги советских женщин разных национальностей. Приходили издатели, представитель нашего агентства по авторским правам Светлана Михайлова горячо пыталась убедить их купить ту или иную книгу. Издатели слушали пересказ сюжетов, читали рекламу. Вокруг нашего киоска все время, в общем, толкся разноязычный народ: журналисты, посетители, члены других делегаций — интерес к нашему маленькому женскому сообществу, представлявшему загадочную великую страну, был большой. Шел второй год перестройки, в разговорах, непонятно звучавших вокруг, мелькало вдруг, задерживая внимание: «Чернобыль», «перестройка», «Горбачев», «гласность»... Но книги издатели покупать не хотели, нас это обижало, нам казалось, что есть интересные, повествующие талантливо, ярко, как о внутренних наших делах, так и о «вечных» проблемах... Лишь после я поняла, почему из десяти тысячной дивизии членов нашего Союза лишь два-три имени называли издатели, когда я интересовалась, кого из советских писателей они знают и издают. «Буранный полустанок» Айтматова, Евтушенко — не столько стихи, сколько фамилия, — Софья Баранская, нами всеми давно забытая, но помнящая здесь, переиздаваемая повесть «Неделя как неделя», в незапамятные шестидесятые годы поведавшая об очередях, детских садах, дефиците... И все. Прочие же, многоуважаемые, талантливые, были, однако, тут не в спросе, издавать их было убыточно... Спустя время, пожив в «демократическом обществе», осознав вполне, как беспечно покорны мы все были, допустив в конечном счете то, что открылось и открывается со страниц газет и журналов, я додумалась, наконец, что даже лучшим нашим книгам не хватало свободного разговора о ежедневье жизни. Увы, не только политика и события культуры личности были под запретом — это бы еще можно чем-то объяснить, — были запретны движения души, если они недостаточно стерильны, «некрасивые» эмоции, мысли, слова, подробности окружающего... Жизнь в наших книгах для «человека из-за речки», даже тогда, когда в них не было сознательной прямой лжи, восставала уныло-кастрированной, бескрайней. Ну, а для нас лучшая часть нашей литературы все равно была ярка и пронзительна: мы давно освоили язык намеков и недосказанностей. «Они» об этом языке, естественно, не имели понятия.

Это понялось много позже, когда с глаз, промытых горечью честной информации, спали шоры, а на ярмарке я, не показывая вида, обижалась тайно за коллег по жанру, книги которых мне нравились, за себя. Обижалась вяло: в общем-то все равно в моей оставшейся жизни внимание либо невнимание иностранных издателей ничего не могло изменить...

Победа в университетской дешевой столовой, мы садились в автомобильчик Май, и начинались наши прекрасные петли по Осло и вокруг него.

Я не помню, в первый или во второй день Май привезла нас в домик, где жила Елена Крак — переводчица и актриса. Мать Елены была русская, ей очень хотелось с нами увидеться, поговорить. В далекие двадцатые годы она училась в Петрограде, в университете на филфаке, туда же приехал на стажировку будущий отец Елены, впоследствии известный филолог-славист. Они полюбили друг друга, поженились, уехали в Осло, родилась Елена. Однако Софья Михайловна подданство не меняла до самой войны, все надеялась вернуться, лишь угроза не-

мецких репрессий заставила ее принять подданство страны, где она жила...

Ныне это была красивая, крупная старуха с большим, белым, спокойным лицом, фарфорово-голубыми, чуть нависшими глазами, она вольно сидела в плетеном кресле в садике Елениного дома, расспрашивала о Чернобыле, о сегодняшних делах в России, глаза ее то и дело омывались легкой слезой, не умиленно-старческой — ностальгической. Бурно, обоюдо-восторженно поговорили о гласности и Горбачеве. Удивительно: всю жизнь прожив в Норвегии, она и внешне, и по способу восприятия жизни оставалась русской старухой.

Прощаясь, Софья Михайловна расцеловала нас обеих, сказала: «Что ж мы за народ такой, все беды, беды на нас... За что же?.. Теперь вот Чернобыль. Но тут обычные люди большинство понимают, жалеют, это неправда, что злобствуют... Должно же, наконец, измениться, повезти!.. Столько тяжелых испытаний, все бьет, бьет... Господи, спаси Россию!..»

Эти глаза, омытые слезой сострадания родимой земле, пусть существующей реально лишь в воспоминаниях: шестьдесят с лишним лет — срок человеческой жизни, — стирают из памяти подробности. Но и все же эфемерное, не имеющее «валютной стоимости», не заключающее в сути своей надежды на что-то, жило, грело, рвало сердце и душу, притягивало незримо, не давая раствориться до конца, беззаботно в том, что всю жизнь окружало... Глаза эти достали меня, тот взгляд отныне всегда во мне.

Вспомнились мне они и во Фрогнер-парке, куда Май по моей просьбе в последний мой день в Осло нас привезла. Двадцать пять лет назад я увидела Фрогнер-парк впервые туристкой — и вот теперь...

Тогда, вернувшись в Москву, я записала вот что: «Плоть человеческая во всех ее проявлениях: от первого поцелуя до зачатия; от рождения до смертного одра, языческое грешное смакование мощи этой плоти — вот что такое Фрогнер-парк, на который Густав Вигеланн истратил тридцать восемь лет своей жизни и умер в сорок третьем году, так и не увидев его законченным.

Тяжелые бедра, короткие ноги, тупо-радостные, жадно-живые лица — есть в этой некрасоте насмешка над добропорядочной привлекательностью банального.

...Моему отцу исполнилось только лишь восемнадцать лет, его впервые посадили в тюрьму за распространение прокламаций; в тот же год родилась от внебрачной тайной связи моя мать — предопределение или случайность, что и я, ее первая дочь, тоже стану «плодом любви несчастной» и буду в двухлетнем возрасте оставлена ею?.. В тот год Густав Вигеланн начал свой великий труд.

Мой отец женился в первый раз, ушел на империалистическую, чтобы уже никогда не вернуться к первой семье, поскольку его, как и прочих русских людей, втянет, изомнет, изломает и выкинет круговорот событий, моя мать встретится с ним в тот момент, когда удачливость и береженность красивого, яркого моего отца дадут первую трещину... Буря событий сотрясала мир, пронзала умы и сердца, а Густав Вигеланн лепил эти тела...

У нас в стране шла коллективизация, одни ровесники моего отца и моей матери охотно и активно выявляли в своей среде врагов народа, другие подобно моему отцу и моей жившей с другим мужем и с другими детьми матери затаились, умалив сердце страхом: господа, пронеси... Третьи покорно ехали в эшелонах, идущих на север, на восток, входили за высокие заборы, венчанные колючей проволокой, оставались там навсегда или надолго. А Густав Вигеланн лепил эти тела...

Огонь и смерть катились по Европе, умирали блокадники Ленинграда; девочки, мальчики и их отцы устилали своими мертвыми телами русские, украинские, белорусские поля... А Густав Вигеланн лепил.

Если бы мне, когда я в первую свою военную весну с отдыхом и остановкой преодолевала десять мраморных ступенек возле нового здания Библиотеки имени Ленина, потому что сушеная картофельная шелуха и пустые щи из только что появившейся крапивы не давали силы моему растущему телу, если бы мне тогда рассказали, что он сидит и лепит, когда вокруг людей убивают, мучают, сжигают... Я потрясенно подумала бы: вот сволочь бесчувственная!..

Ныне я хожу по Фрогнер-парку, война закончилась восемнадцать лет назад, уже призываются в армию мальчишки, родившиеся в год окончания войны, дабы люди не разучились убивать... Касаюсь круглых колен, толстых пяток, выпяченных детских животиков, расплывшихся в тупо-грешных улыбках губ.

Десятки, сотни человеческих, более живых, чем живая плоть, тел — похоже, скульптор с поспешностью и упорством маньяка торопился заткнуть брешь, проделанную катаклизмами двадцатого века.

Немцы убивали детей, а он их лепил. Они мучили, иссушали человеческие тела — живые скелеты, одетые в лохмотья, сгрудились по лагерям Европы, — а скульптор лепил тяжелые, широкие бедра, короткие, упруго щупающие землю ноги, огромные, жад-

ные ладони... Его скульптуры кричали: неистребимо, неистребимо!..»

Вот что я записала двадцать пять лет назад, вложив после свое потрясение, ошеломление удивленным в уста «дяди Жени» из одноименного рассказа.

Я, как и многие мои ровесники, была в те годы «чистой странницей»: «железный занавес» подняли всего лишь немного назад, это была моя вторая поездка в капстрану. Нам еще предписывалось ходить группами, ни в коем случае в одиночку; на выданную валюту ничего, кроме памятных открыток, не покупать, с иностранцами в разговор не вступать, блюдя достоинство советского человека, «провокаций» бояться, об отклонении в поведении сотоварищей по поездке тут же сообщать руководителю группы либо его помощнику. Ничего в этих предписаниях не удивляло и не возмущало, мы еще были привычно убеждены, что «человек сверху» знает, как надо нам жить, лучше нас самих.

Однако с «дядей Женей» — Евгением Александровичем Павловским — мы были вынуждены «вступать в контакт» ежечасно в течение тех четырех дней, что мы пробыли в Дании. Тур наш включал три страны: Данию, Норвегию, Швецию. Павловский был нашим датским гидом.

Женской половине нашей тургруппы, да и не только женской, сразу показалось подозрительным, что гид разговаривает по-русски легко, чисто, с остаточным сибирским диалектом. «Власовец», «предатель Родины, избежавший справедливого суда» — не поручусь за точное соответствие этих железобетонных формулировок тому, что мелькнуло, вызвав мгновенную скрытую враждебность, в голове большинства членов тургруппы. Но что-нибудь похожее мелькнуло обязательно. Такова была в те годы психология, убежденность, да и память о недавно окончившейся, тяжелейшей для каждого из нас войне, о настоящих, непридуманных карателях, предателях, полициях еще свежа была. Перед судом кое-кто из них предстал, но что такое суд, а после сибирский лесоповал, рудники, если палач жив и давным-давно на свободе, а сотни тысяч детей, женщин, стариков, которых он уничтожал с изощренной жестокостью, мертвы, тела их давно истлели во рвах и ямах, а пепел Освенцима и Бухенвальда слезался камнем...

Через этот прицел видели мы нашего гида. Было ему за сорок, широкое загорелое лицо с грубой кожей, ярко-голубые глаза в густых ресницах, густые брови, темные с проседью волнистые волосы. Коренастый, чуть выше среднего роста, сдержанно-спокойный...

Мы не приняли его, разговаривали вежливо, но настороженно, дабы ненароком не выдать государственных тайн — конечно же, он был шпионом, — вопросов о происхождении и о том, как он очутился аж в Дании, мы не задавали: и так все было ясно.

Решив казнить «предателя» хоть таким способом, мы стали петь песни. Группа собралась певучая, за несколько дней после выезда из Ленинграда на туристском пароходе неплохо спелись. Не помню кто, моему, Галя Аграновская, жена ныне уже покойного журналиста Анатолия Аграновского, вела первый голос, остальные вторили. Полузабытые ныне простенькие песни: «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина», «Катюша», «По Дону гуляет», «Глухой неведомой тайгою»... Да мало ли!..

Отпев очередную песню или две, мы высыпали из автобуса, чтобы осмотреть Русалку, либо Свинью, принесшую благосостояние Дании, либо еще что-то, ныне напрочь позабытое, снова залезали в автобус, снова пели — как и положено образцово-показательной туристской советской группе.

На первой же остановке Галя подошла ко мне и сказала с мстительным смешком:

— Гляди! Наш-то... Плачет!..

«Дядя Жень» действительно сидел на ступеньке автобуса, дожидаясь, пока мы все сфотографируемся у Русалки, опустив голову, и плакал. По грубокожему лицу его текли слезы, он думал о чем-то тяжело и спокойно, слез тех не прятал. Услышав, что я на него смотрю, поднял голову, схватил мой испуганный и виноватый взгляд, улыбнулся, чуть кивнул и снова опустил голову, продолжая о чем-то думать.

Я тогда была моложе всех в группе, может быть, понаивней, но слезы «дяди Жени» — хотела я того или нет — обожгли мое сердце состраданием, вызвали интерес к этому человеку. Как-то мне не пришло, слава богу, в голову, что слезы всего лишь ловкий трюк «матерого предателя», дабы притупить бдительность, вызвать сочувствие. Вечером того же дня, когда мы шли по Луна-парку, дабы созерцать «блошинный цирк», я спросила у гида:

— Вы русский?

— Русский, — ответил он охотно. — Сибирский, из деревни под Иркутском.

— Я там бывала, я люблю Сибирь, у меня отец — сибиряк, — выдала я ему сразу весь набор сведений о том, что есть я, дабы он не подумал, что

я не доверяю ему. Он уже заметил отчужденность группы, с разговорами к нам не лез. Как он сказал после, к такому отношению русских туристских групп он привык, примирился с этим.

— А Байкал?.. А Ангара?..

Он стал расспрашивать, я отвечала, потом рассказывал он. Все те четыре дня, что мы ездили по Копенгагену и окрестностям, «дядя Женя» отыскивал момент, чтобы поговорить со мной. Кажется, это вызвало подозрение; осуждение женщин нашей группы. Сейчас уже не помню. Я была супротивницей и тогда, и после, жизнь с мачехой к этому приучила.

«Зверь забудет края родные, человек ни за что на свете: наяву он о них не вспомнит, так во сне он туда придет. Потому ль, что там кости предков, потому ль, что там игры детства? (На вопрос этот нет ответа.) Но во сне он туда придет. Там весной распевают птицы, расцветает в горах багульник, там осенние черные реки красно-желтые листья несут. Не пристанет к берегу река, увлекаемая потоком, но, пройдя по морю страданий, человек причалит к земле...»

Стихи эти корейского поэта Ким Со Воля прочел мне переводчик Александр Жовтис, заметив мою сострадающую дружбу с нашим гидом. Он и его жена тоже стали общаться с «дядей Женей», расспрашивать, рассказывать. Насколько я теперь понимаю, гиду было сладко само звучание русской речи, хотя датский, судя по всему, он знал неплохо.

Стихи эти я тогда списала, полюбила, ношу постоянно в себе — не знаю почему. Повествуют они, надо полагать, о корейской природе — для меня же они сделались неким образом «боли по родине»... И не только когда я нахожусь за ее пределами. Строчки, где «расцветает в горах багульник» либо «там осенние черные реки красно-желтые листья несут», поднимают во мне запахи и тоску осенней, весенней, летней — прежней — Сибири: родины моей души, моего сердца, сколько было хожено пешком, езжено верхом по тем сопкам, по тем тропам среди могучей, не сведенной еще безжалостно, не проданной за рубеж, не загубленной тайги... На тех сопках весной, растекаясь сплошным пятном, малиновел багульник; текли стремительные, звонкие, черные реки — тогда хрустально-чистые, ныне отравленные ДДТ, промстоками БРАЗА, ЛПК, металлургических предприятий. Моя лошадь, поплямывая копытами меж мокрых валунов, опускала морду, втягивала, гулко ёкая утробой, воду, я, склонившись с седла, плескала горстью на горячее от солнца и зноя тайги лицо, пила. Нет уже на земле воды такого вкуса: насыщающе-плотной, с чайной слабой горчинкой, от-

дающей ароматом смородинника, полощущего пятипалые листья в завивающем косицы стремняке, духом душицы...

«Зверь забудет края родные...» Зверь их не уничтожит ради сегодняшней сытости...

К концу нашей датской поездки, — мне и сейчас она кажется бесконечно длинной, наполненной, как и все мои коротенькие, по десять—пятнадцать дней, туры, — мы знали о «дяде Жене», в общем, все. Он с удовольствием о себе рассказывал, если его слушали, грустя глазами и показывая в скупой улыбке полоску металлических тусклых зубов.

Был ранен, попал в плен, потом попал в немецкий лагерь, работал на каком-то военном заводе, бежал вместе с группой в несколько человек, добрался до расположения близких тогда — шел конец войны — наших войск. Наслушавшись рассказов военнопленных, товарищей по несчастью, как смершевцы допрашивают и какие после допросов видятся перспективы, снова сбежал, теперь уже в другую сторону.

Был матросом, был сельскохозяйственным рабочим, завербовался в сорок шестом году в Африку, ходил с караванами. Сначала со скалы сорвался навьюченный верблюд и повис, зацепившись за выступ собственными кишками, а следом упал и запутался в этих кишках, потому спасся, «дядя Женя»... Потом был эмигрантский казачий ансамбль, выступавший в цирках Скандинавии: казаки, переодетые в бабы сарафаны, джигитовали, пили чай из самовара, играли в карты, били проигравшего колодой по носу — все верхами... «Дядя Женя» показывал джигитовку с балалайкой — этот инструмент он любовно освоил еще в молодости, — а вскоре пришла мысль сколотить балалаечный ансамбль. Он стал дирижером и руководителем ансамбля, писал для него музыку. Женился.

В Копенгагене у него теперь имелась маленькая двухкомнатная квартира, жена, дети, которым он дал русские имена. Для собственного удовольствия он издавал газетку «Русская балалайка», себя окупавшую, но прибыли не приносила. Почти все статьи для нее — что такое этот трехструнный инструмент и какие музыкальные новости с ним связаны — «дядя Женя» писал сам. И гордился, что датские туристы, приезжая из России, привозили сувенир — балалайку...

Выписывал советские газеты, покупал литературу на русском. Мечтал вернуться и знал, что уже не вернется. Знал больше нас, его бескорыстно уговаривавших, не ведавших, что в лагерях в Сибири имеется место и для наших солдат, побывавших

в немецких лагерях, помыкавших горе по белу свету.

Мы уезжали в Осло на пароме, «дядя Женя» долго глядел на меня, прощаясь, поцеловал в щеку, сказал: «Я, конечно, хитрый сибиряк, женился на семнадцатилетней датчанке, она у меня теперь капусту, огурцы солит, борщи варит... Но русская женщина!.. Цены вы себе не знаете, русские милые мои женщины...»

Сейчас, спустя двадцать пять лет, похоронив вместе с Любой и Май по Фрогнер-парку, — ныне, как и тогда, текли по нему группами разноязыкие туристы, — я уже, конечно, не испытывала того наивного восторга, разглядывая переплетения обнаженных тел. Много было увидено с тех пор, притупилось восприятие, накопилась усталость.

Мы постояли посреди широкой, засыпанной розовым щебнем аллеи, поглядели на фаллическую, индуистскую пирамиду, завершавшую и венчавшую композицию Вигеланна: обнаженные скрюченные тела лезли ввысь, попирая друг друга, ожесточенно вырываясь из цепких пальцев того, кто ниже, — вверх, вверх... Шива-лингам назывались подобные скульптурные символы в Индии.

Завтра надо было лететь домой, я стояла во Фрогнер-парке, вспоминая о «дяде Жене», — когда-то он написал мне, что терпеть не может уродов Фрогнер-парка, но мне, для того чтобы рассказ «получился», почему-то было необходимо, чтобы он его любил и обязательно, приезжая в Норвегию, посещал... Я вспоминала его, полузабытого уже, и русскую старуху, прожившую тут всю жизнь, сохранившую в восемьдесят пять лет ясный ум и тоску по России... Вспоминала многих, мне встречавшихся и мною не виденных, все еще бывших или умерших, — тех, кто мог с искренней тоской, знаемо сказать: «русские женщины!.. эх, цены вы себе...»

Кольцо сомкнулось. Внутри этого кольца была моя странная бродячая жизнь, моя неудовлетворенность собой. Точкой, где, стремительно лязгнув, сомкнулись половинки кольца, был Фрогнер-парк...

НАЙТИ СВОЕ «Я»

За сутолокой повседневности никогда не вспоминают и не обсуждают проблемы, возникающие перед офицерскими женами. А нас волнует, например, закон о непрерывном трудовом стаже. Существующие положения для живущих кочевой жизнью неприемлемы.

Направляя мужа на очередное место службы, никто никогда не интересовался и не учитывал квалификацию жены. А уж о том, чтобы гарантировалась работа по специальности, и речи быть не может. Вот и страдают дипломированные историки и филологи, медики и модельеры, специалисты легкой и химической промышленности... Государство истратило на наше обучение немалые деньги, а отдачи от нас никакой: в какой-то инструкции не предусмотрели параграф, защищающий в такой ситуации не только наши интересы, но интересы народного хозяйства.

Бывают, конечно, и прекрасные исключения. Но обоюдных гораздо больше. Вот и прицепилось к жене офицера противное слово «домохозяйка». Какое-то нехорошее, унижающее, сродни «иждивенке». А желание работать у нас огромное. Желание работать по специальности — безграничное. Но годы уходят, мечты тускнеют, руки опускаются от безысходности.

В основном место службы мужа находится вдалеке от тех мест, где мы родились и выросли. Многие живут вдали от всякой цивилизации. Нет у нас насиженных гнездышек, нет рядом беспокойных пап и мам. Часто меняем место жительства, и тут возникают бесконечные проблемы, начиная с очереди в детский сад и кончая десятилетней очередью на установку телефона.

Ведь ни для кого не секрет, что за частную квартиру (не ахти какую!) приходится платить от 80 до 110 рублей в месяц. С болью и горечью отрываешь эти деньги от детей. 99 процентов объявлений с крупным шрифтом «СНИМУ КВАРТИРУ» имеют одинаковую формулировку: «Семья военнослужащего из 3—4 человек снимет квартиру на длительный срок. Порядок гарантируем». Пребывание в состоянии неустойчивости длится порой годами. Оказавшись в подобной ситуации, наша семья ждала квартиру шесть лет.

Все эти годы у меня не было прописки — никакой. Милейшее напоминание хозяйке, что так жить невозможно, порождало предупреждение, что мы должны подыскать

себе другое жилье. Но кто на сегодняшний день сдаст квартиру людям с двумя детьми? В стране происходила замена паспортов, и предъявленный мною устаревший документ, да еще без прописки, вызывал лишь ухмылку. Вот и приходилось жить как в безвоздушном пространстве. Даже медицинские учреждения смотрят сначала на паспорт, а потом уже на больного. Если болел зуб, то муж брал в части справку, удостоверяющую, что я его жена. В поликлинике давали разовый талончик к дежурному врачу. Не то что о систематическом лечении, даже о профилактическом осмотре не могло быть и речи. Диспансеризация оставалась несбыточной мечтой.

Пришлось заняться медицинским самообразованием. Простудировала массу литературы по интересующим меня вопросам. Не доверяя выводам одного автора, искала подтверждение у других. Благодаря книгам, труду и терпению научилась распознавать симптомы многих заболеваний. Убедившись, что всевозможные порошки и микстуры могут принести не только пользу, но и вред, обратилась к траволечению. И вот уже многие годы все наши семейные беды лечу сама. Дети верят мне, знают: мама все может, все умеет.

Осуждать меня не надо. До такого состояния я дошла не от хорошей жизни.

Волею судьбы разбросаны мы, офицерские семьи, по всем уголкам нашей огромной страны: юг, север, запад и восток. Ну, где нас нет? И тысячи офицерских жен несут свою нелегкую службу. Очередная звездочка на погонах мужа — это и твоя звездочка. Это и тебе награда за бессонные ночи, за тревожное ожидание любимого, за учащенное биение сердца, если сердце чует беду.

Годы для меня не прошли впустую. Чем только не интересовалась: зарубежной современной литературой, философией, историей погибших государств, психологией, политикой, религией восточных народов! Обо всем имею понятие, во многом разбираюсь, многое могу и умею. Но кому это нужно?

И все же не сдаюсь, надеюсь разорвать замкнутый круг, найти свое «я» в этом мире.

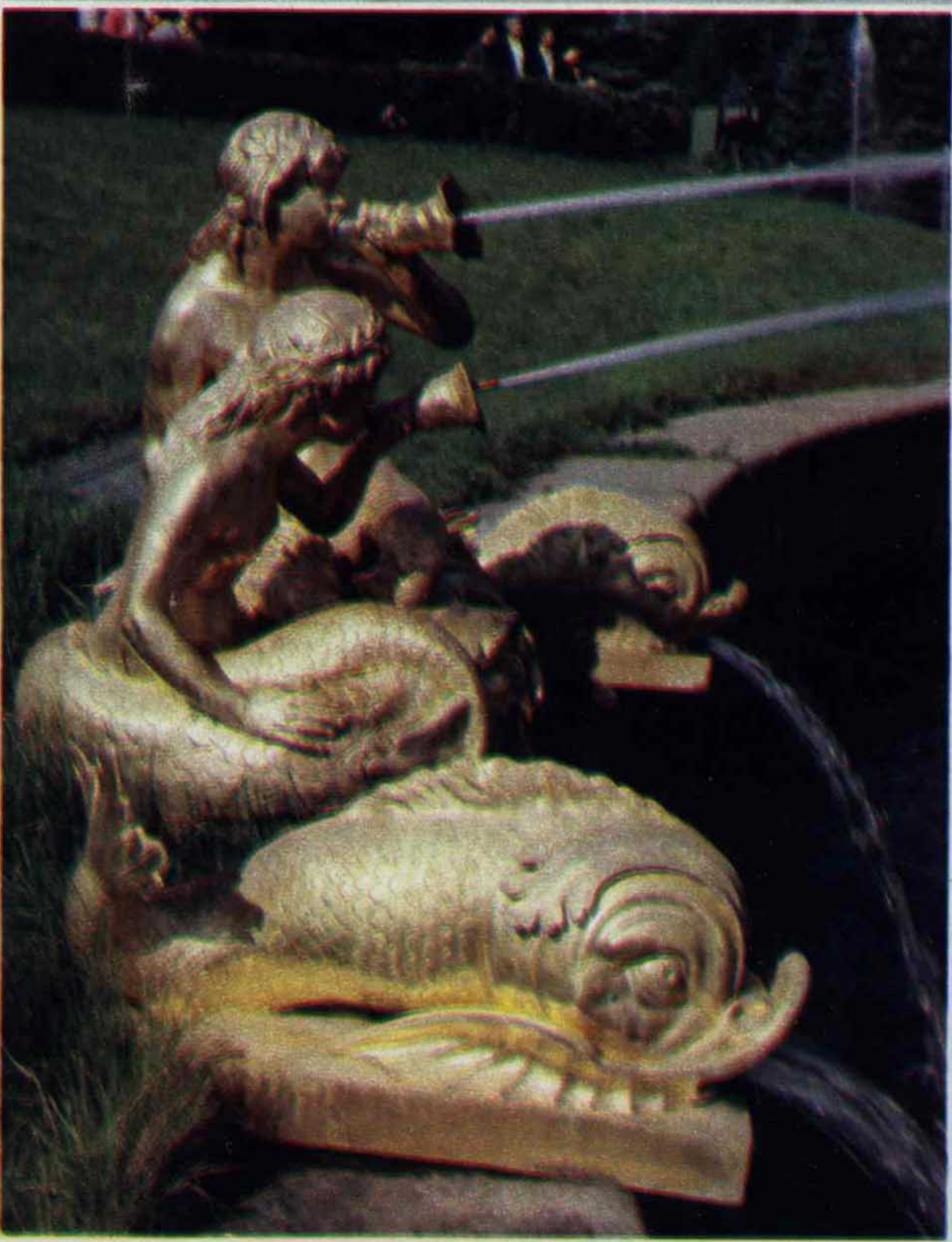
Тамара КУЧЕРЕНКО

ДВОР ПЕТРА

И ЛУЧШЕ НАМ НЕЛЬЗЯ УЗНАТЬ ЭДЕМ КАКОВ,
КАК ЕЖЕЛЬ ПОСМОТРЕТЬ ПРИЯТНЫЙ ПЕТЕРГОФ.

Г. Р. ДЕРЖАВИН

ОБРАЩЕННЫЙ
К МОРЮ,
ПЕТРОДВОРЕЦ
СТАЛ
ВЕЛИКОЛЕПНЫМ
ПАМЯТНИКОМ,
ПРОСЛАВЛЯЮЩИМ
НАРОД РОССИИ,
ПРОРУБИВШИЙ
НА ЭТИХ
НЕКОГДА
ПУСТЫННЫХ
БЕРЕГАХ
«ОКНО
В ЕВРОПУ».

ТРУДОМ
РЕСТАВРАТОРОВ
ВОЗРОЖДАЕТСЯ
КРАСОТА
СТАРИННЫХ
ДВОРЦОВ.

Осенью 1956 года наш класс ездил на субботники в Петродворец. Это была почетная, но грустная работа: несмотря на все, уже сделанное тогда ленинградцами, плохо верилось, что когда-нибудь удастся возродить былое сказочное великолепие здешних дворцов, парков, фонтанов, сохранившееся для нас на страницах старинных альбомов и довоенных книг.

Чуда хотелось немедленно, а вокруг еще хватало руин, и бесконечным казался кропотливый труд реставраторов, задумавших повернуть время вспять, вычеркнуть из истории страшные годы оккупации, уничтожившей, по сути, эту жемчужину мировой культуры.

Но недаром говорится, что глаза боятся, а руки делают. Сегодня, глядя на эти нарядные фотографии, уже и самому не верится, что когда-то таскал здесь носилки с обломками лепнины и мрамора, что мучительные фотографии 1944 года, запечатлевшие развалины Большого дворца и Большого каскада, не дикий сон, а реальный след варвара, отомстившего за свое крушение у стен непокорившегося Ленинграда.

Все-таки удивительный народ мои земляки! Война отняла у большинства из них крышу над головой, до сих пор 230 тысяч семей в центре города живут в коммуналках, но уже к июлю 1945 года тысячи добровольцев, идя след в след за минерами, привели в порядок Нижний парк, открыли его для посещения.

Хорошо бы почаще вспоминать об этом некоторым нынешним ревнителям старины, предпочитающим громкие разговоры черновой незаметной работе. Понимаю, что прикуриваю возле открытой бочки с бензином, но, право, обидно за блокадников: все-таки не мы — они подняли город из руин, заслужили Европейскую золотую медаль международного фонда за сохранение целостного облика его исторического центра, вернули к жизни дворцы и парки Пушкина, Гатчины, Ломоносова, Петродворца. И дай нам бог такой же искренней любви и мужества, чтобы довершить начатое ими, спасти от забвения, равнодушия все то, что, собственно, и дает нам право именовать себя ленинградцами.

А работы тут непочатый край, в том числе и в Петровом дворе (так переводится с немецкого Питергоф). О ней беседовал я с В. В. Знаменовым — директором Государственного художественно-архитектурного дворцово-паркового музея-заповедника.

Добирался до него необычной, далекой от наезженных туристских маршрутов дорогой. Началась она на Ропшинской возвышенности, расположенной примерно в двадцати километрах к югу от Петродворца, и шла вдоль уникального фонтанного водовода, памятника отечественной гидротехники, с которого и начинается слава петергофских парков.

«Среди сказочных дворцов Версаля, Аранхуэса, Казерты, Шенбрунна, Потсдама Петергоф занимает совершенно особое место», — писал А. Н. Бенуа. — Его часто сравнивают с Версалем, но это по недоразумению. Совершенно особый характер Петергофу придает море. Петергоф как бы родился из пены морской, как бы вызван к жизни велением могучего морского царя. Фонтаны в Петергофе не придают, а главное. Они являются символическим выражением водного царства, тучей брызг того моря, которое плещется у берегов Петергофа».

Про море, что плещется нынче у берегов Ленинграда и его пригородов, написано в связи со строительством печально знаменитой дамбы уже немало. Не знаю, как с самочувствием у «могучего морского царя», но лично я в его владения больше ни ногой, оптимизма не хватает. А если очень уж дожимает жара, предпочитаю фонтаны, их прохладное дыхание, ласковый, навевающий волшебные грезы шепот алмазных струй.

Но вот в один из тихих вечеров минувшего лета мне отчего-то пригрезилась здесь, пардон, большая и нахальная свинья. Причем, не мне одному — не привычный цвет воды и экзотические, скажем так, запахи, витающие, например, в Английском парке, вызвали некоторую растерянность среди отдыхающих: уж больно не вязалась эта сельскохозяйственная проза с привычным романтическим обликом архитектурно-художественных ансамблей.

Искать привидевшееся долго не пришлось — местные, знающие люди посоветовали сходить к «Бельведеру», построенному в виде античного храма павильону, расположенному на господствующей над окрестностями Петергофа возвышенности Бабий гон. «Бельведер» считается одним из значительных произведений русской архитектуры середины

XIX века, что, полагаю, и сыграло решающую роль для специалистов «Ленгравданпроекта», решивших именно здесь, на холме напротив античного храма, возвести свинарники совхоза «Петродворцовый». Обитающие в них хавроньи, помимо всего прочего, ежегодно производят 72 тысячи тонн навоза, большая часть которого в некомпостированном виде вольно разливается по окрестным полям, смывается в источники, питающие фонтаны. Столь же мудро институт расположил и молочнотоварные фермы — на северном (в сторону Финского залива) склоне местности.

И это далеко не единственный пример вопиющей бестолковщины, удивительной экологической безграмотности. В верховьях Петергофской системы (как и в самом городе) немало других хозяйств, совершенно безнаказанно загрязняющих воду. И страдает от нее не только эстетическое чувство экскурсантов.

«Исполкомы Петродворцового и Ломоносовского районных Советов уже давно знали о постепенном ухудшении качества воды в водопроводящей системе города Петродворца», — отмечалось на недавнем пленуме Ленинградского ОК КПСС. — Однако вместо продуманных совместных действий по охране и защите водоемов они увлеклись взаимными обвинениями и пустили развитие событий на самотек.

В ближайшее время бюро обкома партии рассмотрит весь круг возникших здесь проблем и даст надлежащую оценку подобному отношению должностных лиц к своим прямым обязанностям».

С уверенностью предполагаю, что некоторым из этих лиц данное обещание не сулит ничего хорошего. Но вот, путешествуя по берегам ручьев, речушек и каналов, питающих фонтаны, встречался я с другими, не должностными людьми. Как правило, приветливыми, словоохотливыми, работающими — кто машину драил, огород копал, кто сараюшку ладил или белье стирал. Одним словом, хлопотали люди по хозяйству, а отходы этих хлопот: отработанное машинное масло, стиральный порошок и прочие химикаты не мудрствуя лукаво сливали где придется — земля, мол, большая, все стерпит. Повстречался даже с пожилым богатырем, похвалившимся, что уже лет тридцать пьет здешнюю сырую воду и ничего — цветет, животом не мается.

Ну что ж, пошли, Асклепий, ему здоровья и в будущем. Однако того же хотелось бы пожелать и всему Петергофу — здоровья, которого, боюсь, не улучшит даже трогательная дружба двух райисполкомов, которая, несомненно, возникнет после грядущего нагоня. Уж если говорим мы об уникальности дворцово-паркового комплекса, гордимся его поистине мировой славой, подходить к нему нужно с иными, не областного масштаба мерками. Убежден, что никакие технические мероприятия, равно как и обращения к совести отдельных граждан, сами по себе не решат проблемы полностью, а лишь залатают накопившиеся прорехи. Только создание Национального парка, запрещение любой хозяйственной деятельности в этом, не таком уж большом регионе, могли бы дать повод для оптимизма, гарантировать подлинное возрождение воспетого Державиным, но давно утраченного Эдема.

— Разумеется, это было бы хорошо, — согласился со мной директор музея-заповедника В. В. Знаменов. — Но, справедливости ради, должен отметить оперативность, с которой ленинградские власти откликнулись на нашу беду. Еще зимой проложен необходимый обводной тоннель, детально разобралась в ситуации комиссия областного комитета народного контроля.

Признаюсь, у меня на сей счет несколько иное мнение: грядущее «свинство» следовало пресечь еще на стадии проектирования. Однако директора понимаю — не избалованы наши, даже самые известные, музеи вниманием, и эта добрая примета новых времен не может не радовать.

«Таких примет бы да побольше», — думал я, слушая рассказ Вадима Валентиновича о том, каким бы хотел он видеть ближайшее будущее Петродворца. А говорил он о создании своего рода культурного центра, дающего уму и сердцу неизмеримо больше, нежели привычные схемы экскурсионного обслуживания. И это не просто благие пожелания; и в самые трудные годы депутат Знаменов последовательно отстаивал, «пробивал» свои идеи. И глядя сегодня на обновленные купола собора Петра и Павла, который еще лет двадцать назад некоторые неразумные головы предлагали снести за ненадобностью, я не сомневаюсь, что все здесь будет так, как мечтается сейчас Знаменову: и выставочный зал, и смотровая площадка, и концерты не только в соборе, но и на лугу возле него с использованием лазеров и прочих чудес светотехники.

Заглянул я в гости и к Жанне Васильевне Выжлецовой — заведующей «Петергофской Дворцовой аптекой», восстановленной на том самом месте, где находилась она двести с лишним лет назад. Старина нынче кусается, а смета на восстановление была выделена не щедро, как на ремонт современной

стандартной аптеки. Однако Выжлецова нашла выход, а точнее мастеров... из Клайпеды, согласившихся и сумевших в рамках этой скромной сметы вернуть городу частицу его истории. На очереди открытие фитоцала, где можно будет отведать приготовленные по прадедовским рецептам ароматные напитки пятнадцати — двадцати видов — из мяты, душицы, чабреца... В перспективе книжный, цветочный магазины, художественное кафе, в общем, развита сфера услуг, отвечающая современным потребностям архитектурно-художественного комплекса. Но главное, пожалуй, музей Бенуа. Российская летопись династии Бенуа, давшей стране десятки талантливых ученых, инженеров, скульпторов, архитекторов, художников, начинается со времени царствования Павла I. Зодчие этой семьи построили в Ленинграде, его окрестностях свыше ста незаурядных зданий, многие из которых охраняются государством как исторические, архитектурные памятники. Своей малой родиной семья считает Петергоф, где первый из их клана, выпускник Академии художеств Николай Леонтьевич Бенуа, построил вокзал, Фрейлинские дома, Конюшенный корпус.

Во Фрейлинском доме и разместится музей этой художественной династии, в реставрации которого, кстати, принимают участие наследники семейной традиции — архитектор Ирина Николаевна Бенуа, ее внучка Варвара — тоже выпускница Академии художеств.

Бывший жилой дом преобразуется на глазах. Привычный больше к тому, что, соприкоснувшись с объектом культуры, строители обычно впадают в многолетнюю спячку, был поражен, узнав, сколь многое успели сделать за какие-нибудь четыре месяца рабочие треста № 18.

Новый музей (он должен открыться в этом году), безусловно, станет заметным явлением в культурной жизни города. Сюда должны вернуться некоторые отечественные художественные ценности, находящиеся сейчас за рубежом. Здесь разместится дар известного ленинградского коллекционера, бывшего преподавателя Военно-морской академии Александра Александровича Тимофеева, согласно завещанию которого Петродворец стал наследником более чем пяти тысяч произведений искусства. В их числе работы Темпеста, Делакура, Коро, К. Коровина, Н. Альтмана, Н. Рериха, художественный фарфор императорского и частных заводов России, агитационный советский фарфор, редкие книги и многое другое.

...Обширные планы у Знаменова. Хватает энергии, единомышленников, да и ветры над Балтикой вроде бы веют попутные для людей инициативных. Но скал на пути еще тоже хватает, и одна из них, как ни странно, объединение «Реставратор», назначение которого, думаю, объяснять не нужно.

Немало хороших слов сказано в его адрес, и похвалы эти столь же заслуженны, как и нынешние упреки в том, что темпы и качество работ объединения далеко не всегда отвечают потребностям заказчиков. Их множество и будет еще больше, поскольку ленинградцы всерьез берутся за обновление своего исторического центра. Выгодна ли Знаменову, равно как и его коллегам из других дворцов, музеев, монополия «Реставратора»? Безусловно, нет, поскольку не они — объединение решает, какая работа ему нужнее. Интересы заказчика второстепенны, деваться-то ему все равно некуда.

— Нужно создать такие условия, чтобы за право, честь трудиться в Петродворце, Пушкине, Павловске подрядчики соревновались бы друг с другом, — считает Вадим Валентинович. — А пока пороги вынужден обивать я. То ли дело сотрудничать с польскими реставраторами. Они не говорят «нет», «не хотим», «не можем». Они называют цену.

Увы, иностранные специалисты тоже особо не спешат сюда, так как собственного валютного счета Петергоф не имеет. И, несмотря на всю свою славу, не может приобрести за рубежом даже простенькую телескопическую вышку, ранцевый пылесос для ухода за высокими потолками, прочие мелочи, без которых, однако, так трудно поддерживать чистоту и порядок. Со вздохом показывал мне Знаменов красочные проспекты зарубежных фирм, выпускающих оборудование для музеев, — хоть и близок локоть, да не укусишь, нечем. Что чрезвычайно обидно: поскольку заработать иноземные средства на все эти чудеса Петергофу вполне под силу, развяжите только руки.

А и развязать бы... Кто, кроме хозяина, лучше знает свой двор, его нужды? У Петрова двора заботливые хозяева, и думается, что в условиях грядущего хозрасчета и самофинансирования им вполне под силу вести дела по собственному разумению, исходя из соображений нашей общей пользы.

МАРШАЛ ПИШЕТ КНИГУ

ВОСПОМИНАНИЯ
О
Г. К. ЖУКОВЕ

Анна МИРКИНА

6

Вимой 1967 года нам надо было согласовать с маршалом очередную отредактированную главу. Георгий Константинович с Галиной Александровной отдыхали в подмосковном санатории Министерства обороны в Архангельском. Звоню.

— Очень хорошо, — сказал Жуков, — приезжайте, тут белок тьма. Погуляем. У меня тоже появились кое-какие мысли, кое-что записал.

Мысли, которые у него появились, оказались очень важным дополнением к описанию первых месяцев войны, к боям у Смоленска — это был рассказ о том, как безусые мальчишки, курсан-

ты военных училищ, героически сражались у стен древнего русского города и на месяц задержали наступление немцев на Москву.

Говорили о героизме, о чувстве страха, о закаливании воли.

— Георгий Константинович, вы когда-нибудь испытывали чувство страха перед смертью?

— Просто никогда об этом не думал. Волю надо закалять с малолетства. Мне было девять лет, когда на спор с ребятами проспал ночь на кладбище.

— Было страшно?

— Нет, завернулся в овчину и проспал до утра. А в четырнадцать во время пожара в деревне вошел в горящую избу, двоих детей вынес.

Когда впервые на войне очутился (еще в первую мировую), поначалу была какая-то неуверенность под артиллерийским огнем, но она быстро прошла. Отчаянность была. Под пулями никогда не кланялся. Трусов терпеть не могу (в голосе холодное презрение).

Очевидно, по ассоциации неожиданно стал рассказывать о Власове.

— Я его давно знал — в 1924 году учились вместе на кавалерийских курсах усовершенствования комсостава (ККУКС). В 1940 году он служил в Украинском особом военном округе, которым я тогда командовал. В начале войны под Москвой командовал 40-й дивизией. Показал себя слабым командиром. Я уже подумывал его сместить, но вдруг позвонил Сталин:

— Мы тут думаем у вас Власова забрать — на Волховском направлении у нас прорыв.

Я очень обрадовался.

— Ну что же, — говорю, — берите.

Думаю, что сначала он не имел цели предательства. Но попал в трудное положение. Коридор был узкий, мешок. Выйти трудно. Они блуждали в лесах больше месяца. Потом из трусости предался немцам — жить хотел, думал бежать в Америку, чемоданчик с золотом с собой прихватил.

На Потсдамском направлении перебежал к нам его адъютант. Сообщил, где находится Власов. Отрядили часть. Догнали. Взяли в окружение.

— Вот, — кричит адъютант, — его автомобиль!

Остановили. Там шофер и еще кто-то, какие-то тюки с вещами. Власова нет.

— Ищите, он здесь, под бараклом! — кричит адъютант.

Раскидали вещи. Оттуда выскочил Власов и побежал по меже. Его догнал адъютант и револьвером стукнул по затылку. Он упал. Его схватили. Потом судили и повесили.

Трус! Должен был застрелиться раньше, чем попал в плен к немцам. Но предпочел предательство — подлость всегда рядом с трусостью ходит...

Галина Александровна ушла кататься на лыжах, а мы сели работать. Георгий Константинович был в прекрасном настроении. Легко соглашался с правдой, с ходу решил какой-то сложный вопрос, который нас волновал.

— Смотрите, день какой хороший, давайте и мы с вами погуляем до обеда, белок покормим — вот орешки, берите с собой.

Вышли в парк. Солнце ослепитель-

ное! Снег под ногами скрипит (Георгий Константинович в бурках). Идет быстро, пружинистым шагом, молодо, весело раскланивается направо и налево с почтительно приветствующими его отдыхающими.

— Теперь признают? — пошутила я.

— Народ всегда признавал, — ответил серьезно Жуков, делая ударение на слове «народ». — Его не обманешь. Знаете, несколько лет назад, Машенька еще совсем маленькая была, приехал с Галюшей и Машенькой в Гурзуф, в военный санаторий. Был тихий час, и ворота заперты. А сторож куда-то отлучился. Стоим у запертых дверей и попасть на территорию не можем. Вдруг кто-то из отдыхающих подошел к калитке, взглянул, что-то пробормотал и бросился назад. Через несколько минут бежит ватага молодых офицеров, радостно приветствуют, кто-то бросился искать сторожа.

— Да что же это, ребята? — вдруг крикнул капитан. — Это же маршал Жуков! Давай, навались.

И выдернули ворота из петель, повалили их на землю — вытянулись:

— Пожалуйста, проходите, товарищ маршал!

Так сквозь строй, под аплодисменты, через поваленные ворота прошли на территорию санатория...

Покормили белок, постояли у прекрасной парковой лестницы — скульптуры мифических богов и героев здесь и вдоль партера в зимних деревянных чехлах. Медленно возвращались обратно.

Не помню, в какой связи зашел разговор о Сталине.

Я спросила:

— Георгий Константинович, как могло получиться, что после всего, что вы сделали, Сталин отправил вас в Одессу, а затем в Свердловск?

Жуков спокойно ответил:

— Зависть к моей славе. А Берия всячески это чувство подогревал. Припомнили и мою способность возражать Сталину.

— А вы теперь простили Сталина за то, что так несправедливо с вами поступил?

— Я просто вычеркнул это из своей памяти в отношении к Сталину. Он сделал некоторые шаги для примирения: восстановил членом ЦК, послал меня с Молотовым в Польшу. Думаю, что он хотел сделать меня министром обороны, но не успел, смерть помешала. Сталин был талантливым организатором. Благодаря и его усилиям мы смогли в войну организовать нашу государственную машину, направив все на победу. И потому в моем сознании его

плюсы перевешивают над его минусами.

— Ну, а Хрущев, почему он вас отстранил от обязанностей министра обороны?

— А этот просто боялся конкуренции. Был момент, когда он зашатался, а я обеспечил ему поддержку армии. Он тогда меня искренне благодарил, но выводы сделал: а вдруг я пожелаю сесть на его место? Тогда Эйзенхауэр (во время войны — главнокомандующий экспедиционными войсками союзников против гитлеровской Германии) был уже президентом США; думал, наверное, что и я мечтаю стать главой государства. Напрасно! Я никогда не хотел государственной власти — я военный, и армия — мое прямое дело.

Конечно, и у меня, как у каждого человека, имелись ошибки и недочеты в работе — без этого не бывает. Но я никогда не выступал против института политотделов в Советской Армии. Слово партии лично для меня всегда было законом. Речь могла идти лишь об отдельных людях, плохо выполнявших свои обязанности, в том числе и о помощниках командиров по политчасти. Таких тоже было немало.

Он помрачнел. Долго молчали.

Выскочила на дорожку белка и села

в СССР не являются членами литературных обществ, то он не может принять Ваше предложение. Вот так...

7

1 декабря 1966 года, в день 70-летия Георгия Константиновича, вместе с директором и начальником отдела издательства АПН Станиславом Михайловичем Костко (он очень много сделал по своей линии в период подготовки книги) мы приехали днем, до начала торжеств, поздравить маршала на его московскую квартиру на улице А. Толстого. С нами был фотокорреспондент.

Георгий Константинович был в отличном настроении — шутил, смеялся, подтрунивал над нами, был приветлив и гостеприимен. Решили сфотографироваться на память. Маршал был в штатском. Сфотографировались. Но, честно, очень хотелось видеть его в тот день в военной форме, при всех регалиях.

— Вы чем-то огорчены? — заметил Жуков, обращаясь ко мне.

— Да кто, Георгий Константинович, нам поверит, что это маршал Жуков! — сказала я.

— К сожалению, мундир размонтирован.

— Сейчас поправим, — с готовностью сказала Галина Александровна.

Она передала мне мундир, и, к моему ужасу, он рухнул на пол — таким тяжелым он был: 67 советских и иностранных орденов и медалей, крестов и звезд, которыми был награжден маршал Жуков за великий вклад в разгром фашизма, с трудом уместались на нем.

Никому не дано заглянуть в будущее. Кто мог предположить тогда, в тот счастливый день, что совсем немного отведет судьба Георгию Константиновичу и Галине Александровне здоровой, полноценной жизни. В 1968 году их обоих настиг тяжелый недуг, из которого окончательно им уже не суждено было выйти...

В ту зиму у Георгия Константиновича произошел тромбоз мозговых сосудов.

Поправлялся он медленно. Долго не мог ходить без посторонней помощи, испытывал постоянные нестерпимые боли от воспаления тройничного нерва. Все лучшие силы были брошены на лечение маршала. Начальник 4-го управления Е. И. Чазов лично наблюдал за курсом лечения маршала. Врачи разных специальностей, в том числе кардиолог, тогда главный терапевт госпиталя имени Н. Н. Бурденко (маршал ему очень доверял) — тезка Жукова, Георгий Константинович Алексеев, постоянно наблюдали его в Сосновке. Из Токио был приглашен крупный специалист по иглоукаливанию. Массаж, гимнастика составляли теперь большую часть его дня. Все предписания врачей маршал Жуков выполнял неукоснительно и точно в назначенное время.

Усиленно занимался лечебной гимнастикой — разрабатывал руку, преодолевал боль, упорно ходил. По общему мнению врачей, только благодаря исключительной воле и упорству он смог вернуться к жизни и работе.

А книга еще не вышла.

Она уже давно была подготовлена к набору, но окончательного разрешения не было. Что-то его задерживало. Наконец дали понять, что Л. И. Брежнев пожелал, чтобы маршал Жуков упомянул его в своей книге. Но вот беда, за все годы войны они ни разу, ни на одном из фронтов не встретились. Как быть? И тогда написали, что, находясь в 18-й армии генерала К. Н. Леселидзе, маршал Жуков якобы поехал «посоветоваться с начальником политотдела армии Л. И. Брежневым, но, к сожалению, его на месте не оказалось». «Он как раз находился на Малой земле, где шли тяжелейшие бои». «Умный поймет», — сказал с горькой усмешкой маршал. Эта нелепая фраза прошла во

¹ Г. К. Жуков. «Воспоминания и размышления», издание 1-е, М. 1969, стр. 477.

Г. К. Жуков со старшей дочерью Эрой.

За Победу! Встреча в Центральном Доме литераторов.

Мундир маршала слишком тяжел для женских рук. В день семидесятилетия Г. К. Жукова.

на задние лапки, быстро-быстро разгрызла орешек, держа его в передних лапках.

Георгий Константинович улыбнулся:

— Хорошая штука жизнь. Давайте я вам лучше расскажу, как меня принимали в литературное Общество Марка Твена.

Пришло письмо:

«Уважаемый мистер Жуков!

Вы окажете нам большую честь, если примете наше предложение вступить в члены нашего Общества, почетными членами которого являются Ф. Рузвельт, У. Черчилль и другие видные политические и военные деятели различных стран мира».

Отдал письмо Молотову.

— Рассмотрим, — говорит.

Проходит несколько месяцев. Я молчу, и они молчат. Потом во время поездки в Польшу спрашиваю Молотова:

— А как насчет Общества Марка Твена?

— А мы им отказали и написали, что Президиум Верховного Совета СССР рассмотрел Ваше приглашение маршалу Жукову о вступлении его в члены Общества Марка Твена. Так как маршал Жуков является государственным деятелем, а государственные деятели

всех изданиях «Воспоминаний и размышлений», с первого по шестое включительно, как и во всех зарубежных изданиях. Только в юбилейном, седьмом издании, она была опущена.

...Был поздний вечер. Мы сидели с директором в опустевшем здании издательства в Подколокольном переулке и работали. Днем директор был постоянно занят и, естественно, не мог заниматься книгой. Была и еще одна причина вечерних занятий. Проведая о том, что многие фирмы капиталистических стран намереваются приобрести у Агентства печати Новости права на переиздание книги Жукова, нью-йоркское издательство «Харпер энд Роу» в пожарном порядке набрало из советской периодической печати статьи Г. К. Жукова, вышедшие в разное время, препарировало их и опубликовало эту фальсификацию отдельной книжкой, снабдив соответствующими комментариями.

Маршалу Жукову пришлось обратиться в Международный суд ООН в Гааге, который признал жалобу автора справедливой, книга была снята с продажи, а «Харпер энд Роу» выплатило советскому автору, маршалу Жукову, штраф. Однако на этом американские издатели не остановились. Вскоре нам стало известно, что за подлинник рукописи маршала Жукова было обещано солидное вознаграждение. Пришлось еще больше «уйти в подполье». Это страшно осложняло работу: домой разрешалось брать только часть главы, в лучшем случае главу; со всем же материалом рукописи в целом работали только в редакции, где для этого не было условий.

В тот день я простудилась и чувствовала себя совсем больной. Время близилось к полуночи. Наконец не выдержала и попросила отпустить меня домой.

— Эх,— сказал с досадой директор.— Ладно, бери машину и езжай, но чтобы завтра выздоровела!

Обрадованная, помчалась домой. Напилась крепкого чая, легла и заснула. Примерно через час звонок:

— Немедленно поезжай к маршалу и привези подписанный со всеми последними поправками экземпляр — завтра утром Леонид Ильич будет лично смотреть рукопись.

Звоню на дачу маршала. Долго никто не подходит к телефону. Наконец трубку берет Галина Александровна. Рассказываю ей, в чем дело.

— Конечно, приезжайте. Сейчас разбужу Георгия Константиновича. Вот только машину мы отпустили.

— Как-нибудь доберусь на издательской, только ворота откройте.

В полной темноте, несколько раз останавливаемые по трассе постовыми, добрались до Сосновки.

Забрала рукопись — и назад в издательство. И мы просидели до утра, отмечая и закладывая наиболее важные страницы книги, которые могли представить принципиальный интерес...

В 9 часов утра председатель правления АПН Борис Сергеевич Бурков лично отвез рукопись в ЦК. В 12 часов было получено разрешение на ее публикацию.

...Первый тираж в 100 000 экземпляров печатался в типографии газеты «Правда». Верстка была подписана к печати 24 декабря 1968 года. Одновременно на Калининском полиграфкомбинате печатались иллюстрации. Редактору, как и художественному оформителю К. В. Орлову, приходилось быть и здесь и там. Зима стояла очень холодная — морозы свыше тридцати. В электричке мерзли нещадно, в гостинице в городе Калинин неуютно и сыро. Да мы там почти не бывали — все время в цехах вычитывали подписи под иллюстрациями, прямо в синьках смотрели иллюстрации. Отпечатки были плохие, ошибок в подписях было много, все это переделывалось по нескольку раз. Чтобы не задерживать печатников, часто приходилось работать сутками. Что все это значило! Лишь бы поскорее вышла книга, лишь бы не пе-

редумали «наверху», лишь бы успеть выпустить ее при жизни автора!

И на Калининском комбинате, и в типографии «Правды» рабочие — наборщики, печатники, корректоры, те, кому было доверено издание книги маршала Жукова, трудились с исключительным энтузиазмом и добросовестностью.

Помню, что перед началом работы в типографии мы рассказали рабочим, что маршал Жуков болен и как важно выпустить поскорее книгу.

— Да мы круглые сутки работать будем! — воскликнул один из печатников. — Мы под Жуковым воевали с фашистами, готовы работать в три смены, хоть бесплатно!

Был мартовский солнечный день, когда на конвейере показались первые красные «кирпичи». Такая нарядная, в пурпурном целлофановом супере была она, эта царь-книга! Схватила первый экземпляр и, едва скрывая волнение, — горло перехватило — бросилась к выходу. Все радостно поздравляли друг друга, жали руки.

Отсюда прямо в Сосновку. Приехали директор, фотокорреспонденты. Георгий Константинович взял в руки книгу, поставил ее на стол, долго смотрел молча...

...Даже самые смелые прогнозы на распространение мемуаров Жукова не смогли предвидеть их подлинный успех. В 1970—1971 годах «Воспоминания и размышления» маршала Г. К. Жукова на основании заключенных с издательством АПН контрактов зарубежных издательств появились на мировом рынке на всех континентах. По признанию многочисленных читателей и зарубежной прессы, она стала бестселлером. Недаром на супере штуртартского издательства ДФА («Дойче ферлагс-анштальт»), выпустившего эту книгу двумя тиражами в ФРГ, было написано красными буквами по всему периметру: «Eines der großen Dokumente unserer Epoche» («Один из величайших документов нашей эпохи»). Так оценили труд советского маршала наши идеологические противники.

Но впервые, как это пожелал Жуков, книга вышла на русском языке в СССР. Почти одновременно — в Югославии. В США книга вышла в издательстве «A Seymour Lawrence Book Delacorte Press / New York» точно по тексту английского перевода первого русского издания, представленного АПН, с использованием наших иллюстраций, лишь в 1971 году². Успех книги прославленного маршала в нашей стране был грандиозен! В конце апреля 1969 года она впервые поступила в книжные магазины Москвы. На Калининском проспекте к Дому книги стояла колоссальная очередь, почти до конца проспекта — до здания кинотеатра «Октябрь», а на улице Кирова в здании магазина «Книжный мир» люди разбили витрины и пошли насквозь — пришлось вызывать конную милицию.

Несколько тысяч писем получили автор и издательство от читателей. Какие теплые, проникновенные слова признания, благодарности, гордости за свою Родину и народ, выстоявший и победивший в этой самой крупной за всю историю человечества войне против фашизма и рабства, были высказаны читателями в их отзывах о книге!

Мы привозили эти письма Георгию Константиновичу в больших крафтовых мешках. Вся семья разбирала их, читала, комментировала.

Георгий Константинович был очень доволен. Он снова помолодел, стал гораздо бодрее. Очевидный успех книги — завершение его долга перед историей — придавал ему новые жизненные силы, окрылял.

Окончание следует.

² В журнале «Москва» № 11 за 1986 год в статье Е. Н. Цветаева «Последний подвиг Г. К. Жукова» сказано, что «Воспоминания и размышления» Г. К. Жукова впервые вышли в США. Это неверно.

**КАЖДЫЙ ДЕНЬ СТАЛКИВАЮСЬ
С НЕСОСТОЯВШИМИСЯ ТАЛАНТАМИ.
НАБЛЮДАТЬ ИХ
НЕТ НИКАКИХ СИЛ:
ЧЕЛОВЕК, СЕБЯ НЕ ОСУЩЕСТВИВШИЙ,
СЧАСТЛИВЫМ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ.
ЕГО ЖИЗНЬ СТАНОВИТСЯ
МУКОЙ МУЧЕНИЧЕСКОЙ.
В ТОМ ЧИСЛЕ —
ДЛЯ ДРУГИХ...**

ТВОРИ

И

БЮРО.

КРА.

ТЫ

**Александр
РАДОВ**

НЕВОСТРЕБОВАННЫЕ

«В Пензе для меня работы нет», — написал мне на днях Владимир Власов, архитектор божьей милостью. Об уровне его дарований можно судить хотя бы по одному сооружению, которое многим известно, — музее Достоевского в Семипалатинске. Перебравшись несколько лет назад в Пензу, перепугал все начальство и даже коллег своей невероятной творческой самоотдачей, а за то, что слишком неистово отстаивал оригинальнейший проект молодежного жилого комплекса, был бесцеремонно изгнан из города. Вместе с ним пострадали и его самые настойчивые единомышленники. А пострадавший ими проект отброшен...

Похожая судьба и у ленинградца Бориса Устинова. Имя среди зодчих очень и очень известное. Творчески дерзок и сверхплодовит, а построили по его проектам мало. Чтобы решительно вмешиваться в жизнь, облагораживая среду человеческого обитания, подвижнически отправился в Набережные Челны, где, как прикинул, — строить и строить, да не унифицированные чудища, коих везде перебор, а нечто неповторимо прекрасное... Трудностей Борис не

боялся, но хлебнул столько!.. Однако поработал на славу, да что толку — лучшие проекты лежат.

Борис Устинов так и не прижился в Набережных Челнах, хотя и очень хотел. Другого ленинградца, дирижера и музыковеда Давида Бухина, грубо, с нарушением законов выставили из Кургана, а потом расформировали с трудом им собранный, замечательно сыгранный камерный оркестр, который смог сотворить чудо — превратить горожан в страстных поклонников серьезной музыки. Больше того — в людей, в ней грамотно разбирающихся. Сколько ни было концертов, сопровождаемых, кстати, увлекательнейшими лекциями самого дирижера, — неизменно аншлаги! Изучать этот феномен ехали со всей страны! И вдруг все кончилось, несмотря на массовые протесты, критические выступления в центральных газетах, обращения музыкантов в суд, в прочие инстанции...

Ы

По сравнению с Бухиным у социолога, кандидата философских наук Бориса Сазонова ситуация куда как благополучная — старший научный сотрудник в Академии наук, много печатается, часто представляет страну на международных научных форумах. Что еще надо? Но его душа требует практического выхода, а ум постоянно вырабатывает ценнейшие рекомендации, программы опережающих социальных экспериментов. Все для того, чтобы энергично менять жизнь, избавляясь от кровотока проблем. Но вот незадача: в этом плане социолог Сазонов никому, как он мне с горечью признался, не нужен, хотя предлагал себя множество раз...

Наплевать к подвижничеству талантам заметнее всего в педагогике. Обнародовав драмы учителей-новаторов, органы информации способствовали многомиллионной поддержке замечательнейших педагогов, но даже это их не спасает от новых и новых нападений. Чуть-чуть утрясло у Шаталова — начались беды у Амонашвили, несколько наладились дела у Лысенковой — разладились у Ильина...

С Щетининым и Кармановым и вовсе метаморфозы, но об этом чуть позже. А пока — еще одна пензенская история.

«У себя в области я вышел в облизполком и облпотребсоюз с предложением о переводе цеха, в котором работаю, на коллективный подряд с самоуправлением, с тем чтобы на этой основе увеличить выпуск продукции в 4—5 раз, причем с первого же месяца работы. Но пока тихо: может, изучают, а может, и забыли».

Забывают гораздо чаще, и делают это совершенно безнаказанно. Вот почему рабочий из-под Пензы Михаил Иванович Ермолаев, написавший письмо в редакцию, с сильным чувством добавляет: «Грустно становится, когда вдруг подумаешь — какие же умы и сколько же их остается не у дел!».

Умы, которые не у дел, — буквально во всех сферах жизни. Вот передо мной, вне всякого сомнения, выдающийся проект, вокруг которого — сорокалетняя война, ценою сразу в десятки, если не в сотни миллиардов рублей. В основе проекта несколько очень крупных изобретений, составивших новую по сути науку — ледотермику. Вся соль ее, если объяснять на быденном уровне, в возможности перераспределения громадных масс воды из многоводной зимы в маловодное лето. А если шире смотреть — превращение зимы, от которой уж так мы за века, за тысячелетия страдались, из бедствия в благо: в щедрую кормилицу, обогревательницу и даже в производительную силу общества.

Заинтриговав, начну теперь пояснять: речь про то, чтобы зимние избытки воды, которые чаще всего без толку несут горные и равнинные реки в моря, бездарно уходят в почву, сохраняя для лета и главным образом для орошения.

За всем этим угадываются громадные прибавки урожая, разнообразные экологические эффекты, дополнительные моря электроэнергии и еще, — что, быть может, самое главное — принципиальнейшая возможность навсегда отказаться от идеи переброски северных, сибирских и прочих рек. Просчитано, что кубометр воды обойдется при ледотермике в 0,34—0,44 копейки за кубометр, в то время как при переброске — в 3,3 копейки, то есть в 10 раз дороже. Создание при теплоэлектростанциях искусственных ледников позволит использовать для охлаждения

конденсаторов талую воду, что позволит получить прибавку электроэнергии.

И все эти многомиллиардные выигрыши могли начаться для страны и десять, и двадцать, и тридцать лет назад. Изобретатели все для этого сделали. Вот их имена — Бакалов, Громан, Карнеев и другие. Но почти сорок лет они выдерживают массированный натиск многократно преобладающего противника. Все идет в ход — интриги, подтасовки, лжесвидетельства. И, несмотря ни на что, энтузиасты держатся, пожертвовав ради научной истины, во имя блага народного и служебным благополучием, и карьерой, и даже достатком. Вот один только пример: неформальный лидер группы Дмитрий Сергеевич Громан, который живет в Ростове, — уже на пенсии, но, чтобы дело жизни двигать и двигать, вынужден был «проездить», то есть растратить на самостоятельные командировки в Москву и в другие места, и автомобиль свой, и гараж, а теперь вынужден что-то выкраивать и из своей скудной пенсии.

Несмотря на то, что в разные годы с одобрением их проекта выступали и Госплан страны, и Всесоюзный съезд гидрологов, и Академический Институт географии, и Всесоюзное совещание энергетиков, и СОПС, дело за сорок лет так и не сдвинулось, а значит, страна впустую потеряла необозримые богатства, недополучила море человеческого счастья, которое, как знаем, очень зависит от воды и урожая. За все десятилетия не провели ни пробного, ни опытного испытания проекта, хотя это обошлось бы в тысячи раз меньше, чем подготовительные работы к повороту, которые, как знаем, велись полным ходом.

Представьте себе душевное состояние Прометея, который принес людям огонь и услышал в ответ: «А нам не надо, нам и так хорошо!». Именно на такие душевные муки и обречены у нас тысячи и тысячи безусловно самых ценных для Отечества людей: первопроходцев, первооткрывателей и первоизобретателей.

Нередко заканчивается и трагедией.

В тот самый день, когда с трибуны февральского Пленума ЦК партии было сказано о том, что новаторы — это надежда общества и опора, что завтра мы должны иметь сотни тысяч, а послезавтра миллионы новаторов, был снят со своей должности директор московского завода «Чайка» признанный педагог-новатор Валентин Федорович Карманов. Здесь поясню: все двадцать пять лет — с тех пор, как своими руками создал «Чайку» и бесценно, да с великими муками преодолевая яростное сопротивление бюрократов, руководит этим первым в стране школьным предприятием — оно исправно выполняет план, демонстрируя высокую рентабельность. На «Чайку» паломничество со всей страны, хотя сегодня — честно скажу — она и в техническом плане, и с точки зрения социальной организации устарела, очень нуждается в комплексной реконструкции. Карманов давно об этом позаботился: с великими трудами пробил не одно, а сразу пять постановлений Моссовета, но ни одно из них не выполняется. Накопил и средства на реконструкцию, но их — четыре миллиона — цапнула на свои нужды вышестоящая организация: Главмосместпром (начальник главка В. А. Красильников). Из тех денег, что заработали дети. На все обращения Карманова — просьбы, требования, ультиматумы — ноль внимания. А вот когда потребовалось убрать Карманова, чтоб посадить вместо него работника из аппарата райкома, — свалили с больной головы на здоровую: обвинили в том, в чем сами перед заводом виноваты. С решением главка трудовой коллектив не согласился и единогласно избрал Карманова директором. Главк взял и наплевал на это решение — будто его не было. Тогда трудовой коллектив собрался еще раз и опять вручил Карманову мандаты доверия. И уж теперь, казалось бы, жирная точка! Но оппоненты «Чайки» затеяли изнурительные бюрократические игры с коллективом. Чтоб поставить под сомнение и выбор коллектива и сам коллектив дискредитировать, прислали на завод следователей прокуратуры и ОБХСС, контрольно-ревизионное управление и комиссии отовсюду. И все, повторяю, ради того, чтобы на место новатора посадить своего человека.

Вот печальнейшая реальность: на войне как на войне! А ведь их всех, то есть всеобщно известных новаторов педагогики, как-никак, но все же страшен гласность. Что же до менее известных или вовсе не известных подвижников — тут в полной мере трагедия. Об одной из них рассказала недавно «Учительская газета»: 6 декабря 1987 года, в воскресенье, в кабинете физики покончил с собой директор Икшанской колонии для несовершеннолетних подростков Степан Арсенович Туманян. В этой школе он проработал 41 год, из них 25 — директором. И вдруг — такой финал!

Перед смертью написал в письме, обращенном к коллегам: «...Бороться у меня уже нет сил, да и бесполезно. Может, моя смерть заставит кого-то поставить все на свои места».

Степану Арсеновичу уже не дано узнать, что даже

его смерть ничего не переменяла. Виновники расправы до сих пор не наказаны.

— Я прошла через такую же травлю... Да и все мы, кто пытается искать новое, через такое проходим, — под впечатлением от смерти Туманяна говорила мне Софья Николаевна Лысенкова. Потом горестно добавила: — Если б не корреспонденты — не знаю, что бы теперь с нами было!

Совсем плохо было бы — тут у меня никаких сомнений. Вот почему слишком многие новаторы оказались выведены из строя: разбиты инфарктами, скандально сняты с должностей, исключены из партии, опорочены.

Что ж это за люди, противостоящие творцам и подвижникам? Что им надо?

КРЫСИНОГО ПЛЕМЕНИ

Первая мысль — сами-де виноваты. Речь веду о неудачниках: непробойные, дескать, а может, и неуживчивые. Но, спохватившись, сообразишь: при чем здесь характер, даже невезение, если шансов, чтобы творчески выразиться, полноценно себя реализовать, у них и в принципе не было? Это если судить объективно. Застой в экономике, науке, культуре стал трагическим безвременьем, воистину мертвым сезоном прежде всего для самобытнейших талантов. Они не видели в себе ни малейшей потребности, зато не могли не ощутить — всем вокруг только мешают. Тем хотя бы, что вносят творческий ажиотаж, становясь нежелательным контрастом и угрожая нарушить благостность и комфортность служебного болота. Раз так — ату их!

Тут правда, да не вся. Было немало других причин, о которых речь поведу ниже. Но в результате многие, очень многие даровитые люди оказались в тупике. Сколько таких по стране? Ни социологи, ни статистики не скажут — попросту не считали. Да и как тут сосчитать? Зато читатели уверяют: миллионы и миллионы! В этом убеждена и минчанка Ирина Юрцевич, учитель истории и одновременно научный сотрудник ВНИИ профтехобразования. В своем письме восклицает: «Не счесть ущерб, нанесенный стране не только в материальном, но и в духовном плане! А сколько судеб разбито, сколько надежд похоронено навсегда! Не здесь ли причина, что со всех сторон нас захлестывает наглая и торжествующая серость, требующая все новых и новых привилегий для себя!»

Так и есть: захлестывает, тесня и загоняя в угол прежде всего таланты, а тем и податься-то некуда и призвать на помощь некого. Убежден, что и ты, читатель, не раз сталкивался с закономерностью, проявляющейся раз за разом: чем ярче и самобытней талант — тем ему хуже. А начинаются неприятности обычные всего с банальнейшей зависти и по этой причине — злобной враждебности со стороны неталантливой окружения.

Это гигантское, для страны трагическое противостояние талантов и неталантов стоит, однако, рассмотреть под другим углом зрения, сообразив, что все эти серости, заурядности, посредственности, сильно обесцветившие нашу жизнь, сами есть, как ни странно, безнадежно погубленные таланты.

Что же это за обстоятельство, плодящее бездарей? Их немало, но вот, пожалуй, главное: «Те различные уровни одаренности людей, которые вскрываются в тестах, приходится понимать как явления остаточные — они существуют не благодаря, а вопреки системе образования; если б удалось идеально, «хорошо поставить» систему образования традиционного типа, талант вообще не мог бы сохраниться... Современное образование, которое преследует цель сообщить известную и одинаковую для всех сумму знаний, выглядит как массовое убийство талантов», — так пишет старейший и авторитетнейший в педагогике ученый, работавший еще вместе с Шацким, — Михаил Николаевич Скаткин.

Итак, в том, что талантов мало, а заурядностей много, — вина прежде всего школы. Молодой коллега Скаткина — кандидат психологических наук Виктор Слободчиков, подтвердив, что мы имеем в школах, а впрочем, и в детских садах убийственный для талантов шаблон, сообщил мне такую цифру: в США в ходу 5 тысяч учебно-воспитательных программ. А у нас и двух десятков не наберется, да и те мало между собой различимы. Где уж тут мечтать о питательнейшем для дарований разнообразии условий развития? А с другой стороны — о просторе для педагогического новаторства?

Но, оказывается, мало дать таланту проявиться. Ему надо помочь пробиться, занять подобающее место, где польза от него, а для кого-то и выгода будет наибольшей. Осознать это помогли Америке мы сами.

«Практичные янки ответили на полеты советских спутников не только развитием своей космонавтики, но и тем, что «поставили на конвейер» отыскание (посредством разработанных за 80 лет тестов) и максимальное развитие 35 000 одареннейших старшекласников ежегодно, ассигнуя около 1,5 миллиарда

долларов ежегодно на помощь им и тем колледжам, которые они избирают, и, по существу, совершенно неисчислимые суммы на их быстрое выдвижение по всем направлениям и иерархиям, соответствующим их дарованиям (...). «Деловому миру» приходится потесниться, чтобы дать в своих рядах место этим талантам...»

Тут цитирую книгу, которую ты, читатель, наверняка не найдешь — она существует едва ли не в десятке экземпляров (несколько из них — в ВИНТИ). А ведь очень заслуживает массового издания, хотя не исключаю, что слишком многим покажется спорной. Что за беда!

Принадлежит она перу выдающегося советского генетика Владимира Павловича Эфроимсона, несправедливо затертого и полузабытого, хотя все годы, начиная с 20-х, неистово трудился. Книга, о которой веду речь, — из самых последних и, как вспоминаю разговоры с ним, из наиболее дорогих для него. Она двухтомная и называется так: «Биосоциальные факторы повышенной умственной активности». Не считая возможным походя столь обширный труд оценивать, скажу только: он посвящен великим загадкам человеческой гениальности. Владимир Павлович убежден: уже в недалеком будущем само выживание человечества будет зависеть от того, найдется ли у него достаточное число выдающихся талантов и гениев.

Изучив всю историю человеческой цивилизации, Владимир Павлович обнаружил, что не было исторического периода, более щедрого на человеческую гениальность, чем древние Афины времен Перикла. А главный секрет заключался в том, что для талантов удалось создать стимулирующую среду, используя самые разнообразные побудители.

Исторические изыскания Эфроимсона куда как практичны. Вот один из его выводов: «...Даже небольшая страна, например, с 5 миллионами жителей, но добившаяся развития и реализации 10 процентов своих потенциальных гениев и талантов, за полвека оставит за собой в 100 раз более населенную страну, которая сохранит в силе барьеры для развития и реализации своих потенциальных гениев».

Увы, для нас тут печальнейшая реальность. Почти в три раза превосходя США по количеству инженеров и ученых, мы в... сорок раз меньше, чем они, получаем средств от продажи лицензий за рубежом. А вот другой показатель — уровень рационализаторской активности рабочих. Читаю в статистическом справочнике: на 1000 рабочих, служащих и колхозников пришлось по итогам 1986 года 3,7 заявления на рационализаторское предложение. То есть на 1 человека — 0,037. А в Японии — если пользоваться новейшими данными — в среднем приходится 20 на одного, то есть в 540 раз больше. А в некоторых фирмах доходит и до 200. Удивительно ли, что только от рационализаторского движения японцы ежегодно получают 20 миллиардов долларов?

О чем это говорит? Мертвечина застоя не только сковала творческую энергию, но и значительно ухудшила — скажем об этом честно — качество человеческого материала нации. Одни только болезни и хронические патологии вывели из строя слишком много потенциальных талантов и, быть может, гениев. А сколько самоубийственных дарований так и остались никем, «рядовыми необученными», не получив возможностей для полноценного образования, профессионального и общечеловеческого развития?

В те печальнейшей памяти времена, когда поднималась на щит идея стабильного, а значит — застывшего общества, личности самобытные, с норовом, не требовавшиеся, а довольно было функционеров — исправных исполнителей рутинных должностных функций. Заказ на функционеров, а вовсе не на творцов получали и школы: от начальной до высшей. Это определяло и программу обучения, и стиль взаимоотношений учеников с педагогом, и то обстоятельство, что эксплуатировалась в основном память, а воображение практически не использовалось.

А впрочем, все это сохраняется — школа рутинеров, а не творцов. Но дело не только в школе. Здесь сошлюсь еще на одного несправедливо отодвинутого отечественного ученого, родоначальника возрастной физиологии Илью Аркадьевича Аршавского: «У человека развитие в раннем возрасте (до 5—6 лет) в условиях комфорта обуславливает не только явления ожирения, гиподинамии и вытекающих отсюда отрицательных физиологических последствий, но и такие состояния духовного вырождения, как лень, безволие, апатия, паразитическая психология, граничащая с отвращением к труду».

Вот ведь как: школа — это уже поздно! А мы и в ней-то не начинаем. А как же можем рассчитывать на деятельных, трудолюбивых, волевых, новаторских? Увы, такого заказа ни школа, ни тем более детсад, даже семья от общества не получили. Это если всерьез. Не на уровне благих пожеланий. Что же до родителей, то они, то есть все мы, — будем

честны — уже давно не заинтересованы всерьез «приготавливать к труду жизни» детей, развивая для этого и деятельные, и творческие способности. Это выявили социологи из свердловского МЖК «Комсомольский», опросившие многие сотни родителей: только один родитель из ста выразил пожелание, чтобы дети помогали ему в старости. Остальные так настроены: обойдемся! Даже напротив: сами покуда живы — поможем! И это, быть может, самое страшное, что бьет по трудолюбию и творческой состоятельности новых и новых поколений, — экономическая незаинтересованность семьи!

Чтоб растить творцов, нужна новая педагогика. Впрочем, она вызревала и давно могла бы плодоносить, да что с ней стало? Здесь подошло время рассказать о новейших сюжетах из жизни Михаила Петровича Щетинина. После многолетних преследований да уничижительнейших мыканий по стране наконец-то сыскал он место для нового, то есть третьего в своей жизни, эксперимента, несмотря ни на что, веря: уж в этот-то раз дадут довести его до логического завершения. Место, найденное им, называется так — станица Азовская Краснодарского края. И жители станицы — казаки — и местные власти приняли Щетинина просто превосходно, всячески выказывая, как важна им, как интересна его деятельная любовь к детям, его страстная готовность не только как следует, то есть на уровне XXI века, обучать, но и гармонически воспитывать, привлекая в помощники ТРУД и ТВОРЧЕСТВО, КРАСОТУ и ГАРМОНИЮ, ДОБРОТУ и ДОВЕРИЕ. Вместе со столь заинтересованными сподвижниками, опираясь и на серьезных ученых во главе с академиком АПН Артуром Владимировичем Петровским, Щетинин разработал программу очень цельного эксперимента, в который должны быть вовлечены не только школьники, но и детсадовцы, и детдомовцы. Для них возникнут различные — «сельские» и «городские» — производства, необычайный Клубный комплекс, спортивный и оздоровительный центры, творческие мастерские и научные лаборатории. А все вместе будет называться Центром комплексного формирования личности. Надо ли говорить, как необходим нам сегодня смелый прорыв в новый век Педагогики, исполненный к тому же самим Щетининым? Понимая это, Михаил Петрович принял и поддержал, пожелав удачи, Геннадий Алексеевич Ягодин — председатель Госкомитета СССР по народному образованию. Казалось бы, теперь и сам черт не страшн Щетинину, никто не осмелится ставить ему палки в колеса. Но, увы, опять, как это было не раз, вмешались вчерашние люди.

В. М. Коротов, бывший некогда первым заместителем министра просвещения страны и в немалой степени ответственный за кризисное состояние школы, теперь возглавляет НИИ общих проблем воспитания, в котором имеет несчастье работать Щетинин. Его новый эксперимент Коротову не нравится и понравиться не может. Написав, к примеру, книгу «Самоуправление школьников», он истинное ученическое самоуправление, замечательно разработанное и опробованное еще в экспериментах Макаренко, а вслед за ним Сухомлинского и того же Щетинина, просто не пускал на школьный порог.

Но если в прежние, то есть худшие для нашей школы, годы ему, чтоб перечеркнуть эксперимент Щетинина, довольно было бы одного росчерка пера, то теперь приходится исхитряться. Вынужденный подписать перевод Щетинина в другой институт, в рамках которого Михаил Петрович и будет экспериментировать, Коротов решил напоследок его скомпрометировать. Так и сказал в присутствии посторонних: «Не надейся уйти чистеньким!».

И Михаилу Петровичу ни за что ни про что объявляют выговор, да вот с какой формулировкой: «За систематическое нарушение трудовой дисциплины». Зачем это делается? Чтоб потом сказать: кому вы поручаете такое замечательное дело — да он же... Но и это не все. При участии И. М. Косоножкина, заместителя министра просвещения РСФСР и одновременно главного редактора журнала «Народное образование», снаряжают гонца на Белгородчину, где начинал свои эксперименты Щетинин. Цель прозрачна — нечто этакое раскопать из того, что было и чего не было. Гонец не обманул ожиданий — привез великую новость: Щетинин-де вовсе не автор школ-комплексов, идею которых связывают с его именем. Тут, дескать, плагиат, поскольку изобрел их человек еще более известный — председатель колхоза имени Фрунзе, дважды Герой Социалистического Труда В. Я. Горин. Согласись, читатель: удар мастеровский, просто-таки нокаутирующий. Ну как тут возразишь, если известно: да, у Горина действительно существует школа-комплекс.

Зная Василия Яковлевича Горина, могу уверить — чужой славы ему не надо. Он и своею-то сильно тяготится. Школа-комплекс действительно впервые закладывалась в его Бессоновке, но в то самое время, когда заместителем Горина был... Щетинин. До этой подробности московский посланец не докопался — спешил обрадовать покровителей.

И главной обязанностью Щетинина было строительство, а потом организация работы школы. Но это, увы, продолжалось недолго. И до сих пор загадка: почему вместе не ужились, психологически не совместились Щетинин и Горин — оба характеры, дерзкие новаторы. Из-за этого, уверен, не только каждый из них в проигрыше, но и вся страна. Однако факт остается фактом — первая у нас школа-комплекс, где гармонично переплелись обычная школа, спортивная, музыкальная, школа искусств и то, что можно было бы назвать трудовой, осуществилась не в Бессоновке, а в другом селе — Ясных Зорях, хотя и того же Белгородского района. Она действительно формировала творцов. Не зря самая первая статья о феномене Ясных Зорь называлась так — «В школе только гении». И если б тогда Коротов и К° не прикрыли эксперимента и не препятствовали его естественному распространению, мы б входили в перестройку гораздо более подготовленными, а в молодежной среде было бы значительно меньше патологий. Но вчерашние люди не позволили. Измордовали и уже стерли с лица земли и второй эксперимент Щетинина — в селе Зыбкое на Кировоградской. А вот теперь и в третий раз подбираются. Неужто не защитим? Прослышав про новые происки врагов Щетинина, к нему на подмогу примчалась из станицы Азовской делегация народных посланников, коим всем миром поручили защитить Щетинина и доставить в станицу в целости да сохранности. «Ничего от них не надо, — это в адрес педагогических инстанций, — только пусть не мешают!»

Тут знамение времени: если прежде на защиту новаторов вставала в основном пресса, то теперь их берутся защищать уже, казалось бы, полнопрованные трудовые коллективы. Однако это обычнее всего не помогает — новаторским талантам противостоят, как правило, слишком грозные силы.

Бюрократы, как известно, крысиного племени. В замечательной книге Игоря Акимовича «Причуды природы» читаю главу, посвященную крысам, и поражаюсь: ну до чего похожи! Фантастически приспособимы и почти совершенно неистребимы. Им все нипочем: и самые сильные яды, и опаснейшие микробы, и огнемелы, и даже радиация после ядерного взрыва. В этом смысле не правы те, кто уверяет: после ядерной войны не останется ничего живого. Крысopodobные останутся! Но вот еще два поразительных свойства крыс. Первое: обладают удивительными способностями распознавать опасность и приспосабливаться к средствам, которые их уничтожают. Разве не относится это к бюрократии, которая теперь уже, да прямо у нас на глазах, приспосабливается к демократии и даже использует ее в качестве оружия. Но вот второе свойство: для крыс характерна почти шизофреническая подозрительность ко всему новому и необычному. Именно поэтому бюрократы гораздо лучше нас с вами распознают носителей нового и начинают вести против них борьбу на уничтожение.

Итак, перед нами великое противоборство творцов и бюрократов: кто кого? Честно признаем: творцы пока что в проигрыше. Они разрозненны — каждый сам по себе, а враг окружает в кольцо. Они борются корректно, а против них применяют любые методы, даже самые аморальные. Но самое страшное — на стороне бюрократов мощные материальные факторы, они имеют, как ни странно, правовые гарантии, им на руку господствующий все еще стиль управления. А за спиной творцов, подвижников, новаторов — практически никого и ничего. Именно поэтому их легко выводят из строя. Кто, присмотритесь, держится сегодня из новаторов педагогики? Пять — семь имен, которые у всех на слуху. А новых, а значит, молодых — нет. Не удается пробиться на историческую сцену, сохранив голову.

Но еще более драматическое, чем у новаторов педагогики, положение изобретателей...

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ ТАЛАНТЫ

— Таланты обычно вредны руководству, — услышал на днях от Бориса Федоровича Данилова. Он классный, каких мало, токарь-лекальщик, известный по стране изобретатель, еще и писатель, автор пяти публицистических книг. — За счет чего многие норовят на заводах делать сегодня перестройку? Нет, никак не за счет ценнейших идей. Ставка на интенсификацию труда, а еще — на очень любимые начальством «черные субботы»...

И пояснил: в его крупном цехе солиднейшего московского предприятия, причем электронной, то есть, казалось бы, передовой промышленности, за много лет не подано не то чтобы изобретения, но даже махонького рацпредложения. Сам Данилов, как только пришел на завод, а было это лет восемь назад, сразу же написал с десяток рацпредложений. И что вы думаете? Все до одного потерялись. И никому дела нет. Но, как ни странно, и цех, и завод преуспевают...

Умов, которые не у дел, больше всего именно среди рабочих, но ведь, чтобы получить им добро на

инициативу, приходится согласовывать с верхом, поскольку промежуточные звенья решать не хотят, не рискуют или, что чаще, просто не приучены. И то учтем, что ко всяким «неплановым» инициативам отношение бывает сдержанное, если не сказать враждебное, но в особенности, если они исходят от «простых рабочих». Явившись с предложением, рабочий в равнодушно-циничном взгляде не раз читал: да что ты в этом понимаешь? был бы ты ученый, хотя бы инженер или на худой конец мастер... Оскорбляет это, конечно же, до глубины души, отбивая всякую охоту еще и еще что-то дельное предлагать. Отсюда и отчуждение, о котором упоминал на февральском Пленуме ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев.

Ощущая это, что называется, на собственной шкуре, пензенский рабочий Ермолаев, которого уже цитировал, предлагает такой, на его взгляд наилучший, способ раскрепощения инициативной энергии рабочих: «Очень правильным, прогрессивным, хотя и нестандартным было бы решение избрать на роль директора завода рабочего. Вы только представьте на миг: какую б это вызвало восторженную реакцию, какой возник бы подъем, буквально взрыв инициатив с самого низа! Ведь перестройка так нуждается в этом!».

Согласен: эффект был бы оглушительный. Но гложут сомнения: а справится ли «простой рабочий» со сложнейшей на сегодня, ответственной ролью директора, в которой бездну всего надо знать? «Ни за что!» — завопят слишком многие и даже рассматривать откажутся кандидатуры рабочих. Однако же Её Величество Жизнь уже посрамила всех скептиков, успев поставить такой именно эксперимент, где «простой рабочий» не только потянул, но сделал это дерзновенно, с наивысшими результатами. А руководящий ранг достался ему очень высокий — управляющий крупнейшим строительным трестом. Ты догадался, конечно же, читатель, о ком веду речь? Все верно: известнейший сегодня руководитель-новатор, исследователь новых, демократических форм Николай Ильич Травкин. Ни инженерного, ни экономического образования у него не было, зато было и есть неистовое самообразование. Николай Ильич своей стремительной карьерой доказал: истинному таланту все под силу. Когда он есть — оставьте все сомнения!

Получив «генеральские» полномочия, Николай Ильич может теперь экспериментировать с большим размахом, реализую новаторские идеи, которые родились в те недавние еще времена, когда ходил в «рядовых». Тут, следовательно, самый короткий путь к полноценнейшему осуществлению ценнейших инициатив: надо то есть их создателям возглавить свое дело! Все не обязательно такое сверхкрупное, как у Травкина. Тому же пензенцу Ермолаеву довольно было бы мелкой хозрасчетной фирмы или производственного кооператива. Но пока это чистейшей воды фантастика. После Травкина не знаю подобных случаев, чтоб рабочему доверяли возглавить предприятие, хотя лично знаком с десятками рабочих, каждый из которых справился бы. Пробриться новому человеку трудно сегодня и тогда, когда есть диплом и даже кандидатская степень.

В этом имел несчастье убедиться Г. А. Франк, возглавляющий отдел в научно-производственном объединении. В связи с уходом директора на пенсию избирали нового. Официальным кандидатом, то есть рекомендованным администрацией, был главный инженер В. П. Буц, а массы выдвинули Франка, отдав ему при избрании 215 голосов, в то время как Буц получил только 68. Уже по такому раскладу видно: Франк — человек незаурядный. Однако вышестоящие инстанции не хотят Франка — и всё! Хотя аргументируют единственным: нет опыта крупной руководящей работы. Даже Травкин такой барьер ни за что бы не преодолел! И доверие к Франку коллектива рассматривается как чистейшая безделица. Но чтобы при этом не нарушить закон, вот какой придумали финт: прежнего директора оставить еще на год, а там, дескать, посмотрим...

Итак, даже выборность — когда она с оговорками, а последнее слово остается за бюрократией — не увеличивает притока новых лиц, так необходимых для энергичного обновления жизни. И более всего в проигрыше — новаторские таланты, у которых почти нет шансов завести свое дело.

А ведь в большинстве развитых стран особый динамизм развитию придают не суперкорпорации, а мелкие фирмы — гибкие, чуткие к новым веяниям, к новым потребностям рынка. Они, как правило, узкоспециализированные. Обычнее всего — на осуществлении новейших изобретений. Возглавлять их (или владеют ими) обычные всего изобретатели или доверенные их лица. Но в любом случае во главе пионерского дела должен стоять энтузиаст. Таких очень много мы сыщем среди интереснейшего человеческого племени «самодельщиков».

«Я «фанат», — пишет в редакцию Олег Мартынов из подмосковного Калининграда, — и ради «копания» в теле-, видео-, радио- и прочих электронных систе-

мах готов отдать покой и сон. Я буду бесплатно трудиться (благо опыт есть) и во вторую, и в третью смены, безразлично — я студент. Но в первом же телеателе мне рассмеялись в лицо и сказали, что я псих! Такие дела...».

Дела кислые, хотя они, наши «самодельщики», — на все руки мастера: сочиняют машины и механизмы буквально для всех стихий — воды, земли, воздуха, а еще — для кухни, ванны, огорода, сада... И несомненных удач — в смысле мастерства — у них столько, что с большим уважением начинаешь относиться к самодеятельной мысли народа, которая порой играючи может поспорить с творениями профессионалов и даже заткнуть их за пояс. Но толку-то что! Сколько ни было у них конструкций самого высокого класса — не многие освоены промышленностью.

Об этих парадоксальных, труднообъяснимых итогах с досадой и злостью расскажут вам многолетние создатели телепередач «Это вы можете». Здесь тоже, как видим, не помогает и гласность... А возможностей тоже завести свое дело, чтоб утереть нос монополистам рынка, наши «самодельщики» пока не имеют, а значит, не могут потеснить тех, кто устал и отстал, перестал дерзать и искать новое, рваться ввысь. И остается им только руками развести, глядя на неумелость профессионалов, которые тем не менее с апломбом доказывают везде, где только могут, что «поделки самодельщиков» гроша, дескать, ломаного не стоят.

Необычную экспозицию, развернутую на ВДНХ, журналисты окрестили потом «антивыставкой», поскольку демонстрировалось преступное равнодушие ведущих наших отраслей, а точнее, возглавляющих их министерств, к наивысшим достижениям отечественной изобретательской мысли. Экспонатов было всего двести, но каждый обещал громадный эффект. Были и «миллиардники». Полюбопытствовать, и не по доброй, так я думаю, воле, приехали все причастные (а точнее будет, непричастные) к этому министры. И сами, быть может, устыдились бы, но главное — были пристыжены и начальством своим, и прессой. Под впечатлением пообещали клятвенно: и года не пройдет!..

Но прошло два, а крупномасштабного внедрения ни по одному изобретению нет. И нет, следовательно, спасенных миллиардов, а есть невозвратно погибшие. С кого за них спросить?

По существующему изобретательскому праву спрашивать надо с государства. А с него как спросишь? С него взятки гладки...

А уж гибнет изобретений столько!.. В среде изобретателей хорошо знакомо имя генерала Михаила Ивановича Циферова. Тут тот самый случай, о котором писал поэт, — «широко известен в узких кругах». Но Михаил Иванович не виновен. Он все сделал, чтоб знали его повсеместно, — создал сто удивительнейших, обещающих гигантские выигрыши изобретений, а внедрено из них только одно. Московский токарь Валентин Георгиевич Моисеев создал меньше — девятнадцать, однако восемнадцать из них зарубили эксперты, все, имеющие касательство к станкоинструментальной промышленности, поскольку изобретатель Моисеев инструментами. Каждый раз они доказывали: галиматья! Могу их понять: в противном случае пришлось бы признать, что «простой рабочий» дал для научно-технического прогресса больше, чем весь ВНИИинструмент.

Итак, лишь на одно из девятнадцати получил Моисеев авторское свидетельство и разовое вознаграждение, которое составило аж... пятнадцать рублей. И это за четверть века изобретательской деятельности! Зато унижений вынес — не счесть. Главным образом от первых специалистов Минстанкопрома. Так бы и заволокнули до конца изобретения его, если б не «антивыставка», а затем — не хлесткая телепередача. И человека, которого велено было на порог не пускать, пришлось принимать в министерстве с почетом. А он и чемодан с собой прихватил, где весь его комплект инструментов, который сам называет «ансамблем Моисеева». Ясно было, что его высокие собеседники не в восторге от перспектив сотрудничества, но, даже предубежденные, они отбрали сразу семь инструментов. Анекдот: шесть из них уже прежде браковали. Может, теперь признают? Нет, надежды были зряшны: брали, оказывается, не внедряя, а всего только проверить (как было сказано в документах) «на соответствие мировому уровню». Но сделали это в отношении только одного инструмента — универсально-фрезерного патрона «Мечта», годного для любого металлорежущего станка. Он-то и был представлен на «антивыставке».

Чтоб «Мечту» испытать, закупили за валюту лучшие в мире патроны — японской фирмы «Никкен». В официальном заключении потом написали: патрон Моисеева превосходит японский и точностью центровки, и долговечностью. Больше того, один моисеевский заменяет три патрона «Никкен». Прикинули и экономический эффект — по 350 рублей на один патрон. Это при условии — если б все наши станки

были оснащены японскими патронами. Но поскольку этого нет, то эффект еще больше возрастает. Перемножив на миллионы станков в стране, тут-то и получаем миллиарды. А если приплюсовать все двадцать три года, которые усилиями Минстанкопрома брошены коту под хвост? О-о, насколько б богаче мы были! И все это за счет одного только инструмента Моисеева, а у него их, как мы знаем, — целый чемодан...

И после испытаний, когда ясно стало и даже документально подтверждено, какой же он бесценный для отрасли, для всего Отечества человек, никто не вцепился в Моисеева, не предложил возглавить, к примеру, лабораторию во ВНИИинструменте, чтобы побыстрее испытать и доводить все новые и новые его инструменты. Нет, никому не надо! Даже не извинились за издевательство длиной в четверть века. Что же до патрона «Мечта», при изготовлении которого требуется микронная точность, то его выпуск запланировали на одном из заводов в Туркмении. Моисеев там был и обнаружил нижайшую культуру производства. Теперь размышляю: уж не специально ли загнали в пустыню, чтобы подрубить конкурента, скомпрометировав его детище? Да и план выпуска определили минимальный — по 200 патронов в месяц, то есть в тысячи раз меньше потребностей страны. Разве это крупномасштабное внедрение? И опять, следовательно, не спать Моисееву по ночам, писать письма, с трудом пробиваться на приемы к обладателям больших кабинетов...

«Вам из ваших кабинетов видать ли, как с высунутыми языками носятся изобретатели?» — шестьдесят лет назад адвокатствовал в их пользу Владимир Маяковский.

Имея самую внушительную армию изобретателей в мире, а среди них — целое созвездие блестящих талантов, мы едва ли не на последнем месте в мире по доле изобретений, материализуемых в производстве. Из-за этого многие развитые страны спокойно пользуются, не покупая лицензий, нашими изобретениями, зная прекрасно, что мы шум поднимать не станем, поскольку уж очень неприглядно будем при этом выглядеть — собакой на сене. Вот и наживаются все, кроме нас самих, на наших остроумнейших, как правило, изобретениях, а мы сами вынуждены потом покупать за валюту очень многое из того, что сочинили наши же Эдисоны, коим, замечу, и рубля за это обычно все не заплатили.

«Проблема внедрения — не только техническая, но и экономическая. И даже, если хотите, — политическая! Кому выгодна та ситуация, при которой мы покупаем за границей лицензию на мотоблок для сельских жителей «Супер-600» стоимостью в четыре тысячи рублей, а мотоблок нашего соотечественника инженера Кузнецова стоимостью в десять раз меньше существует только в одном экземпляре?» — это пишет в редакцию инженер-строитель из Белоруссии Владимир Иванович Шлеёнкин, а потом переходит к очень интересным цифрам, от которых становится очень грустно: «По данным Госкомизобретений, ежегодно в нашей стране создается около 75—80 тысяч изобретений, а внедряется только одна треть (!). И как? 80 процентов на одном предприятии, 15—17 процентов — на двух-трех и только 3—5 процентов получают более или менее широкое распространение. Если даже при таком хилом использовании эффект составил в 1986 году 3,6 миллиарда рублей, то легко подсчитать: при использовании изобретений в среднем на 10 предприятиях каждое страна должна получить 40—50 миллиардов рублей экономического эффекта в год».

Цифры звонкие, оглушительные. Тут не вся, конечно, а лишь часть той цены, которую мы ежегодно платим за недооценку талантов в экономике, интеллектуального капитала вообще.

«У нашей страны, так тщательно следящей за машинами, за хлебом, за шелком, за хлопком, нет ни ушей, ни глаз, ни рук, когда дело идет о ее духовных сокровищах (...). Итак, в своей заботливости страна проявляет ум по отношению ко всему материальному и бесчувственна ко всему, что исходит от ума: страна эта...». Нет, Бальзак имел в виду Францию XIX века, но, согласитесь, звучит слишком злободневно и для нас. И очень кстати его заключительный вывод: «Скажем открыто, таланту нужна помощь и поддержка». Я б добавил: и защита!

Но какая помощь и поддержка? И от кого защита?

К этому еще приду, а пока берусь утверждать: все бесчисленные трагедии с новаторами вообще и с изобретателями в частности, из которых складывается большая трагедия для страны («Путь к экономической разрухе вымощен отчаявшимися изобретателями», — писал профессор Лондонского университета М. В. Тринг), бесспорно, вытекают из того странного обстоятельства, что ни творческие, ни социально-экономические интересы изобретателей (как и новаторов в целом) никто в стране не защищает, а они сами — по отдельности и все вместе — делать это тоже не в силах. А главная причина в том, что все, созданное их умом и талантом, им не принадлежит. Но об этом речь поведу в следующий раз.

ИЗ ЦИКЛА

РУССКИЙ ВЕНОК

Светлана КУЗНЕЦОВА

Светлана Кузнецова — поэт самобытный, с узнаваемым, хорошо поставленным поэтическим голосом. Родилась она в Сибири, и сибирское происхождение сказалось на всем строе ее лирики: интонациями речи, взглядом на мир, весомостью слова она — сибирячка. Светлана Кузнецова выпустила несколько стихотворных сборников. Но, пожалуй, так называемый «массовый читатель» в признании ее стихов несколько запаздывает по сравнению с истинными ценителями поэзии и коллегами по поэтическому цеху.

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию новые стихи поэтессы.

МАТЬ-И-МАЧЕХА

Быль родимая сурова.
Через все века —
Мать-и-мачеха — основа
Русского венка.

Мать-и-мачеху срываю
Я на берегу.
Ничего не забываю,
Ибо не могу.

Оробевшая избенка —
Вечности виток,
Самый первый для ребенка
По весне цветок.

На ладони — ответ доли,
Смутные права
Перекаточной горькой голи
Или мотовства.

В нем и нежность и небрежность,
И добро и зло,
Перепадов неизбежность,
Холод и тепло.

Чтоб, иной любви не зная,
Век не понимать —
Кто нам родина родная —
Мачеха или мать?

ОДУВАНЧИК

Вдоль дорог, среди хлябей и кочек,
Он повсюду — судьбе поперек,
Невесомый белесый комочек,
Не цветок, а почти что — зверек.

Жалко солнечный тот сарафанчик?
Но теперь ты умеешь летать...
Облетай, облетай, одуванчик,
Что же ты не спешишь облетать?

Это дань забытому детству,
Это страхов ночных времена;
Ведь не где-то, а здесь,
по соседству,
Упадут и взойдут семена.

Или ты углядел в человеке,
Что предельно устал от борьбы,
Нет страшнее в сегодняшнем веке
Повторенья отцовской судьбы...

РОМАШКИ

Опять в округе этой оробелой
Отделаться от мысли не могу:
Ромашки издали — клочки бумаги
белой,
Разбросанные кем-то на лугу.

Архивы, уничтоженные в спешке,
Свидетели убийства и хулы;
Напоминая нам о том,
что пешки
От века беззащитны и малы.

Не просто та надежда или остуда,
Где только нечет
или только чет,—
Разорванные письма ниоткуда,
Которые никто уж не прочтет.

НЕЗАБУДКИ

Сырость возле фанерной будки.
Злая будущность без прикрас...
Не забудьте меня, незабудки,
А уж я не забуду вас.

Эту стройку совсем ненужную,
Разрешенный свыше разбой,
Эту чью-то песню недужную
Над рекой еще голубой.

Эти приступы обезлички
В ожидании перемен,
И собаку эту без клички,
Не обласканную никем.

Бесконечные прибаутки,
Голубые россыпи глаз...
Не забудьте меня, незабудки,
А уж я не забуду вас.

Будет вместо тайги трясина,
Голубая от вас, цветы.
Будет вместо кедра — осина
Шелестеть среди пустоты.

Будет облако голубое
Ядовитой гибелью плыть
Над полянами в зверобое,
Им отныне черными быть.

До последней своей побудки
Повторю я еще не раз:
Не забудьте меня, незабудки,
А уж я не забуду вас...

ВАСИЛЬКИ

Синие рубашечки
Во зеленой ржи.
Синие фуражечки
Строим вдоль межи.

Синие наколочки
На руках литых.
Синие иголки
Во глазах пустых.

Синие холодные
По сердцу ножи.
Синие свободные
Дали-миражи.

В синеву одетые
Чьей-то волей злой,
Сорняки, воспеты
Собственной землей.

Василечки-цветики
На родных пирах.
Синие беретики
Во чужих мирах.

ГВОЗДИКА

Мечта толпы всегда багрянолика,
Как комсомолки ситцевый платок,
Как воплощение вольности —
гвоздика,
Бессменный революции цветок.

Толпа полна томительной отрады
Средь толчеи, зовущейся борьбой.
И я скольжу среди прочих вдоль
ограды
С гвоздикой, врученной мне
судьбой.

Туда, где о любви моленья дики,
Где красный страх нисходит
на меня,
Где умирают красные гвоздики
У временного вечного огня.

МАК

Когда-то среди лугов и пашен,
Средь наших сел
Цветок, что сделался вдруг
страшен,
Отрадой цвел.

Опальный мак опал на поле
В остудный срок.
Уже не в нашей слабой воле
Осилить рок.

Еще не в нашей слабой силе
Освоить мрак.
Венком отравным на могиле —
Опальный мак.

Народной карой и позором
Глядит во мглу
Тот мальчик с безучастным взором
На том углу.

На том углу исхода века,
В том тупике,
Где и цветок для человека,
Как нож в руке.

МАРЬИНЫ КОРЕНЬЯ

Страна жила светло и образцово,
Как витражи,
Меняя миражи.
Ушло под воду кладбище отцово,
Освободив для духа рубежи.

Но бедный, слабый дух,
дитя неверья,
Восстал, пригубив вечности глоток:
Ушли под воду Марьины Коренья,
Наш родовой кладбищенский цветок.

Ушли под воду дикие пионы,
Что мать сажала в бабьей простоте,
Творя земные низкие поклоны
Пурпурно-розовой красоте.

И потому, как яркие заплаты
На рубище обещанных чудес,
Пурпурно-розовые закаты
Цветут сегодня над Иркутской ГЭС.

ИВАН-ЧАЙ

Незабвенный цветок Иван-чай,
Увенчав пепелища России,
Ты по дому печаль увенчай,
Возроди ее в праве и силе.

Неизбывные чары свои
Насылая все чаще и чаще,
В час возмездия нас напои
Черным чаем обугленной чащи.

Иван-чай, победивший цветок,
Беспощадное пламя расплаты.
Терпеливы, поскольку — Восток,
Мы считать не спешили заплаты.

Не спешили, да время пришло,—
Средь остатка тайги — погорельцы.
Поросло Иван-чаем село,
Спят, отчаявшись, наши умельцы.

Так цветы, Иван-чай, чтоб с тоской
Озирая свое достоянье,
Мы, чалдоны, над мутной рекой
Проклинали твоё пированье.

ПАЛИТРА

ПУТЬ К ПРИЗНАНИЮ

Олег ТУРКОВ

В

се началось с того, что однажды, когда Вуколов еще жил в Нальчике, его попытались исключить из Союза художников. Как это водится в таких случаях, — собрали авторитетную комиссию из местных художников и, что называется,

дружно порешили: Вуколову с его «нетипичным видением нашего бытия» не место в рядах профессиональных живописцев. Художника обвинили в формализме и декадансе. А чтобы решение не выглядело как самосуд, отправили непонятные, на их взгляд, картины в Москву — на творческую экспертизу.

Дальше случилось неожиданное. В дирекции выставок, что находится на улице Черняховского, ящик с работами вскрыли и стали их смотреть... Здесь сообщим, что именно в это время в Москве формировалась очередная Всесоюзная выставка, которая должна была открыться в залах Манежа. И вот часть просмотренных работ была рекомендована в экспозицию! О картинах Олега Вуколова тепло отзывается пресса.

«А в это самое время, — вспоминает художник, — я сижу в своем замеча-

**О. А. ВУКОЛОВ. Род. 1933.
ДЖЕММА СКУЛМЕ. 1985.**

тельном городе Нальчике и жду, когда мне вынесут суровый приговор...»

Потом, как подарок за все невзгоды, был Сенеж. В те сложные времена творческая дача на Сенеже была настоящей отдушиной для многих художников «новой волны». Именно там Олег познакомился и подружился с молодым Тогрулом Нариманбековым из Азербайджана, Игорем Пикуросом из Литвы, москвичом Виктором Попковым, грузином Радышем Тордия, армянином Рудольфом Хачатряном.

— Сейчас это состоявшиеся имена, — вспоминает художник, — а тогда мы только начинали. Руководил группой замечательный педагог, профессор Суриковского института Юрий Петрович Рейнер.

В декабре 1971 года в Центральном Доме работников искусств у художника состоялась персональная выставка. Часа за полтора Олег пришел на вернисаж, чтобы окончательно проверить развеску картин. Однако в выставочный зал он допущен не был. Дежуривший член правления Леонид Утесов еще в фойе заявил: «Тут уже один Олег Вуколов приходил, так что самозванцы нам в ЦДРИ не нужны».

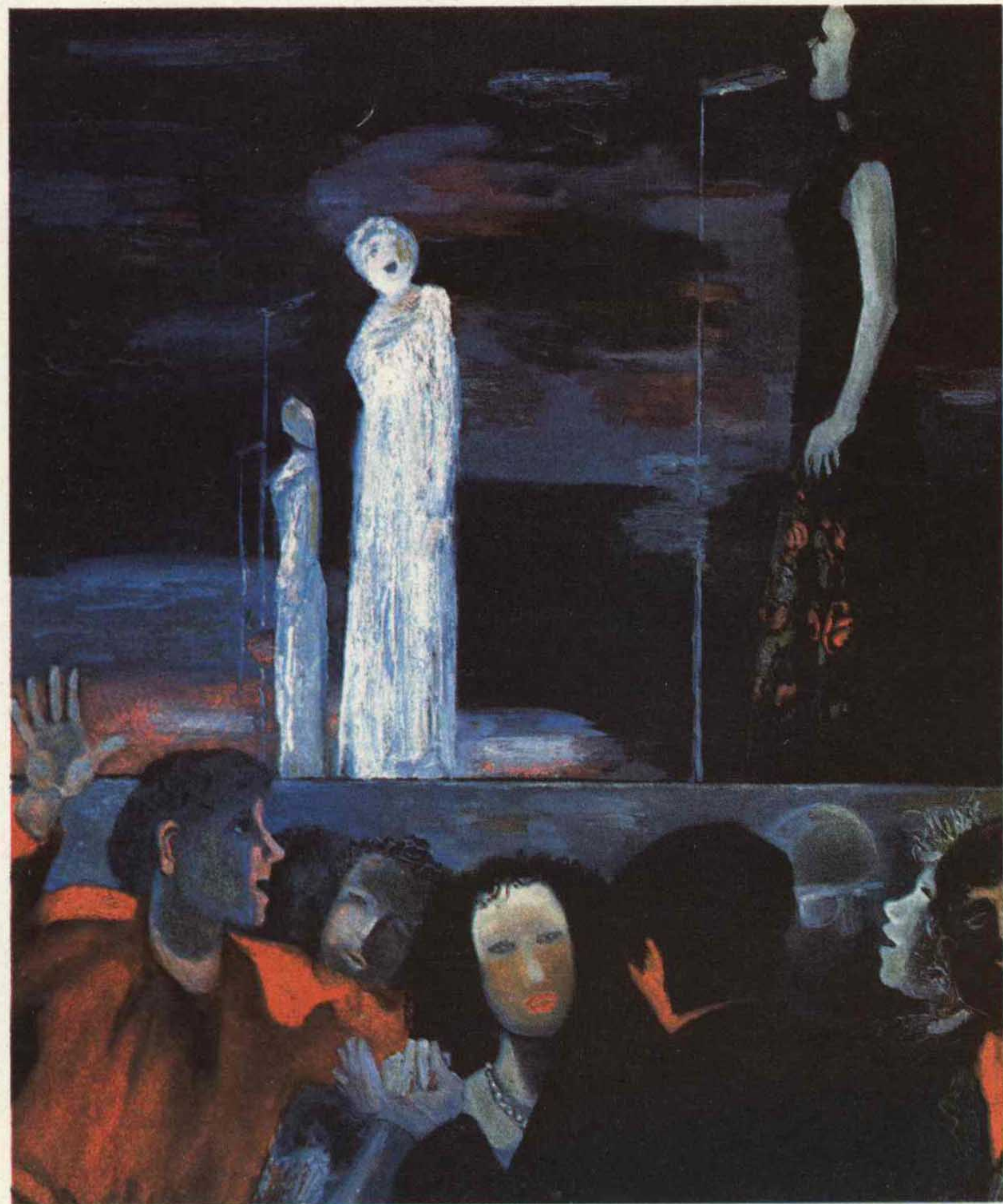
Когда же Вуколов показал документы, удостоверяющие, что он член Союза художников и является автором данной экспозиции, — пришло время удивляться Утесову: «Я сам из Одессы, но так со мной не шутили даже в родном городе».

— Уже значительно позже на моей персональной выставке на Кузнецком мосту, — вспоминает Олег, — я наконец встретил своего тезку Олега Вуколова. Им оказался симпатичный интеллигентный человек, художник, успешно работающий в книжной графике. (Кстати, его иллюстрации часто появляются на страницах «Огонька».) Мы расстались друзьями.

Сегодня для Олега Александровича Вуколова время непризнания и гонений давно позади. Из сердитых шестидесятников он превратился в именитого, узнаваемого на больших вернисажах художника. Его работы экспонируются за рубежом, тиражируются в толстых альбомах. Анекдотичных случаев в его биографии поубавилось. Но, как и в прежние времена, рядом старые

ТЕАТР ГОНЗАГО. 1986.

ДИСКО. 1985.

друзья по Академии художеств, по творческой даче на Сенеже...

— В чем вы видите особенности стиля Олега Вуколова? — спрашиваю я известного художника Тогрула Нариманбекова.

— Если говорить музыкальным языком, то диапазон его живописных возможностей растягивается от акварельно-нежного пианиссимо до рельефного форте. И еще: его холсты как бы пронизаны свежим воздухом, серебряным и звонким.

Сам Олег считает, что как художник-колорист он родился после поездки в Торжок, где соприкоснулся с пушкинской темой и русской природой, в его сознании произошел, как он сам говорит, «цветовой и пластический сдвиг».

— Олег, в свое время вас обвиняли в формализме. Считаете ли вы, что форма в живописи должна преобладать над содержанием или, скажем, наоборот?

— В Торжке, куда меня в свое время командировал от журнала «Юность» писатель Борис Полевой, стоит удивительный по красоте памятник Анне Керн. Создал его в XIX веке скульптор Клодт. Однако какие-то нерадивые люди, видимо, для пущей красоты оградили памятник тяжелой чугунной цепью. Так вот, увидев ее, Борис Полевой в сердцах воскликнул: «Зачем же вы ее опутали цепями — она же не была адмиралом...». Я убежден, что каждой верно найденной форме должно соответствовать точно увиденное содержание. В поисках органичного единства формы и смысла я и вижу одну из основных задач современного художника.

МОЖНО ЛИ БЫЛО НЕ ДОПУСТИТЬ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ?

П. Л. Г. Отнюдь. По технике немцы никак не превосходили союзников. Во всяком случае, в 1938 году. Что касается самолетов, Вы найдете в моей книге полные данные по каждой модели, которыми располагали немцы, французы, англичане. На обеих сторонах были современные и более старые машины — в сравнимых количествах. И наши современные самолеты вполне могли противостоять с лучшими немецкими.

А если говорить о танках, просто укажу, что те из них,

которые наводили

ужас на всю Европу

в 1939—1940 годах, были в сво-

ем большинстве чехословацкими или

произведенными с использованием специальных чешских сталей на чешских заводах, которые мы «под ключ» вручили Гитлеру!

По сути, Ваш вопрос позволяет мне привлечь внимание к одному, весьма еще распространенному и в наши дни ошибочному суждению. Когда говорят о германских вооруженных силах, всегда проявляется склонность судить о них по тем войскам, которые раздавили Польшу в 28-дневном блицкриге и которые меньше чем за два месяца нанесли поражение Франции. Но эти войска абсолютно несравнимы с немецкой армией образца 1938 года! С 1938 по 1939 г. германская авиация ушла далеко вперед. И немецкие танки в 1938 году были в своем большинстве легкими, весьма уязвимыми; нашему противотанковому оружию не было бы большого труда остановить их.

П.-М. Но все же военные руководители того времени совсем не так смотрели на эти вещи. Один из них подошел к Даладье, когда тот улетал с аэродрома Бурже в Мюнхен 29 сентября 1938 года, чтобы в последний раз предупредить его...

П. Л. Г. Совершенно точно. Это был начальник штаба военно-воздушных сил генерал Вьюёмэн. Вот что он сказал нужным сказать премьер-министру: «Главное — избежать войны! Наша авиация не продержится и двух недель».

Факт в том, что германские военно-воздушные силы тогда в очень большой степени переоценивались. Хотите цифры? По данным Второго бюро (разведки.— Прим. перев.) штаба военно-воздушных сил (Франции.— Прим. перев.), Германия располагала на 1 сентября 1938 г. 7174 военными самолетами. В действительности публикуемые в моей книге подсчеты неопровержимо доказывают, что их было 3454 и ни одним больше. А вот что могли выставить союзники против этих 3454 самолетов: Франция — 1271 самолет, Великобритания — 1550, Чехословакия — 1300. Всего — более четырех тысяч самолетов. И не забудем Советский Союз, который только в европейской части располагал сам по себе большим числом самолетов, нежели рейх, — 3750. И речь идет о машинах, значительное число которых было более чем достойного качественного уровня. Я Вам сказал уже, что в то время Советский Союз был готов выступить на стороне Чехословакии.

П.-М. Но тогда чем Вы объясните, что французская разведка настолько ошиблась в этом вопросе?

П. Л. Г. Да попросту тем, что немцы продемонстрировали дьявольскую ловкость. Они вели тогда настоящую войну обольщивания французской разведки, военных атташе, послов. Так, маршал Геринг никогда не упускал возможности воспеть хвалу возрождению германской авиации, сверхбыстрому росту ее потенциала, этому оружию, задаче которого — наводить страх, терроризировать. Его заместитель генерал Боденшатц всегда был безмерно любезен с французским военным атташе капитаном Стелзном. Так легко дать себя обвести вокруг пальца в атмосфере сердечности и товарищества между офицерами одного рода войск! И Стелзэн стал в конце концов принимать за чистую монету все, что ему доверительно рассказывал Боденшатц. А ведь такая доверительность должна была бы, напротив, насторожить. В самом деле, штабы обычно не раскрывают с такой легкостью точные данные о своем оружии и темпах его производства. Немцы организовывали посещения заводов, приглашали иностранных воен-

Приходящиеся на этот и следующий годы даты — 50-летие мюнхенской сделки, в результате которой премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен и премьер-министр Франции Э. Даладье выдали Гитлеру на растерзание Чехословакию (29 сентября 1938 года), и начало второй мировой войны (1 сентября 1939 года) — заставляют историков и общественность еще и еще раз обращаться к тем событиям. Выявляются неведомые до сих пор факты, переосмысливаются уже известные, делаются — уже в который раз — попытки распределить ответственность среди государственных деятелей той эпохи.

Такая попытка предпринята и в недавно вышедшей в Париже (в издательстве «Франс-Ампи») книге французского военного историка полковника Пьера Ле Гуайэ, названной «Мюнхен». Парижский еженедельник «Пари-матч» опубликовал в номере от 11 марта 1987 года интервью с автором, где рассказывается об основных выводах, к которым он пришел. В книге, основанной, как отмечает «Пари-матч», на работе «с самыми секретными архивами», и «выходу которой в свет в течение ряда лет препятствовали высшие военные круги», поскольку она содержит «тяжелые для французских политических деятелей и генерального штаба разоблачения». Интервью представляет бесспорный интерес для

нашего читателя, знакомит с новыми интересными фактами, сопоставлениями и гипотезами. Казалось бы, в исторической работе гипотезам типа «а что было бы, если» не место. И сам автор причисляет эту часть своих рассуждений к жанру «стратегической фантастики». Но они помогают ему прийти к весьма любопытным и убедительным, как представляется, выводам.

Разумеется, с некоторыми из этих выводов и оценок (особенно перекидывающими мостик в настоящее) можно было бы поспорить, перепроверить факты, из которых вытекает тенденция возложить большую долю ответственности за мюнхенский позор на Великобританию и в какой-то мере если не оправдать, то понять Даладье. Но это дело историков, а сам материал интервью дает возможность читателю вынести свое суждение. Есть в интервью и пассажи, которые, возможно, не очень интересны неспециалисту, — с подробным разбором позиций некоторых уже малоизвестных теперь политических деятелей Франции той далекой поры. Их можно было бы опустить, предварив текст известной формулой «публикуется с сокращениями». Но, чего греха таить, формула эта часто — и справедливо — возбуждает в читателе подозрение, что опущено самое интересное. Поэтому оставим все как есть и все отточия в тексте — только из «Пари-матч».

Ниже публикуется в переводе полный текст интервью полковника П. Ле Гуайэ, взятого репортером журнала Мишелем Леклерком.

Пари-матч. Вот уже 50 лет мюнхенские соглашения терзают совесть французов: надо ли было действительно уступать Гитлеру, бросить на произвол судьбы Чехословакию? По мнению большинства историков, другого выхода, к сожалению, не было: мы были слишком слабы, чтобы оказать сопротивление. Но Вы, полковник Ле Гуайэ, не согласны с этим. Читая книгу, которую Вам, наконец, удалось опубликовать после того, как она годами оставалась под запретом, убеждаешься, что у нас были возможности в сентябре 1938 года сказать Гитлеру «нет» и, если бы пришлось вести войну, выиграть ее.

Полковник Пьер Ле Гуайэ. В самом деле. Я потратил годы на розыски в военных архивах, будь то во Франции, в Англии, в Германии. Даже ездил в Советский Союз. Я смог составить точную картину соотно-

шения сил, которыми тогда могли бы располагать все стороны. И я утверждаю: если сложить численность наземных и воздушных войск, которые Франция, Англия и Чехословакия могли выставить в сентябре 1938 года, обнаруживаешь, что они ни в чем не уступали армии рейха. И я уже не говорю о военно-морском флоте — здесь превосходство франко-британской стороны было подавляющим — и о советских вооруженных силах, которые тогда, наверное, выступили бы на нашей стороне.

П.-М. И все-таки, сопоставляя Ваши цифровые выкладки, не забываете ли Вы принимать в расчет качество техники? Разве немецкие самолеты не были гораздо более современными, чем наши? А их танки, разве не исключали они практически всякое сопротивление?

ных атташе на различные показы техники, где демонстрировали достижения, на которые способны их бомбардировщики и истребители. Разве не имело все это целью поразить союзников и повлиять таким образом на их решения?

Впрочем, не одни французы и англичане попались на эту удочку. В то время Берлин посетил знаменитый американец полковник Линдберг*. И что же — в своем отчете он точно так же преувеличивает германский военно-воздушный потенциал. Он приводит, например, не подвергая никакому сомнению, сообщенную ему американским военным атташе оценку, согласно которой немцы выпускали 700 самолетов в месяц. В действительности германские заводы были способны произвести максимум 450 машин.

П.-М. Займемся немного стратегической фантастикой. Предположим, что Даладье и Чемберлен сказали Гитлеру «нет». Он немедленно решает захватить Чехословакию. Это война. Но что можем мы сделать, чтобы помочь нашим чехословацким союзникам, окруженным враждебными силами и полностью отрезанным от всех, кто хотел бы прийти им на помощь?

П. Л. Г. Начнем с важного уточнения: Чехословакия, в случае, конечно, если ей обеспечена поддержка союзников, вполне способна выдержать первый удар. Она не безоружна, как была Австрия в момент аншлюса. Она не захвачена врасплох, как это случилось с Польшей в 1939 году. Внезапность нападения — один из ключевых факторов всякой молниеносной победы. Однако в конце сентября 1938 года этого фактора не было. Чехословакия позаботилась мобилизовать свои силы. Ее 35 дивизий занимают прочные позиции, многие из которых укреплены по образцу нашей линии Мажино. Она располагает танками и артиллерией превосходного качества. И ее авиация не преминет нанести серьезный ущерб германским войскам. Не говоря уже о многочисленных жизненно важных для экономики рейха химических заводах, которые расположены совсем близко к чехословацкой границе и, таким образом, могут подвергнуться опустошительным бомбардировкам!

У немецкого генерального штаба на этот счет иллюзий нет. Так, генерал Боденшатц считал, что, если Чехословакия решит оказать сопротивление, она может нанести германским силам потери, достигающие 60 процентов.

П.-М. А что думает Франция? Отдает ли она себе отчет в том, что Чехословакия может быть опасным противником для Германии?

П. Л. Г. Отнюдь. Несмотря на усилия генерала Фоше, французского офицера, который помогал Чехословакии в ее военной подготовке, французские ответственные деятели убеждены, что немцы мокрого места не оставят от нее. «Они не продержатся и двух недель» — таким было преобладающее мнение. Но в любом случае, если Чехословакия сумела бы уничтожить германскую химическую промышленность, которая была буквально за забором, если бы она уничтожила затем свои заводы, чтобы не допустить их работы на захватчика, если бы она, наконец, нанесла германской армии серьезные потери в людях и технике, в танках и самолетах, разве не внесла бы она тем самым эффективный вклад в вечную победу?

П.-М. Ну, а пока Чехословакия сопротивляется изо всех сил, что могут сделать союзники?

П. Л. Г. В то время как Великобритания и, возможно, Советский Союз начинают свою подготовку, французская армия уже может весьма эффективно вступить в дело. Ибо она далеко не так слаба, как это утверждали! Обстоятельства позволили ей избежать того, чего она боялась больше всего, — внезапного нападения: она уже мобилизовала миллион человек. Конечно, трудно представить, что эта армия пройдет насквозь всю Германию, чтобы непосредственно помочь Чехословакии. Но французская армия может по крайней мере войти в Рейнскую область и захватить плацдармы, которые послужат ей в последующей развязке конфликта, — это как бы создание гарантий на будущее.

П.-М. Вы говорите, войти в Рейнскую область? Легко ли это?

П. Л. Г. Ну, конечно же, да! В сентябре 1938 года Гитлер стянул большую часть своей армии к границам Чехословакии, оставив на других границах лишь тонкую завесу. На Западе и на Юге, например, оставалась лишь дюжина дивизий. А в резерве — только восемь дивизий в состоянии готовности и десять созданных в начале сентября — в процессе формирования.

Такое расположение сил могло быть оправданным только в одном случае, а именно при условии, что германской армии будет противостоять одна лишь чехословацкая. Если же союзники решат наступать на Западном фронте, не подлежит сомнению, что им не составит никакого труда прорвать слишком рас-

тянутую оборону, опирающуюся на систему укреплений, которая является таковой лишь по названию. Другими словами, Гитлер решил на отчаянный блеф, как в покере, поставив на то, что союзники не вмешаются. И он выиграл!

П.-М. Вы говорите о несуществующих укреплениях. А как же знаменитая «линия Зигфрида»?

П. Л. Г. Но ее не было в 1938 году! Или, во всяком случае, она не была введена в строй. В сущности, укрепления на Западе, «Западная стена», как ее называла немецкая пропаганда, были всего-навсего миражем. Многие сооружения были лишь намечены, некоторые были размыты дождями и частично затоплены. Что же до расположенных там частей, то в большинстве это были простые, почти не обученные резервисты.

Руководители германского генштаба полностью отдавали себе отчет в положении, и я нашел в документах отзвуки жестоких споров, которые они вели по этому поводу с Гитлером. Но он впадал в припадки бешеной ярости и в конечном счете всегда навязывал свою точку зрения. Однако не в этом дело: по мнению почти всего высшего руководства германской армии, «Западная стена» не была доведена до состояния, когда ее в случае французского наступления можно было бы удержать даже на короткое время, теми незначительными силами, которые там имелись. Я мог бы процитировать и многочисленные французские документы по этому вопросу — мнения везде совпадают.

П.-М. Но это значит, если я Вас правильно понимаю, что настрой в германском генштабе был отнюдь не на высоте!

П. Л. Г. Вы даже не подозреваете, насколько Вы правы. В самом деле, вполне возможно, что, если бы у Даладье и Чемберлена хватило мужества сказать «нет» Гитлеру, не только не было бы войны, но рухнул бы и сам гитлеровский режим.

П.-М. То, что Вы говорите, — это сенсация. На чем основано Ваше утверждение?

П. Л. Г. Речь в данном случае идет не о стопроцентной уверенности, но все-таки о вполне серьезной возможности, поскольку немецкие генералы готовили тогда путч с целью свержения Гитлера.

Сегодня все истории в курсе этого заговора. Брожение в германском верховном командовании началось, по сути, уже со времени разработки в 1937 году «зеленого плана» — плана оккупации Чехословакии. Он вызвал серьезные разногласия между фюрером и, с другой стороны, генералом фон Брауничем и начальником генштаба генералом Беком. Оба генерала — я цитирую немецкого историка Бернгарда фон Лоссберга — «считали этот план азартной игрой самого низкого пошиба». Они были уверены, что в этом случае Франция и Великобритания вмешаются.

«Гитлер был в ярости...» (продолжает фон Лоссберг. — **Прим. перев.**). Но Бек подал в отставку с поста начальника генштаба. На его место был назначен его ближайший сотрудник генерал Гальдер.

Концепции Гальдера ни на йоту не отличались от взглядов его предшественника. Вместе с ним все самые видные руководители сухопутных войск были против замыслов Гитлера. Опозиция в армии была настолько сильной, что Гальдер с небольшой группой приближенных генералов подготовил план, согласно которому, когда Гитлер даст приказ наступать на Прагу, надежные части пошли бы вместо этого на столицу рейха, чтобы арестовать фюрера и его правительство. Временное военное правительство открыло бы глаза народу и организовало бы свободные выборы для создания нового правительства.

Мы сегодня не можем знать, был ли этот план осуществимым с учетом тогдашних настроений в войсках. Но тогда состоялась мюнхенская встреча. И снова Гитлер предстал в ореоле гениального государственного деятеля, фюрера, судьбой ниспосланного немцам. Он казался непогрешимым.

Гальдер смирился. Так, по иронии судьбы, своей поездкой в Мюнхен главы правительств Великобритании и Франции спасли Гитлера от свержения собственной армией.

П.-М. Предположим, что этим офицерам удалось бы государственный переворот. Но как отреагировало бы германское общественное мнение? Разве оно не было фанатически за Гитлера?

П. Л. Г. Не верьте этому. Немецкий народ в целом не хотел войны, и перед лицом все более сгущавшихся военных угроз он проявлял скорее покорность судьбе, нежели энтузиазм. Он воспринял бы падение Гитлера с большим облегчением.

К этому моменту — сентябрю 1938 года — волна энтузиазма в Германии, следовавшая за аншлюсом (Австрии. — **Прим. перев.**), в значительной мере спала. Слышались критические высказывания, в том числе и в рядах нацистской партии — у некоторых ее членов вызвали отвращение махинации спекулянтов; или даже в рядах гитлеровской молодежи, которой не нравилась трудовая повинность и которая, казалось, переживала свою изоляцию от остальной части молодежи.

Но, конечно, наибольшую строптивость по отношению к национал-социализму проявляла тогда католическая церковь. Совместное пасторское послание германских епископов, зачитанное во всех приходах 28 августа, было настоящим обвинительным актом режиму.

По мере того как распространялись слухи о войне, моральное состояние населения Германии становилось все более уязвимым. Люди брали на себя смелость заявлять, если верить сообщению Второго бюро: «Нами правит сумасшедший». По некоторым сведениям, при отправлении поездов с призывниками случались демонстрации, а в одном случае около 60 молодых людей легли на рельсы перед локомотивом. Короче говоря, у живших в Берлине иностранцев было ощущение, что начало войны Германией против Чехословакии обернулось бы падением фюрера.

П.-М. Предположим все же, что, начав войну, Гитлеру удастся удержаться у власти. Несколько недель тяжелых боев — и он добивается капитуляции Чехословакии. На Западном же фронте идет позиционная война. Чего можно, по Вашему мнению, ожидать? Не одержит ли Гитлер в конечном счете победу?

П. Л. Г. Исключено. Ибо в этом случае — а я хотел бы подчеркнуть, что мы рассматриваем худшую из гипотез, — союзникам будет достаточно принять все меры, чтобы помешать снабжению Германии из-за границы. А для этого у них есть все необходимые средства. Действительно, Германия не может выдержать экономической войны. Она неспособна превозмочь последствия блокады. Конечно, на нюрнбергском съезде (нацистской партии. — **Прим. перев.**) Гитлер провозгласил, что отныне рейх экономически независим. Но и это был блеф, назначением которого было ободрить немцев и произвести впечатление на иностранцев.

Хотите доказательства? Возьмем данные, опубликованные тогда рейхсминистром сельского хозяйства Дарре. Он триумфально объявил, что запасы замороженного мяса выросли с 5 тыс. т в 1936 г. до 62 500 т в 1938 году. Но прикиньте: это меньше одного килограмма запасов на каждого из 75 миллионов жителей рейха. То же самое верно и в отношении 44 тыс. т животных жиров и 750 тыс. свиней, хранившихся в холодильниках. На самом деле в момент Мюнхена Германия уже живет в условиях военной экономики. Основные продовольственные товары нормированы. Если начнется затяжная война, жертвы, которые потребуются от населения, станут невыносимыми. И у Германии не будет, как в 1940 г., возможности наложить лапу на сельскохозяйственные ресурсы Польши, а затем и Франции.

В области промышленного производства положение Германии было еще более уязвимо. Ибо у нее два слабых места — железная руда и горючее, по которым она в большой степени зависит от иностранных поставок.

В 1937 г. рейх сумел произвести 10,4 млн. т стали. Но, чтобы покрыть свои потребности, ему нужно было 30 млн. тонн! И он импортировал соответственно более 20 млн. т главным образом из Швеции и из Франции. Но в случае войны ему остается только Швеция. Если союзники хотя бы за счет закупок шведской стали сумеют нейтрализовать этот жизненно важный источник, германская промышленность будет буквально задушена.

То же самое и с горючим. Считая вместе синтетический бензин, бензол и спирт, Германии удастся производить 2,4 млн. т горючего. А ей нужно 4 млн. тонн.

П.-М. Уже не раз в ходе этой беседы Вы ссылались на возможное выступление Советского Союза. Между тем Франция и Англия никогда, кажется, особенно не считали полезным такое выступление и держали Советский Союз в стороне от всех своих переговоров.

П. Л. Г. По моему мнению, это также была очень серьезная ошибка. Конечно, прошедшие в Москве процессы и широкие чистки, осуществленные по приказу Сталина, произвели катастрофическое впечатление на Запад. Говорили, что Советский Союз сталкивается с большими экономическими и политическими трудностями. Более того, французский генеральный штаб весьма сомневался в наступательных возможностях Красной Армии; по его мнению, она была подготовлена лишь к оборонительной войне. Короче говоря, Советский Союз виделся союзником, на которого не очень приходилось рассчитывать.

А тем не менее Чехословакия имела тогда для Советского Союза исключительное стратегическое значение (это, впрочем, верно и сейчас). По мере того, как разворачивался кризис 1938 г., Советский Союз не переставал подтверждать, что выполнит свои обязательства в отношении Чехословакии, если Франция, со своей стороны, поступит так же; кстати, это условие было зафиксировано в советско-чехословацком договоре. Перед лицом все более определенных угроз, издекавшихся Гитлером, Со-

* Ч. Линдберг — совершил первый беспосадочный перелет через Атлантический океан. — **Прим. перев.**

ветский Союз пошел даже дальше. Он не только объявил мобилизацию своих вооруженных сил на западном направлении, но и выслал в Чехословакию мощное подкрепление — 300 самолетов, которые в первых числах сентября пролетели над территорией Румынии и приземлились в Чехословакии, где стояли, готовые к действию!

В действительности Советский Союз ничего так не опасался, как изоляции, которая была чревата схваткой один на один с Германией. И нужно было любой ценой не допустить, чтоб эти две державы остались одни лицом к лицу, так как в этом случае они могли бы прийти к соглашению. Так, поистине пророчески рассуждал тогда посол Франции Кулондр. Но никто не прислушался к нему. Годом позже мир со страхом узнал о подписании германо-советского пакта...

П.-М. И все-таки, разве Гитлер не рассчитывал на ряд союзников? Я имею в виду муссолиниевскую Италию, франкистскую Испанию...

П. Л. Г. Франкистскую Испанию исключим сразу же. В сентябре 1938 г. гражданская война еще не завершена: националистические (франкистские.— **Прим. перев.**) войска войдут в Мадрид лишь в марте следующего года. И Франко отлично знает, что, если между Францией и Германией разразится война, его республиканские противники, не колеблясь, объявят войну Германии, чтобы вынудить Францию выступить на их стороне. Тогда Франция не преминет послать войска в Барселону, остающуюся еще в руках республиканцев, а может быть, и оккупирует все восточное побережье Испании — хотя бы для того, чтобы защитить свои коммуникации с Северной Африкой. Это страшная перспектива для Франко, который в этом случае рискует проиграть гражданскую войну. Поэтому, несмотря на узы, объединяющие его с Германией и Италией, Франко торжественно заявляет, что в случае военного конфликта в Европе он будет соблюдать самый строгий нейтралитет. С этой стороны Франции, следовательно, нечего было бояться.

Что же касается Италии Муссолини, ситуация, признаюсь, представляется гораздо более сложной.

Несмотря на англо-итальянское соглашение, заключенное 16 апреля 1938 г., которое Муссолини представил как крупную дипломатическую победу, визит фюрера в Рим 3 мая обозначил весьма заметное сближение между двумя диктаторами. В августе дуче провозглашает программу перевооружения, а маршал Бальбо едет в Германию, откуда он возвращается в восторге от мощи немецкой авиации.

Все более Муссолини копирует Гитлера: гусиный (пруссский) шаг для войск, отмена формул вежливости, введение формы для гражданских служащих. Как и в Германии, начинается явная конфронтация между правящей партией и католической церковью и одновременно усиливаются гонения на евреев. Родившийся как политический германо-итальянский альянс все более приобретает идеологический характер.

Как бы то ни было, неопределенность сохраняется. Италия не хочет полного успеха Гитлера, она колеблется — ввязываться ли ей в конфликт, исход которого, несмотря ни на что, не предопределен.

Во второй половине сентября дуче предпринимает интенсивную пропагандистскую кампанию, чтобы подчеркнуть свою поддержку аргументов, выдвигаемых Германией. По его мнению, единственный способ урегулировать судетский вопрос — это провести плебисцит, которого требует Гитлер. 27 сентября Муссолини осуществляет ряд мер военного характера: возвращение в части отпускников, усиление режима перекрытия границ, организация противовоздушной обороны, концентрация транспортного флота. Но этим мерам не хватает определенности. Заметны многочисленные проявления неуверенности в том, что касается возможности безоговорочного вступления в конфликт. А, может быть, Муссолини думает о том, чтобы остаться пока на нейтральных позициях и посмотреть, какой оборот примут события? В конечном счете ведь именно это он и сделал в 1939 году...

П.-М. Значит, с какого бока ни подступайся к проблеме, приходишь к одному и тому же выводу: надо было сказать Гитлеру «нет». Мы не только спасли бы нашу честь по отношению к Чехословакии, но и, вполне вероятно, выиграли бы войну, притом ценой неизмеримо меньших жертв, чем те, которых стоила миру победа 1945 года! Я прекрасно понимаю, что историк не может позволить себе столь категорические суждения, относящиеся к области того, что могло бы быть. И все-таки, принимая во внимание все перечисленные Вами объективные факторы, разве не очевиден именно такой вывод?

П. Л. Г. Вы правы. Когда гипотезы подкрепляются таким сплетением смыкающихся по значению фактов, сомнения уже невозможны.

П.-М. Эта констатация неумолимо подводит к трагическому вопросу: почему же все было так безна-

дежно провалено? Не только мы не сказали «нет» Гитлеру, но и поехали в Мюнхен, где капитулировали по всем пунктам, вплоть до того, что заставили несчастную Чехословакию подчиниться нацистскому диктату, даже ни разу не выстрелив из пушки.

П. Л. Г. На этот вопрос не может быть простого ответа. Надо почувствовать контекст эпохи, принять в расчет и поразительную ловкость, с которой нацисты вели свою мистификаторскую кампанию, и глубокий пацифизм основных руководителей Великобритании, и часто противоречивые требования, обусловленные внутренней политикой Франции. И здесь я хотел бы поделиться одним личным воспоминанием.

Это было в 1963 году. Я тогда работал в Исторической службе французской армии. В том году бывший премьер-министр Эдуард Даладье получил от военного министра разрешение поработать с архивами, которые хранились у нас в Венсенском замке. И мой начальник генерал де Коссе-Бриссак предоставил меня в распоряжение Даладье, с тем чтобы снабжать его архивными документами, при необходимости комментируя их. Так, в течение нескольких месяцев, ежедневно с 14 до 19 часов мы вместе работали. По мере того как мы продвигались, бывший глава правительства держался более естественно, более дружески. Он предавался воспоминаниям. И однажды он решил: «Хотите, я Вам скажу все? Вот что в действительности произошло в Мюнхене». Его рассказ, который я, естественно, записал в тот же вечер, и толкнул меня на то, чтобы предпринять исследование этого драматического периода нашей истории.

Среди прочего, о чем поведал мне в тот вечер Даладье, он показал, насколько сложно было в его положении сделать действительно решительный выбор. Когда человек руководит неоднородным правительством, он часто вынужден больше считаться с интересами избирательной кампании, чем с национальными... И он произнес такую горькую фразу: «Я попытался вести международную политику, но мне не удалось подняться выше уровня избирательного округа!»

Кроме того, признался он мне, «идеологические проблемы часто затмевали собою стратегические императивы». Он, конечно, намекал на противоречивые страсти, которые кипели во Франции, как, впрочем, и в Великобритании, вокруг идеологии нацизма и в особенности вокруг коммунистической идеологии, которую олицетворял Советский Союз.

Воевать или не воевать из-за Чехословакии? Французское общественное мнение было глубоко разделено на этот счет. Лишь коммунисты были всецело за то, чтобы вмешаться. Что касается социалистов, то они раскололись на несколько тенденций: антимилитаристы (противники войны с Германией.— **Прим. перев.**), ссылавшиеся на традицию Жореса; милитаристы (сторонники войны против Германии.— **Прим. перев.**), которые были согласны в этом с коммунистами; оппортунисты (тенденция Поля Форы), «поддерживавшие правительство и колебавшиеся вместе с ним». Что касается Леона Блюма, то он занимал особое место в этом расположении созвездий: выступая то пацифистски, то за вмешательство, он в конечном счете высказался за мир.

Правые тоже были разделены. Среди них прежде всего были сторонники Гитлера, как, например, член французской академии Даркье де Пелльпуа и Филипп Энрио. Фанатичная ненависть к коммунизму лишала их всякой способности к критическому мышлению. Достаточно вспомнить еженедельник «Грэн-гуар», который вел пороченскую кампанию, воспеывая германскую мощь. Эта поддержка диктатуры сопровождалась, кстати, уже тогда разнузданной травлей евреев.

Как об особом случае надо сказать о Пьере Фландэне. Он не всегда занимал прогерманские позиции, далеко нет. Но в чехословацком вопросе он всегда был сторонником передачи Судетской области рейху. Многочисленные статьи, которые он опубликовал по этой проблеме, просто поощряли Гитлера предъявлять все большие требования. После Мюнхена Фландэн даже направил фюреру поздравительное послание! Это переполнило чашу: из его партии — Демократического альянса — люди начали уходить один за другим.

Другими словами, даже среди правых многие были настроены против Гитлера. В газете «Л'Эпок» Анри де Кериллис выступает против идей Фландэна, осуждает пораженчество и даже после Мюнхена утверждает, что большая твердость заставила бы Гитлера отступить.

П.-М. Вы рассказываете в Вашей книге, что, вспоминая о мюнхенском кризисе, Даладье беспрестанно повторял: «Я попал в западню!» Это настолько Вас поразило, что Вы воспроизводите последнее слово в заголовке Вашей книги. Но как Вы думаете, почему бывший глава правительства употребил это понятие? Кто, по его мнению, поставил для него эту западню?

П. Л. Г. В первую очередь он наверняка имел в виду Гитлера. Я уже говорил, как тому удалось ввести в заблуждение союзнические разведывательные службы, так что они практически безоговорочно восприняли как факт миф о неуязвимой мощи Германии. Но Гитлеру удалось с той же дьявольской ловкостью дискредитировать Чехословакию в глазах общественного мнения западных стран. Если верить нацистской пропаганде, то жителями Чехословакии были люди, которые не умели держать слово и безостановочно преследовали несчастных судетских немцев. И, более того, Чехословакия была якобы вся пронизана коммунистическими ячейками и готова броситься в объятия Москвы. И разве не казалось возвращение судетских немцев в лоно их истинной родины-матери Германии единственным средством сохранить мир? Отлично скоординированная, эта кампания поколебала немалую часть общественного мнения, особенно в Великобритании...

Но я думаю, что Даладье имел также в виду и англичан, прежде всего Чемберлена.

Надо признать, что в ходе кризиса, приведшего к мюнхенским соглашениям, Франция всегда шла на поводу у Великобритании. Даладье никогда не удавалось перехватить инициативу — Чемберлен постоянно опережал его на ход. Гитлер, кстати, проявил немалую проницательность, сконцентрировав свою дипломатическую стратегию на Великобритании, поскольку чувствовал, что ее руководители гораздо более, чем французские, склонны уступить ему.

И вот именно англичанин лорд Рансимен в начале августа едет в Прагу с посреднической миссией. Его с распростертыми объятиями принимают судетские немцы, изливают на него свои жалобы, и он возвращается в Лондон с самыми благоприятными впечатлениями от них. Его отчет поставит Чехословакию в положение обвиняемого. И уже тогда Даладье поймет, что, дав согласие на направление такого посредника, он попался в ловушку.

Но мы уже в сентябре. Окружение Даладье требует от него действий. 13 сентября он предлагает Чемберлену чрезвычайную процедуру: встречу глав правительств Великобритании, Франции и Германии. Но Чемберлен, чтобы сохранить инициативу за собой, предпочитает встретиться с глазу на глаз с Гитлером. Естественно, эта встреча льстит самолюбию фюрера. Но он видит в ней и признак слабости, из которой он не преминет извлечь выгоду.

Вечером 16 сентября в Лондоне Чемберлен ссылается на «открытый и дружеский характер» своих встреч с Гитлером. И он убеждает Даладье дать добро на англо-французское соглашение.

Но есть еще кое-что и почище. Я Вам рассказывал, как некоторые генералы из германского генштаба, которые были против вторжения в Чехословакию, готовили государственный переворот против Гитлера. Так вот, исторически доказано, что Чемберлен был полностью в курсе этого дела! Я привожу в своей книге ряд неопровержимых свидетельств и документов. Все сходится на том, что высшие (военные.— **Прим. перев.**) руководители Германии сумели несколькими стекающимися к одному адресату каналами передать руководству Великобритании следующее послание: «Мы убеждены: если союзники торжественно заявят, что они готовы использовать силу, чтобы помешать Гитлеру захватить Чехословакию, фюрер откажется от своего замысла. Поэтому мы умоляем Великобританию и Францию недвусмысленно объявить свою позицию, причем как можно скорее, так как вторжение в Чехословакию назначено на 28 сентября. Кроме того, союзники должны знать, что, если в самом невероятном случае Гитлер все-таки решится привести в исполнение свой план, мы готовы помешать ему всеми средствами и отстранить его от власти!»

Не правда ли, нет даже необходимости подчеркивать огромную, решающую важность подобного послания. Оно должно было бы до основания потрясти пацифизм Чемберлена. И что же, Вы думаете, он сделал? Ровным счетом ничего. Он не только не принял во внимание призыв немецких генералов, но даже слова не проронил об этом руководству Франции. Во всяком случае, Даладье утверждал в разговоре со мной, что французское правительство даже понятия об этом не имело. И более чем что-либо это разъясняет слова Даладье о том, что он попал в «западню».

Этот Даладье — Даладье 1963 г. — понял правду с опозданием в 25 лет. Возможность, которую союзники упустили в Мюнхене, больше не представится. С этого момента уже ничто не могло поставить преграду замыслам Гитлера.

Перевел с французского
Р. ВСЕВОЛОДОВ.

ВЕЧНЫЙ

Заслуженный юрист РСФСР, государственный советник юстиции второго класса Геннадий Афанасьевич Терехов. Апрель 1988 года.

Следственная группа Прокуратуры СССР по делу Берия и его сообщников. В верхнем ряду стоит второй слева — Г. А. Терехов. Январь 1954 года. Публикуется впервые.

К сожалению, больше вопросов на хрупких страницах, а ответы пока еще пылятся под запретом в архивах. И с каждым годом становится все меньше тех, чья судьба была тесно связана со сталинской эпохой. Собирая свидетельства живых, внимая их голосам, мы помогаем друг другу высветить собственную историю, замешанную на энтузиазме и гипнотической вере в вождя, на подвигах и трусости, на высоком достоинстве и бесчестии. Один из таких хранителей правды об ушедшем времени — Геннадий Афанасьевич Терехов, коммунист почти с полувековым партийным стажем, старейший работник органов Прокуратуры, заслуженный юрист РСФСР, государственный советник юстиции второго класса.

ПЕРВОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Живет Терехов в небольшой квартирке у метро «Сокольники» с женой Юлией Мефодиевной, в окружении множества книг. В будущем году ему исполнится восемьдесят. После выступления в «Новом мире», где Терехов высказался о невинности поэта Николая Гумилева, и публикации очерка «Не отрекаясь от себя» («Огонек» № 7, 1988 г.) телефон Геннадия Афанасьевича не умолкает...

Геннадию Афанасьевичу довелось с 1926 года работать в органах прокуратуры. Он был главным прокурором железнодорожного транспорта СССР, выполнял задания Главной Военной Прокуратуры Красной Армии в блокадном Ленинграде. Он участвовал в следствии по делу бывшего министра госбезопасности СССР Абакумова, а после смерти Сталина — в расследовании преступлений Берия и его сообщников. В самые тяжелые времена Терехову удалось сохранить безупречную репутацию честного человека: рискуя собой, закрыть в порядке прокурорского надзора десятки дел по необоснованным обвинениям советских людей, а при Н. С. Хрущеве — заниматься реабилитацией тех, кто невинно пострадал из-за репрессий.

...Еще висели по кабинетам портреты генералиссимуса и тяжеленные статуи его не обхватили тросами

и не сдернули с постаментов, когда на станции нашего небольшого городка из пассажирских поездов уже деловито выбегали на платформу за кипятком коротко стриженные, в черных ватниках люди, вдыхали полной грудью февральский воздух, толкались, суетились и спешили обратно в вагоны, наполнив чайники и жестяные кружки... Значит, это и было началом реабилитации?

— Да, — говорит Терехов, — только тогда, в 1954-м, — уже второй по счету. Все почему-то забывают о первом возвращении из лагерей, после ареста Ежова. Разумеется, это нельзя сравнивать по масштабам с началом пятидесятых. Но думаю, что тогда, полвека назад, и Сталин понял, что органы госбезопасности переусердствовали. Даже при его авторитете и всемерном обожевлении трудно было объяснить повальные, массовые аресты людей... И он сделал так, как уже поступал: распорядился уничтожить Ежова, с которым еще недавно фотографировался в обнимку.

Уже в конце тридцать восьмого так называемые «тройки», куда входили, скажем, на уровне области первый секретарь обкома партии, начальник органов госбезопасности и прокурор, были ликвидированы. Они просуществовали чуть больше года. «Тройка» имела право приговорить к расстрелу любого. Так впервые было объявлено о пересмотре дел политических заключенных. Одновременно завели дела на сотни полторы следователей из «железной гвардии» Ежова. Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила их к расстрелу.

В тридцать девятом люди были вдохновлены начавшейся реабилитацией, поверили в нее. В Прокуратуру Союза ССР посыпались письма.

— Я их видел, читал, эти жалобы жен, матерей, сестер «врагов народа». Таких посланий накопилось тонны в подвалах Прокуратуры, — вспоминает Терехов. — Письма произвели на меня потрясающее впечатление величием советских женщин, просто душу выворачивали, их невозможно читать без слез... Что там публицистика перед этими человеческими документами! Если какая-то часть писем сохранилась в архивах, можно было бы издать их отдельной книгой. Там вся боль, вся гордость, все самое лучшее, что есть в советском гражданине и патриоте...

Так вспыхнул ненадолго и погас огонек надежды: механизм справедливости оказался не в состоянии противостоять мощному воздействию нравов сталинского культа на сознание людей. А вера в непогрешимость «вождя и учителя» была столь велика, что с именем его шли по этапу в лагеря, писали оттуда письма. Как уже знакомая читателю «Огонька» В. Ф. Пикина, секретарь ЦК ВЛКСМ, арестованная в 1938 году.

— Я хорошо знаком с Валентиной Федоровной, — оживился Терехов. — В середине пятидесятых мы вместе с ней работали по реабилитации, ездили в командировки, вспоминали минувшее. Я еще тогда говорил ей: «Если бы вы написали Сталину не в сорок первом, а в тридцать восьмом, не сносить бы вам головы». Это правда. Ведь как было? Молчит жена арестованного — ее, как правило, не трогают. А начинает обивать пороги, жаловаться — высылают куда-нибудь за Урал... Перед войной обстановка несколько переменялась, это и спасло Пикину от верной гибели, тем более что она уже находилась в лагере. «Ограничились» тем, что дали новый срок...

«ВЕЛИКИЙ МАШИНИСТ»

Почему именно сейчас, в 80-е годы, мы так часто вспоминаем сталинское время? Не потому ли, что долгое замалчивание проблем, считавшихся «решенными», все еще отзывается эхом и сегодня? Руководство нашей партии взяло на себя мужество говорить сегодня об этом во весь голос; и вот оно, это эхо, перед нами — нестихающая боль Чернобыля, трагедия у Новороссийска, события в Алма-Ате и Нагорном Карабахе, — расплачиваемся за многолетнее молчание и вранье.

Мы вынуждены возвращаться к этому времени еще и потому, как говорится в статье «Правды» от 5 апреля 1988 года «Принципы перестройки: революционность мышления и действий», что, защищая Сталина, «...самое главное — защищают право на произвол. Произвол, который на поверку неизменно оказывается лишь эгоистическим интересом — хотя у одного этот интерес может быть направлен на то, чтобы побольше взять и поменьше дать, у другого — укутан во внешне респектабельные одежды претен-

ИСК

Выпали нам на излете века и перемены, и надежды, и круглые даты, и неоднозначные воспоминания... Чем дальше от нас события недавнего прошлого, недостаточно изученного, порой малодоступного, тем пристальнее вглядываемся в него, волнуемся, листая газетные подшивки.

зий на монополию в науке, собственную непогрешимость в делах или что-либо иное».

Да, сегодня мы учимся говорить вслух. И что же слышим порой? Вот именитый и, между прочим, прогрессивно настроенный писатель, выступая на пленуме правления СП СССР, справедливо замечает, что искривления в национальной политике появились именно в 30-е годы. «По чьей же вине? — хочется спросить. — Наверное, в первую голову тогдашнего руководителя страны и его окружения?» Оказывается, нет. «Я вовсе не хочу сейчас бросать еще один камень в адрес Иосифа Виссарионовича, — как бы извиняется перед коллегами писатель, — ибо мы уже славно преуспели в сваливании наших вчерашних или нынешних грехов на Сталина...» Вина во всем, оказывается, «бюрократический подход», будто бы он, подход этот, может существовать в пространстве и времени сам по себе, без конкретных его вдохновителей и носителей.

Готовясь к очередной встрече с Тереховым, раскрыл толстую книгу «Стенографический отчет XIV съезда ВКП(б)».

«...Я неоднократно говорил это тов. Сталину лично, — сказал в своей речи Л. Б. Каменев, — именно потому, что я неоднократно говорил группе товарищей-ленинцев, я повторяю это на съезде: я пришел к убеждению, что тов. Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба». (Голоса с мест: «Неверно! Чепуха!», «Вот оно в чем дело!», «Раскрыли карты!», Шум. Аплодисменты ленинградской делегации. Крики: «Мы не дадим вам командных высот!», «Сталина! Сталина!». Бурные аплодисменты. Крики: «Вот где объединилась партия!», «Большевистский штаб должен объединиться!».) И — сам Сталин, в заключительном слове: «Единство у нас должно быть, и оно будет, если партия, если съезд проявит характер и не поддастся запугиванию. (Голоса: «Не поддадимся, тут народ стреляный!») Если кто-либо из нас будет зарываться, нас будут призывать к порядку — это необходимо, это нужно. Руководить партией вне коллегии нельзя. Глупо мечтать об этом после Ильича (аплодисменты), глупо об этом говорить». Это было в декабре 1925 года. Пройдет чуть больше десяти лет, и Сталин забудет о своих заверениях, стенограмму съезда изымут из библиотек. А борьба за единство партии, начиная с чисток, примет маниакальный характер и выльется затем в неслыханный по масштабам террор, главный удар которого будет направлен против большевиков ленинской школы.

Беспощадная машина репрессий заставит одних сделать суровый выбор и предпочесть смерть измене убеждениям, других — замолчать надолго, третьих — послушно восхвалять Сталина, четвертых — прямо или косвенно участвовать в беззакониях. В 1936 году после процесса «троцкистско-зиновьевского террористического центра» М. П. Томский, узнав, что его старые товарищи «дали» показания о причастности его самого, Бухарина, Рыкова и многих других к совершенным «преступлениям», покончил жизнь самоубийством... Вместо уничтоженных большевиков в сталинском окружении возникнут такие одиозные фигуры, как Ягода, Ежов, Берия, Абакумов, но только самому изворотливому из них, Берия, удастся пережить Сталина.

Уже тогда на далеком Четырнадцатом партийном съезде, пока еще в сравнительно демократичной обстановке прений, раздались голоса тех, кто вольно или невольно помогал Сталину идти к абсолютной власти, создавать такую систему государственного управления, при которой доминировали сверхцентрализация, казарменное подчинение, нагнетание страха на людей раздутым аппаратом подавления. Вот что сказал М. Ф. Шкирятов в прениях по докладу ЦКК: «Товарищи, есть доносы и доносы... Если член партии замечает, что отдельные члены партии хотят создать какие-нибудь идейные группировки, — это не донос, это обязанность каждого члена партии. (Голос: «Правильно!»). И доносы-таки стали впоследствии неотъемлемой чертой сталинского режима...»

Через тринадцать лет после расстрела Ежова Сталин уже испытанным способом разделался с В. С. Абакумовым, министром госбезопасности СССР.

Следствие по его делу началось еще летом 1951 года.

Пожалуй, никто, кроме Берия, а позже Шкирятова, не был так близок к Сталину. Абакумов часто общался с вождем наедине, бывал у него на даче. Терехов, который участвовал в следственной группе Прокуратуры СССР по делу Абакумова, допрашивал бывшего министра в тюрьме. От него узнал, что Сталин, особенно в последние годы жизни, с большим подозрением относился к любым контактам людей из своего окружения вне официальных встреч. И чем ближе был человек к верхам, тем больше сомневался Сталин. Даже самому Абакумову было запрещено кого бы то ни было приглашать в гости. Генералиссимусу все время казалось, что, пока он сидит у себя, на ближней даче в Кунцеве, где-то на другой даче собралась оппозиция.

— К примеру, известно, — говорит Терехов, — что в те годы Сталин вдруг распорядился не приглашать на заседания Политбюро Ворошилова. Почему? Ясность для меня внес допрос Абакумова, с которым вождем делился сомнениями; оказывается, он полагал, что Климент Ефремович — английский шпион...

Нервозность, неровность, неуверенность в стиле работы кадров во многом исходили от самого Сталина.

— Когда меня выдвинули на повышение, — продолжает Терехов, — собеседование проводил секретарь ЦК партии А. А. Кузнецов. Спустя время, когда я снова пришел в ЦК оформляться, сказали: «Вы, Геннадий Афанасьевич, никому не говорите, что были знакомы с Кузнецовым. Он арестован». Я просто опешил: «Мы с ним по ресторанам не ходили, даже чай не гоняли. Кузнецов беседовал со мною, как секретарь ЦК, а не как арестованный». «Смотрите, — сказали, — наше дело предупредить». Как тут ослушаешься? Тяжел был на руку Сталин.

В статье «Великий машинист локомотива истории» Л. Каганович следующим образом прославлял вожда: «В своей атаке на локомотив истории эти предатели (имелись в виду жертвы недавно отгремевшего бухаринского процесса. — А. Г.) все свои отравленные стрелы направляли прежде всего на машиниста локомотива. Но машинист локомотива товарищ Сталин тем и отличается, что чем яростнее атака врагов, тем сокрушительнее отпор». Мало кому удалось тогда дать более точное определение 60-летнему Сталину (хотя понятно, конечно, что Лазарь Моисеевич имел самые благие, вполне обильные намерения): несущийся на всех парах локомотив было трудно, а то и просто невозможно остановить.

Вечные сомнения, подозрительность заставляли «машиниста» постоянно быть начеку, думать об этом. Он сам себя изнурял раздумьями, особенно на склоне лет. И, когда, как говорится, чаша переполнялась, затевал очередную расправу.

БЕРИЯ И БАГИРОВ

— Берия? — Терехов качает головой. — Да, это был враг. Но какой! Умный, изворотливый, коварный. Умеющий тонко и терпеливо плести интригу, выжидать в засаде, льстить, если надо, а потом наносить удар сокрушительной силы.

Еще в конце двадцатых — начале тридцатых годов Берия работал начальником Грузинского ГПУ. Закавказское управление возглавлял С. Реденс, который был женат на сестре жены И. В. Сталина — Анне Сергеевне Аллилуевой и поэтому пользовался большим влиянием. Тем не менее Берия, подчиненный Реденса, сумел скомпрометировать начальника старым как мир способом: познакомил со своей сотрудницей, та назначила свидание... Тут его и схватили

сотрудники Берия. Участь Реденса была предана. А Берия вскоре занял его пост.

Спустя двадцать лет, в 1950 году, когда Сталину надоели жалобы на тогдашнего первого секретаря ЦК КП Азербайджана Багирова, в Баку для проверки фактов направили комиссию. Возглавлял ее заместитель министра Госконтроля СССР Емельянов. Багирову, струсившему не на шутку, ничего не оставалось делать, как позвонить своему другу Берия. И «операция» стала осуществляться по испытанному пути.

Москвичей разместили в шикарных номерах «Интуриста», познакомили с девицами, ежедневно устраивали кутежи... Наконец, удалось сфотографировать Емельянова и с девицами, и даже на одной скамейке с сотрудником иранского консульства... Материалы предназначались Берия для показа Сталину. Проблема была решена: Багиров отделался легким испугом.

— Однако через четыре года, — рассказывает Терехов, — уже мне довелось стать руководителем бригады Прокуратуры СССР, расследовать преступления душителя азербайджанского народа. Тут ему уже не удалось уйти от ответа...

На судебном процессе Терехов вместе с помощником Генерального прокурора СССР, государственным советником юстиции III класса Львом Николаевичем Смирновым помогал разобраться в «деяниях» Багирова. Этот «стукач по убеждению», умный, ловкий, но крайне суеверный — больше всего на свете опасался черных котов, перебегающих дорогу перед его автомашиной! — вмешивался во все дела госбезопасности и по личной инициативе отправил на гибель множество честных людей. Багирова приговорили к расстрелу.

ЧП У БЕРЕГОВ КРЫМА

Иногда Берия удавалось успешно повернуть ту или иную авантюру, иногда нет... Вот иллюстрация к тому, как Берия малость не подрастал.

В 1951 году произошел пожар на борту теплохода «Победа». «Победа» загорелась недалеко от крымских берегов при возвращении из США в Одессу. Несколько десятков человек погибло во время пожара, многие скончались от ожогов в больнице. В числе погибших оказался китайский полководец Фын Юйсянь, которого Мао Цзэдун пригласил из американской эмиграции в Китай, намереваясь доверить ему командование вооруженными силами. Дело приняло политическую окраску, назревал скандал. Этим не замедлил воспользоваться Берия.

Обстоятельства гибели «Победы» расследовала государственная комиссия. Причины пожара выяснились быстро: киномеханик перематывал в аппаратной пленку для показа фильма, неосторожно закурил, и пленка вспыхнула, как порох. Матрос получил сильные ожоги, но, придя в сознание через четыре часа, перед кончиной, успел объяснить, отчего загорелось судно. Комиссия составила акт, записку и вернулась в Москву. Однако Берия эти выводы не удовлетворили. Он позвонил Сталину: так, мол, и так, не разобрались, врут, по моим данным, теплоход подожгла американская разведка, чтобы уничтожить Фын Юйсянь и осложнить отношения между СССР и Китаем...

Терехов вызвал к себе Генеральный прокурор СССР Григорий Николаевич Сафонов (он работал на этом посту с 1948 года по 1953 год. — А. Г.), приказав провести вторичное расследование. Вместе с работниками Прокуратуры в Одессу, куда буксировали обгоревшее судно, вылетели и сотрудники МГБ во главе с одним генералом... Провели следственный эксперимент: вытащили «Победу» в открытое море, имитировали пожар, включили хронометр. Все сошлось, выводы предыдущей комиссии подтвердились.

В Москве после доклада Терехова Сафонов сказал ему: «Я твою записку подписывать не буду!» Со своей стороны, глава МГБ Абакумов тоже отказался от подписи на рапорте генерала.

— Уже по профессиональным навыкам я почувствовал, какая опасность надо мною нависла, — вспоминает Г. А. Терехов. — Шли дни, никаких поручений не давали, занимался обычной текучкой. Стал уже даже готовиться к аресту...

В это время, как позже выяснилось, Сафонов с Абакумовым после долгих препирательств по поводу того, кому из них идти на доклад к Сталину, решили, наконец, что пойдет Абакумов. Даже министру МГБ сделать это было нелегко: Сталин часто хандрил и капризничал. Однако вскоре удалось заставить вождя в хорошем расположении духа, и, как ни странно, все обошлось. «Просто посмеялись мы вместе с Иосифом Виссарионовичем над Лаврентием да разошлись», — объяснил Терехову на допросе Абакумов.

КАК УКРАЛИ МИНИСТРА

Как-то Геннадий Афанасьевич заметил: «Между прочим, Шварцман, тот самый, который мучил во внутренней тюрьме НКВД Валентину Пикину и Александра Косарева, издевался над ними, тоже был моим подследственным...»

«Комсомольским делом» Шварцман занимался в тридцать восьмом году, а к концу сороковых дослужился до большой должности — заместителя начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР, полковника госбезопасности. Правда, в последние годы перед арестом ему что-то «не везло».

...10 апреля 1948 года министр морского флота СССР Александр Александрович Афанасьев проснулся в прекрасном расположении духа — у него был день рождения. Его, старого большевика, участника революции и гражданской войны, прошедшего путь от матроса до министра флота, готовились поздравлять товарищи. «Сначала поеду к полярникам, в Главсевморпути, — сказал жене Афанасьев, — а потом в министерство». И вызвал машину.

На полпути «ЗИС-101» остановился; шофер, качая головой, осматривая проколотые в нескольких местах покрышки. В тот же момент подрулил «бьюик», из него вышли какие-то люди: «Александр Александрович?.. Давайте мы вас подвезем!» Не успел Афанасьев сказать «спасибо», как его скрутили, бросили в машину, накиннули на голову мешок. Возили по Москве долго. Потом, завязав глаза, привели в какой-то особняк. «Вы среди представителей американской разведки, — заявили ошарашенному Афанасьеву, показав «документы». — Предлагаем вам сотрудничество». «Я с вами говорить не буду, — ответил Афанасьев, — ничего вы от меня не получите». «Мы и не рассчитывали на другой ответ, — сказал солидный незнакомец. — Подумайте». И назначил встречу возле Парка культуры со стороны Крымского моста. Затем ему снова завязали глаза, повезли и высадили в районе здания Моссовета.

Афанасьев пешком отправился в Кремль с намерением доложить о своем приключении Сталину. Вождь был занят, и Александр Александрович отправился к Берия, который курировал водный транспорт. Там уже сидел Абакумов. «Ты, товарищ Афанасьев, молодец! — одобрил министра Берия, выслушав его рассказ. — Теперь помоги нам поймать этих шпионов». Затем он вызвал двух офицеров и сказал им: «Поручаю вам охранять Афанасьева. Ни на шаг от него!» С этого момента возле пятого подъезда дома № 2 по улице Серафимовича круглосуточно дежурил милиционер, за министром повсюду следовала охрана.

Детектив по сценарию Абакумова продолжался. В назначенное время возле входа в Парк культуры и отдыха имени Горького Афанасьев увидел того самого «солидного незнакомца» из особняка. Сняв шляпу, он направился навстречу министру. Тут Александра Александровича охватила ярость, и вместо приветствия Афанасьев прямым ударом сбил с ног незнакомца. Тут же подскочили работники госбезопасности и увели «шпиона»...

Лишь спустя годы Александр Александрович узнал, что незнакомцем оказался не кто иной, как полковник Шварцман. Операция с треском провалилась. Абакумов упрекал Афанасьева: «Ты нас повел по ложному пути. Никакой это не шпион, обыкновенный инженер...» А для пущей убедительности показал министру «настоящего шпиона» — избитого, окровавленного, в разорванной рубашке человека. Берия добавил: «Мы тебя, Афанасьев, все-таки представим к ордену за бдительность!»

Перед майскими праздниками его арестовали в кабинете Абакумова. Следствие вел полковник госбезопасности Комаров. Было 120 допросов. Ни в чем не признался Афанасьев, никаких «показаний» не дал. Его перевели в Лефортовскую тюрьму, в одиночку, где он потерял счет дням. Лепил из хлебного мякиша шахматные фигурки и играл сам с собой. Дважды побывал в карцере — подвале, обложенном снаружи льдом, среди крыс; раздетый до исподнего, спал на грязной охапке соломы.

Однажды, когда ему показалось, что жизнь потеряла смысл, стал украдкой точить об камень ручку ложки. Когда оружие было почти готово, ложку нашли. В лагере под Кемерово, куда Афанасьева отправили по этапу, он узнал, что приговорен к 20 годам лишения свободы...

Полностью реабилитированный, ставший впоследствии заместителем министра морского флота страны, кавалер трех орденов Ленина, орденов Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, Афанасьев выступал как свидетель на процессе по делу Абакумова, которого расстреляли 19 декабря 1954 года. Он живет в Москве, является председателем совета Клуба капитанов. В этом году ему исполнилось 85 лет...

ПАДЕНИЕ «ЧЕРНОГО ПОЛКОВНИКА»

— Арест Шварцмана, — говорит Терехов, — был поручен мне и следователю по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Константину Каверину. Вызвали мы с Костей этого мучителя в Прокуратуру Союза, предложили ему сдать оружие и документы. Шварцман сразу же все понял, порылся в карманах, отдал нам свой пистолет и портмоне. Никакого сопротивления не оказал. Правда, он не знал, что мы-то без оружия. Старались держаться поближе к нему на всякий случай. А потом отвезли в тюрьму.

Происходило все это еще при жизни Сталина, при Берия. На первых же допросах Шварцман принялся оговаривать кого только можно... Работал с нами тогда старший помощник Генерального прокурора Союза ССР Лев Шейнин, известный писатель, драматург, автор «Записок следователя». Шейнина поддерживал сам Молотов.

На допросе Шварцман назвал Шейнина еврейским националистом.

Вокруг Шварцмана, «черного полковника», происходила какая-то игра. Ни Терехов, ни Каверин не знали тогда об этом допросе, как и о том, что протокол направлен Сталину. И что же? Вождь начертал на нем свою резолюцию: «Арестовать. Ст.». Шейнин и его подчиненный Дорон оказались в тюрьме.

— После этого случая, — говорит Геннадий Афанасьевич, — я окончательно убедился, что Сталин мог наложить резолюцию, влекущую за собой годы лагерей или смерть, безо всяких на то оснований. Отправить людей за решетку, опираясь при этом только лишь на вымысел арестованного? Шейнина я знал много лет, наши семьи дружили. Его и Дорона потом освободили, полностью реабилитировали... Лев Шейнин вновь продолжил свои литературные занятия. Александра Дорона приняли в центральный аппарат Прокуратуры. Но время, проведенное в застенках МГБ, не могло на нем не сказаться. Его там жестоко мучили... Дорон проработал с нами недолго и вскоре скончался...

После того «спокойного ареста» Шварцмана я говорил Каверину: «Смотри-ка, какой солидный мужчина, с ним-то у нас проблем не будет». Но, видно, поторопился с оценкой. Через пару недель во время допроса, когда я даже не вышел, а просто выглянул за двери кабинета, Шварцман с разбегу ударился головой о батарею отопления. Что он хотел этим продемонстрировать?.. Может быть, полагал, что я стану применять к нему те же «недозволенные методы», при помощи которых он мучил сотни своих жертв? Или вспомнил, как избивал ни в чем не повинных людей, выжимая из них «показания», заставляя часами стоять, полусогнув колени?..

НЕУДАВШИЙСЯ ПЕРЕВОРОТ

Напомнил Геннадию Афанасьевичу о недавней статье «Хрущев» в «Литгазете», и Терехов сказал: «На мой взгляд, это наиболее объективное и достоверное свидетельство о Никите Сергеевиче как о политике...» Но захотелось спросить еще вот о чем. Хрущев при Сталине был членом Политбюро. Что же побудило его заняться разоблачением культа личности Сталина? Ведь тень вины за последствия этого культа могла пасть и на него самого?

— Не следует горячиться с выводами об инициативе, — поправил Геннадий Афанасьевич. — Думаю, не менее важную роль здесь сыграл Николай Александрович Булганин. Нельзя забывать также вот о чем. Сталин умер, а Берия все еще разгуливал на свободе, когда его делом уже занялись. Правительственный кризис назрел в конце июня. Именно тогда Берия, почувствовав, что наступил подходящий момент для захвата власти, отдал тайный приказ направить войска нескольких дивизий из центральных областей РСФСР в Москву. Тогда было решено действовать.

Прежде всего позвонили в особняк Берия на Вспольном переулке и вызвали в ЦК партии якобы для беседы полковников Саркисова и Надорая —

начальников личной охраны. Тут же их место заняли офицеры, подчиненные Булганину, из Московского гарнизона. В тот же день Берия арестовали во время заседания Политбюро в Кремле... Эти данные — не предположения, они основаны на материалах допросов. Арестованных Саркисова и Надорая увезли в Бутырскую тюрьму. А Берия поместили в штаб Московского военного округа. Там он сидел в полной изоляции, под усиленной охраной в ожидании суда.

ВОЗМЕЗДИЕ

Берия допрашивал Петр Константинович Цареградский, следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР, государственный советник юстиции III класса. Его, к сожалению, уже нет в живых... Сначала на допросах Берия вел себя высокомерно, видно, никак не мог смириться с ролью подследственного. Волновался за судьбу родных. День за днем Цареградский и его товарищи распутывали хитросплетения карьеры этого монстра и палача: от чудовищных предательств своих же «друзей» и восхождения по трупам на вершины власти — до попытки государственного переворота, в случае успеха которого трудно было бы предсказать дальнейшую судьбу нашей страны.

Насчет родственников Берия волновался напрасно, они не были арестованы. Его жена, Нина Теймуразовна Гегечкория, кандидат сельскохозяйственных наук, имела репутацию честного человека. К сыну Берия, женатому на внучке Горького — Марфе Пешковой, — тоже не было никаких претензий. По ходу следствия выяснилось, что Нина Теймуразовна — племянница Евгения Гегечкория, министра иностранных дел в меньшевистском правительстве Ноя Жордания в Грузии. Доказано, что Берия до самого ареста поддерживал связь с Жордания, * который в конце двадцатых годов эмигрировал в Париж.

По делу Берия Геннадию Афанасьевичу, помимо всего прочего, пришлось заниматься еще и, так сказать, «узкой отраслью», то есть теми женщинами, которые стали жертвами его распутства.

— Протоколы допросов, — вспоминает Терехов, — я вручал лично Генеральному прокурору Р. А. Руденко, а тот — Н. С. Хрущеву. Мне удалось выявить более двухсот таких женщин, причем некоторые из них носили фамилии, оглашение которых могло вызвать неприятности... Сначала я искал их, а потом они сами стали являться в Прокуратуру Союза. Допросить их всех не было никакой возможности. В конце концов, не помню, на какой уж «девушке» по счету, у Руденко лопнуло терпение, он вызвал меня и сказал: «Довольно. Не нужно превращать политическое дело в аморалку». А они все шли и шли... Многие из них были осуждены, мне потом пришлось заняться их реабилитацией: ведь и честные женщины невольно становились жертвами этого плотоядного палача...

Суд над Берия и его сообщниками проходил в том же здании, где он находился под арестом, — в штабе Московского военного округа. Берия вел себя спокойно, хотя ему предъявлялись такие обвинения, что даже у нас, выдавших виды профессионалов, волосы вставали на голове дыбом. Не могли скрыть волнения председательствующий маршал Конев и члены Специального Судебного Присутствия Верховного Суда СССР, а Берия отвечал на вопросы бесстрастно. Только когда коснулось «девушек», Берия вдруг устыдился, смешался и стал просить суд не зачитывать протоколы допросов. Его расстреляли 23 декабря 1953 года.

С 14 по 25 февраля 1956 года проходил знаменитый XX съезд КПСС. Терехов присутствовал на нем в качестве гостя, был и на закрытом заседании. Н. С. Хрущев читал документ, в подготовке которого участвовали многие люди. В одну из частей доклада были положены в основу и материалы следственной группы Прокуратуры СССР.

— По делу Берия мы предоставили в распоряжение ЦК партии такие данные и речь в них шла о столь вопиющих беззакониях, — говорит Терехов, — что само дело Берия послужило началом широкой реабилитации. Она началась еще до съезда, в 1954 году... Роль Хрущева как политического лидера в огласке беззаконий, безусловно, велика. Это был смелый поступок. Однако Никита Сергеевич, разумеется, не мог миновать в свое время участия в трагически известных «тройках» и, когда стал главой государства, позаботился о том, чтобы его имя не упоминалось в связи с этим. Я неоднократно встречался с Хрущевым, видел его в различных ситуациях. Но это уже отдельный разговор. И, думаю, свое слово о нем еще скажут наши историки.

* Жордания Н. Н. (псевдоним: Костров), 1869 года рождения, лидер меньшевиков на Кавказе, литератор; в 1918—1921 годах — глава меньшевистского правительства Грузии, организатор контрреволюционного мятежа в Грузии в 1924 году. (Прим. автора.)

ВТОРОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ. «ПРИНЦИП ТЕРЕХОВА»

После процесса над Л. Берия, В. Меркуловым, В. Деканозовым, Б. Кобуловым, С. Гоглидзе, П. Мешиком и Л. Влодзимирским в поле зрения следствия попали другие преступники, рангом пониже. Как же поступили с начальством бывших лагерей, работниками аппарата НКВД (МГБ) в Москве, других городах?

— Если становились известными факты, что тот или иной офицер госбезопасности замешан в необоснованных обвинениях против советских людей, — говорит Терехов, — то таких сотрудников в зависимости от степени вины исключали из партии, снимали с должности или судили по закону. Но только в том случае, если имелись неопровержимые доказательства. Никакой особой чистки не делали, штаты не сокращали... Этими делами занимался мой коллега и однофамилец Дмитрий Павлович Терехов, заместитель главного военного прокурора Советской Армии, полковник юстиции. Тот самый, кто, кстати говоря, подписал сообщение в адрес Валентины Пикиной о полной ее реабилитации.

Это было время, когда второй раз в истории страны началось освобождение из лагерей. Г. А. Терехов с утра до ночи изучал в своем кабинете уголовные дела, извлеченные из архивов. Невеселое это было чтение... Мировая юридическая практика, наверное, знала немного случаев, когда после многолетних репрессий такого масштаба приходилось вести не меньшую по масштабам реабилитацию. Около двадцати лет занимался ею Терехов, до тех пор, пока не застопорился пересмотр дел уже при Брежневе. Сейчас же, когда возобновилась реабилитация, был бы, наверное, весьма полезен новому поколению советских юристов опыт Геннадия Афанасьевича.

— Со временем я выработал собственную концепцию пересмотра дел, — рассказывает Терехов. — Готов и сейчас работать безвозмездно. Только надо бы пересматривать дела не по тем старым методикам, по которым людей сначала сажали, а потом растягивали реабилитацию на много лет.

Сначала, считает Геннадий Афанасьевич, нужно разобраться в личности самого человека, изучить его. Если до ареста на него не было никаких материалов, а человек вдруг стал «сознаваться», то такие признания следует еще тщательно проверить, подтвердить другими объективными данными. Если дело построено только на «признаниях» арестованного и никаких улик больше нет, можно смело передавать его в Верховный Суд.

Невольное вспоминается дело А. В. Косарева. «Перед арестом Саша мне говорил, — рассказывала Мария Викторовна Нанейшвили, — чтобы я не верила ничему, написанному не его рукой. На Лубянке мне предъявили «признания» Косарева. Машинописный текст, на каждой странице — Сашина подпись... Меня охватили такой страх и отчаяние, что я забыла о наказе мужа: подпись-то показалась мне подлинной. Читаю текст: «Я, Косарев А. В., завербованный в контрреволюционную организацию...» — и глазам своим не верю. Началось со мною что-то вроде истерики, охрана заломила руки, потащила в камеру. А там вдоль стены какой-то сундук с торчащими трубами. Из труб — могильный холод. Замерзла я... И тут вспомнила Сашины слова, поняла: под протоколами стояла не подлинная его подпись, а факсимильная печать, изъятая в его кабинете после ареста... Тут же успокоилась, стала колотить в двери, выпустили... Так что они там на Лубянке шли на любую подлость, на любой подлог, чтоб сфальсифицировать дело!»

«Так оно чаще всего и было, — соглашается Геннадий Афанасьевич, — это лишь подтверждает мои доводы».

— И второе, — продолжал Терехов. — Если после ареста человека против него свидетельствовали арестованные лица, их показания нельзя считать достоверными. Особенно в том случае, если их не подтвердили другие показания, тех людей, что были на свободе и не боялись, что после отказа дать «показания» сами окажутся за решеткой. По-моему, под таким углом нужно рассматривать каждое дело. И тогда станет ясно, кого реабилитировать, а кого нет. Ведь в период необоснованных репрессий судили и настоящих преступников, хотя их, конечно, было намного меньше...

Читаешь редакционную почту — нет-нет да мелькнет письмо сердитого читателя, недовольного возобновленной реабилитацией, все еще тоскующего по «железной сталинской руке». Часто без подписи. Кто же он?

Может быть, давно уволенный из органов следователь времен Ежова или Берия, которому все еще хотелось бы судить о человеке по строке доноса?.. А может, это вечная домашняя хозяйка, супруга

какого-нибудь благополучного начальника, сделавшего карьеру в сталинское время, обывательница, никогда не знавшая ни лубянских, ни бутырских, ни лефортовских застенков, которая не слышала криков избиваемых узников в тюрьме на улице Матросской Тишины?..

Или суровый пенсионер, «переживший» и Сталина, и Хрущева, и Брежнева, выглядывающий с ухмылкой из-за забора своей дачи «на перестройку»; функционер, сохранивший былой гневный румянец, не желающий ничего слышать о вое лагерных собак, побоях, жестоких шмонах, изнурительных этапах в Кара-

ганду, каторге «Беломорканала» и «Дальстроа», мраке урановых рудников?..

Нет, ни на шаг мы не продвинемся в нравственном отношении, пока окончательно не распутаем этот чудовищный клубок. Не предадим полной гласности преступления авантюристов перед нашим народом. Не назовем поименно тех, кого ни жестокие муки сталинской инквизиции, ни даже смерть не могли заставить отказаться от своих убеждений. Иск в защиту правды срока давности не имеет.

■

НЕТ ПРОБЛЕМ?

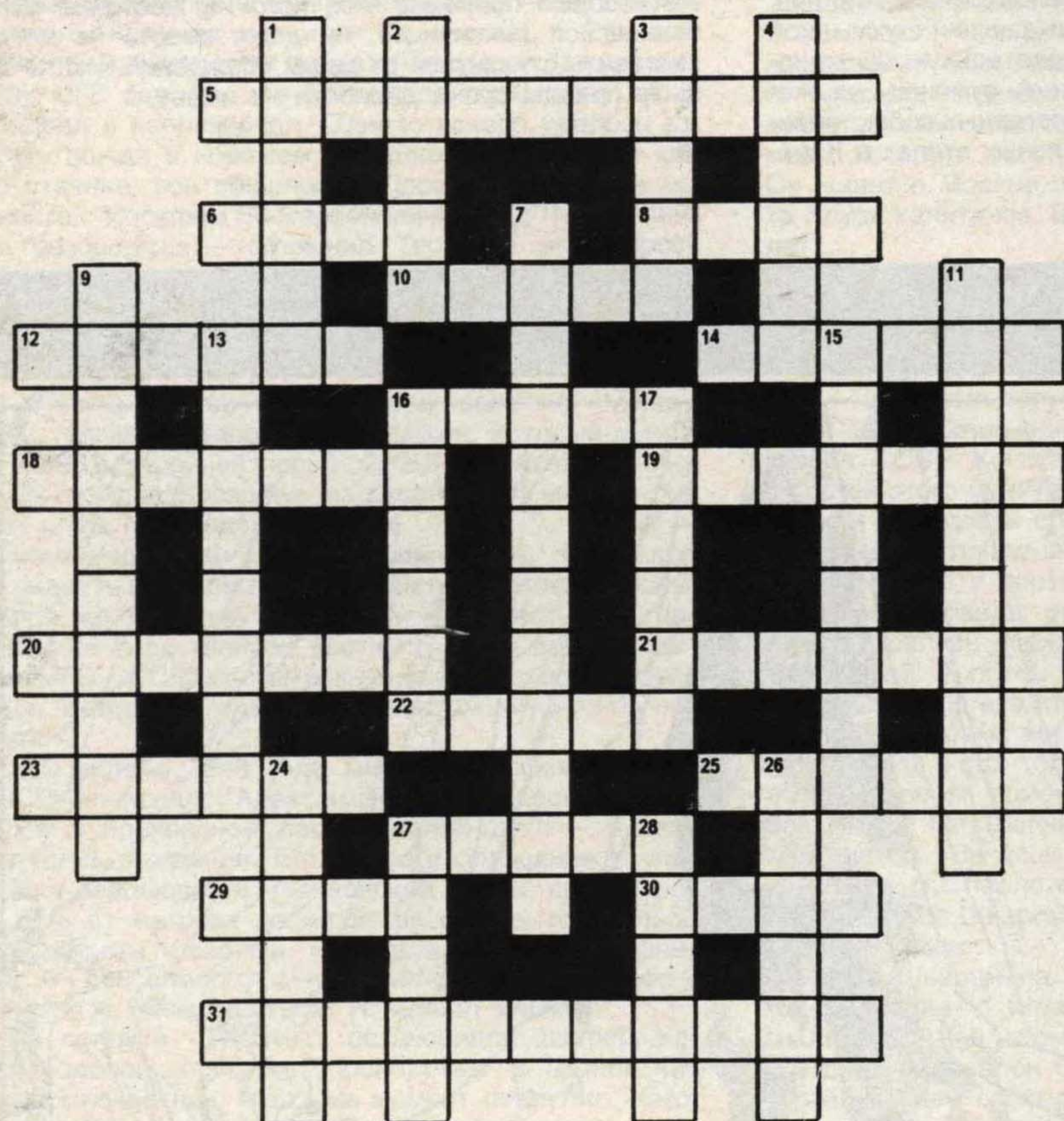

— Уваскрэсні, бацька родны, памажы ўправіцца з гэтымі перабудоўчыкамі.

— Воскресни, отец родной, помоги справиться с этими перестройщиками.

Рисунок А. ГАРМАЗЫ.
(Журнал «Вожык», Минск, 1988, № 3)

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Декоративное освещение зданий, улиц, по случаю торжества. 6. Небольшой ресторан. 8. Река в Западной Сибири. 10. Резкое увеличение темпа движения в состязаниях по скоростным видам спорта. 12. Река, впадающая в озеро Ильмень. 14. Краткий призыв, выражающий руководящую идею. 16. Герой романа Я. Гашека. 18. Форма общественного устройства. 19. Русский композитор XIX века. 20. Равенство, равноправие сторон. 21. Основной труд К. Маркса. 22. Многолетняя болотная трава. 23. Всесоюзное спортивное общество. 25. Пьеса М. Горького. 27. Народный писатель Белоруссии. 29. Город, в котором родился К. Маркс. 30. Минеральная желтая краска. 31. Пояснение к тексту, разновидность средств массовой информации.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Опера А. А. Спендиарова. 2. Сорт груш. 3. Холодное овощное блюдо с приправой. 4. Город на севере США. 7. Обертка поверх переплета книги. 9. Отрасль техники, промышленность, печатающая книги, газеты. 11. Процесс проведения согласованной межгосударственной экономической политики. 13. Действующее лицо оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин». 15. Неоднократная чемпионка СССР, мира и Олимпийских игр по фехтованию. 16. Передвижной цирк. 17. Прозрачная бумага или ткань для копирования чертежей. 24. Скульптор, автор памятника Минину и Пожарскому. 26. Слово или словосочетание специального научного значения. 27. Немецкий композитор, пианист и дирижер XIX века. 28. Мяч с оперением для игры в бадминтон.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 17

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 6. «Искра». 9. Днепрогэс. 10. «Коммунист». 11. Бернал. 12. Героизм. 13. Чапаев. 16. Видеомагнитофон. 19. Отметка. 20. «Проводы». 21. Строитель. 22. Куинджи. 24. «Юманите». 28. Молодогвардейск. 31. Минута. 32. Кислица. 34. Стимул. 35. Честность. 36. Непринцев. 37. Курск.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Рисберма. 2. Скудо. 3. Заказник. 4. Интернат. 5. Ергаки. 7. Лугано. 8. Астероид. 14. Герасимов. 15. Компьютер. 16. Вьетнам. 17. Гориков. 18. Нивяник. 23. Украинец. 25. Трезубец. 26. «Полинька». 27. Гриценко. 29. Октант. 30. Сотник. 33. Лаура.

СКОРО В ОГОНЬКЕ.

В одном
из ближайших номеров
читайте рассказ
популярного
в двадцатые годы
писателя
Андрея Соболя
«Когда цветет вишня».

ИТАЛЬЯНЦЫ В «РОССИИ»

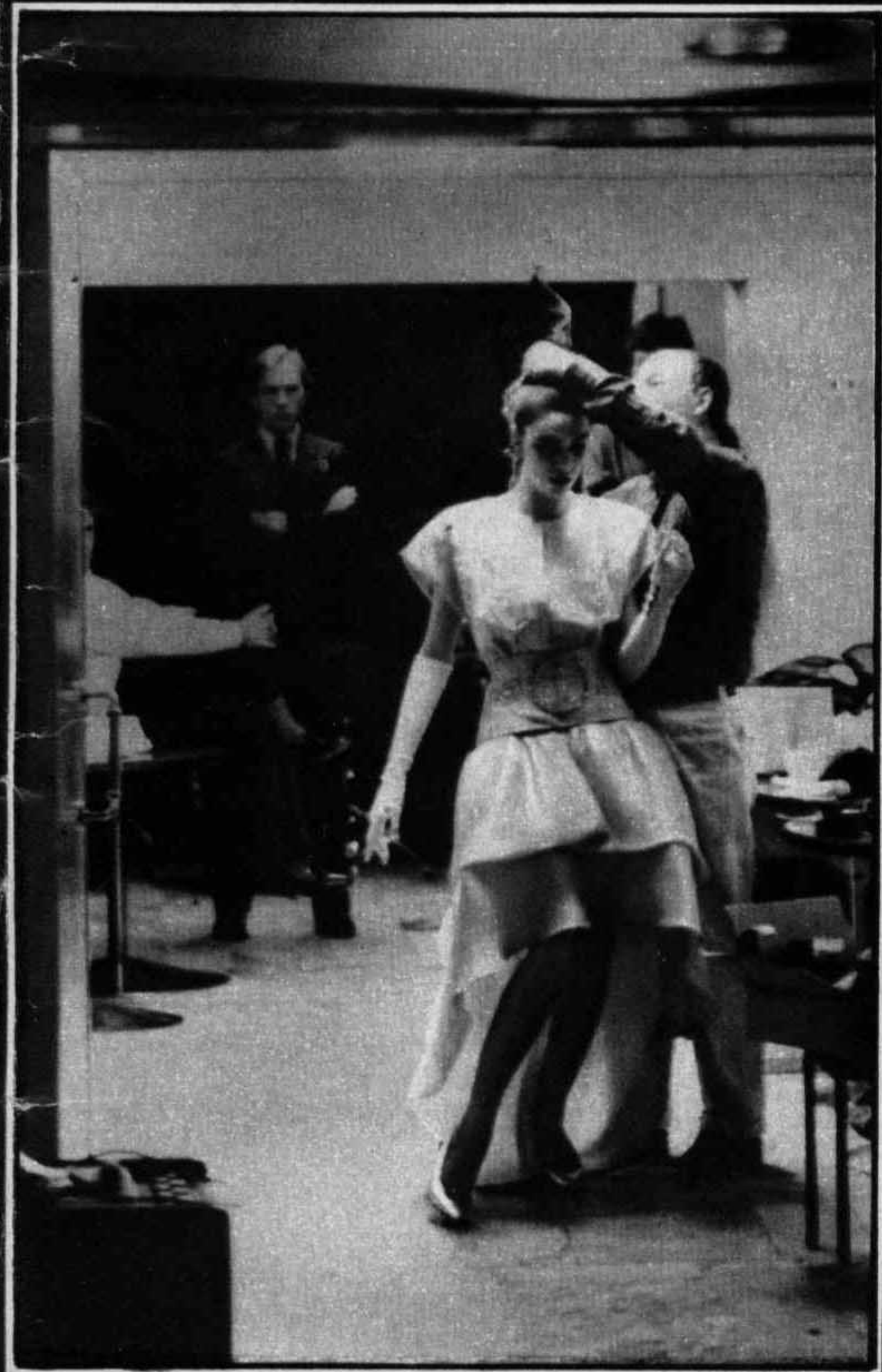
Выходу первого номера итальянского журнала «Домус» («Дом») на русском языке предшествовало представление в киноконцертном зале «Россия», в котором приняли участие итальянские певцы Ива Дзаники, Николо ди Бари и Дом моды Ирины Голицыной.

...Сегодня москвичей и гостей столицы трудно удивить яркими празднествами «по случаю». И хотя, на наш взгляд, команда «итальянских профессионалов», усиленная лучшими манекенщицами Москвы, не затмила горизонт мировой моды, но прирожденная изысканность и вкус И. Голицыной дали возможность зрителям убедиться, что и на Апеннинском полуострове умеют заботиться о том, чтобы женщина была всегда хороша.

Красота, цветы, мода. Эти слова в весенние дни наполняются особым смыслом и радуют по-особому сердца людей.

Виталий ЗАСЕЕВ
Фото Геннадия КОПОСОВА

● «Домус» — это и красота, и мода, и весна.

● Ирина Голицына (слева) на Красной площади.

● За минуту до выхода на подиум.

● Ива Дзаникки приветствует москвичей.

● За кулисами.

● Парад итальянской моды для тех, кто не попал на концерт.

ДУША КАМНЯ

Какие удивительные изделия можно создать из самоцветов, используя природную красоту благородного камня!

Лучшие из таких вещей хранятся в музеях мира, в том числе и в Минералогическом музее имени А. Е. Ферсмана Академии наук СССР.

Изумленно взирает хрустальный гусь на хрупкую веточку душистого горошка: не блекнет зелень листы, не вянут лепестки, и «вода» в хрустале прозрачна, как и 100 лет назад... И нежный цветок со стебельком из нефрита и лепестками из родонита и чета важных гусей из горного хрусталя вышли из мастерской знаменитого резчика Фаберже.

Но разве менее нежны и прихотливы лепестки каменных роз — белой, кальцитовый и черной — гематитовой, созданных в мастерской Природы? Найдутся ли краски у художников, чтобы передать все оттенки кристаллов турмалина, аметиста и других самоцветов?

Татьяна ЗДОРИК,
кандидат
геолого-минералогических наук.

Фото М. МЕЗЕНЦЕВА.

ОГОНЁК

ISSN 0131-0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663